ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

или

ДРЕВНІЯ СКАЗКИ

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЕЧЕРЪ XXXVII.

Заключеніе повѣсти о Вадимѣ.

Семіръ первой приступилъ исполнить волю своей родительницы, и повѣствовалъ приключеніе свое сначала, такъ какъ уже описано оное во Второй Части. По томъ продолжалъ оное слѣдующимъ образомъ:

—— ---- Раны, мною полученныя, удержали меня въ войскѣ Славянорусскаго Князя до самаго отъѣзду *Русимова* въ Хомоградъ. Отсутствіе *Арены* умножило душевную скорбь мою, и воспалило столько мои раны, что отчаялись объ моемъ выздоровленіи. Я всегда не считалъ себя щастливымъ въ моей страсти, однакожъ столько ласкалъ себя со стороны дружбы, оказываемой мни-

мою моею любовницею, что не зналъ, къ чему приписать надлежало нечаянной отъѣздъ ея, и особливо во время моей болѣзни. Какъ скоро могъ я сѣсть на коня, отправился искать несправедливую *Арену*, чтобъ укорить ее, и либо узнать причину суроваго ея поступка, или умереть предъ ногами ея, когда произошло то отъ презрѣнія ко мнѣ. Но куда могъ я обратиться? Всѣ развѣдыванія мои остались тщетны: никто не зналъ ни объ *Аренѣ*, ни объ *Ноанѣ*. Странствуя по областямъ Славянорусскимъ, заключилъ я предпріять путь мой въ обры; ибо мнилъ, что не куда любовницѣ моей удалиться, кромѣ въ ея отечество. Я нашелъ Дворъ Князя Обрскаго подверженнъ сугубой печали какъ о плѣнѣ Княжны единственной наслѣдницы престола, кою считали содержимою въ оковахъ въ Хоградѣ, такъ и о погибили войскъ, посланныхъ на помощь *Худояру*, изъ которыхъ спаслось самое малое число. Я сочелъ за нужное увѣдомить Государя Обрскаго, что несправедливъ слухъ тотъ, по которому счелъ онъ дочь свою плѣнницею Славяноруссовъ, и представъ предъ него, разсказалъ все, что зналъ объ отсутствіи ея изъ войскъ *Гардориковыхъ*. Обрадованный тѣмъ Князь Обрскій удержалъ меня нѣсколько времени при Дворѣ своемъ, и разослалъ множество

Вель-

вельможъ въ разныя государства для провѣдыванія объ ней. Не знали, что заключить о причинѣ сего поступка ея, и утверждали, что отвращеніе ея къ супругу, которому она была назначена по принужденію, принудило ее удаляться отъ своего отечества. Родитель ея приходилъ отъ того въ отчаяніе, и проклиналъ злоупотребленіе своей власти; но все то не приносило отрады моему сердцу: я положилъ твердое намѣреніе сыскать ее, или умереть въ отчаяніи. Оставивъ Обры, проѣхалъ я многія страны, но нигдѣ не могъ получить ни малаго свѣденія; возлюбленная моя *Арена* и вѣрной ея *Ноанъ*, такъ сказать, какъ бы въ воду упали. Въ горести моей рѣшился я прибѣгнуть къ Бужанскому боговѣщалищу, и вопросить о судьбѣ моей; куда и прибылъ безъ всякихъ противныхъ приключеній. Не стану я описывать великолѣпіе храма и зданій служебныхъ, посвященныхъ матери боговъ: оныя довольно извѣстны, а скажу только, что по пріѣздѣ моемъ ко вратамъ ограды, по первомъ вопросѣ отъ привратника, представленъ былъ я предъ верьховнаго жреца. Оный принялъ меня съ отмѣнною ласковостію, и между тѣмъ, какъ повелѣлъ пріуготовлять надлежащее къ угощенію моему, старался вывѣдать отъ меня, кто я таковъ, какъ называюсь, и какія

 при-

причины приводятъ меня къ боговѣщалищу. Я не намѣренъ былъ отъ него скрывать о себѣ; разсказалъ все, и могъ замѣтить, что выслушивалъ онъ меня съ удовольствіемъ. Послѣ вкуснаго ужина отвели мнѣ богато-убранной покой въ гостинницѣ, гдѣ я и заснулъ. Предъ восхожденіемъ солнца присланный отъ верьховнаго жреца разбудилъ меня, повелѣлъ мнѣ омыться въ водахъ священнаго Буга, и ввелъ меня въ святилище Златой-бабы. Когда жертва воспалена была предъ истуканомъ, палъ я по данному мнѣ наставленію ницъ лицемъ, и ожидалъ отвѣту. Чрезъ нѣсколько минутъ послышалъ я согласіе разныхъ музыкальныхъ орудій, и великое благовоніе, наполнившее весь храмъ, а по томъ изъ внутренности храма проліявшіяся ко мнѣ слѣдующія слова: „Шествуй *Семіръ* къ предсказательницѣ, обитающей въ странѣ Славянорусской. „Тамо узнаешь ты всѣ подробрости, относящіяся до судьбы твоей.„ Отвѣтъ сей принесъ немалую отраду страждущему моему сердцу; одаривъ всѣхъ священнослужителей, отправился я въ страны Славянорусскія, и по нѣкоторыхъ поискахъ открылъ путь къ пещерѣ обитаемой моею родительницею. Сколько ни обрадованъ я моею находкою, встрѣчею съ возлюбленными мнѣ особами, и объясненіемъ неизвѣстной досель

сель судьбы моей: но долженъ признаться, что потребно время для исцѣленія душевной моей слабости. Сердце мое, привыкшее любить страстно, не удобно согласиться лишить себя всѣхъ надеждъ. —— ——

Окончавъ повѣсть свою, онъ вздохнулъ, обнялъ брата своего, и закраснѣвшись умолкъ. Мнимая *Арена*, или истинный *Нурединъ*, разсказывалъ потомъ приключенія свои слѣдующимъ образомъ:

---- ---- Начало первыхъ случаевъ жизни моей извѣстно уже изъ повѣствованія *Ардоланова*: то есть что онъ купилъ меня у купца торгующаго невольниками, и подмѣнилъ на мѣсто дочери Князя Обрскаго. Когда началъ я разсуждать, весьма удивительна казалась мнѣ причина, для которой скрываютъ полъ мой. Хотя мамка моя безпрестанно твердила мнѣ, что отъ сего таинства зависитъ благополучіе предъидущихъ дней моихъ: но я не могъ вѣрить, чтобъ могъ быть я щастливѣе подъ названіемъ притворнымъ, нежели подъ моимъ собственнымъ. Однако мамка моя столько успѣла внушить мнѣ суевѣрія, что опредѣлилъ я до нѣкотораго времени, когда судьбѣ угодно будетъ сложить съ меня принужденное мое состояніе, сохранять мою тайну. Прибытіе ко Двору Князя Обрскаго брата моего *Семіра* принесло мнѣ великое

 уде-

удовольствіе. Не постигая о томъ, что дѣйствіе единокровія раждало къ нему въ душѣ моей, съ перваго взгляду возчувствовалъ я къ нему искреннее дружество. Но произшедшая въ сердцѣ его ко мнѣ страсть, не могла надолго отъ меня утаиться, и произвела великое мнѣ безпокойство. Страданіе, приключаемое ему мнимою моею холодностію, подвергло его столь жестокимъ мученіямъ, что я не могъ видѣть оныхъ равнодушно, и стараясь утѣшать его, стократно покушался открыть ему мое таинство, и тѣмъ вывести изъ заблужденія. Впрочемъ произшедшее отъ страсти ко мнѣ *Худояровой*, извѣстно уже изъ повѣствованія *Семірова*. Гордый бунтовщикъ, вознамѣрясь первыми успѣхами непродолжительнаго своего щастія, помышляя о дерзостномъ своемъ возвышеніи, не позабылъ о страсти своей ко мнѣ, и требовалъ меня у мнимаго родителя моего въ супружество; а притомъ и нѣсколько войскъ на помощь къ достиженію своему на Славянорусскій престолъ. Князь Обрскій, ослѣпленный успѣхами оружія бунтовщика сего, не сомнѣвался, что оный удобно свергнетъ *Гардорика*: и по тому союзъ съ нимъ полагалъ за весьма выгодный. Словомъ сказать, помощное войско было собрано, и я опредѣленъ въ супругу разбойнику. Не могу я доволь-

вольно изобразить вамъ тогдашняго моего смятенія. Оказанныя съ моей стороны сопротивленія лишь раздражали мнимаго моего родителя, и побуждали его сдержать свое слово, которое далъ онъ безъ моего согласія. Я видѣлъ себя приведенна въ крайность открыться въ таинствѣ, могущемъ вдругъ остановить всѣ его намѣренія; однако предразсудки ли, вкорененные со стороны суевѣрія, или воля судьбы учинили то, что я сохранилъ скромность. Оказавъ себя покорнымъ волѣ Князя Обрскаго, разсуждалъ я о способахъ, какимъ бы образомъ отлучиться изъ войскъ посланныхъ *Худояру* на помощь, не разгнѣвавъ чрезъ то моего родителя, и не находилъ въ томъ затрудненій въ разсужденіи моего пола. Должно отчасти признаться, что склонность моя къ оружію, и дружество, чувствуемое къ брату моему *Семіру*, были главнымъ побужденіемъ моей скромности. Вопервыхъ полъ мой пріуготовлялъ къ иному, нежели въ чемъ старались воспитать меня, и я хотѣлъ узнать обстоятельнѣе воинскіе обряды; а вовторыхъ, не могъ я сносить разлуки съ *Семіромъ*: и для того послалъ къ нему съ письмомъ вѣрнаго моего *Ноана*. Не сомнѣвался я, что онъ, узнавъ о участи моей, поспѣшитъ ко мнѣ на помощь; при чемъ могу я съ нимъ увидѣвшись открыть-

ся, по какимъ причинамъ не можетъ онъ ожидать отъ меня, кромѣ дружества. Послѣ чего намѣренъ былъ я съ нимъ слѣдовать ко Двору Короля Козарскаго, и пробывъ тамъ нѣсколько, возвратиться въ Обры.

Между тѣмъ, какъ слѣдовали мы къ войскамъ *Худояровымъ*, нашелъ я способъ, переодѣвшись въ рыцарское вооруженіе, тайно оставить Обровъ. Хотя позорище военное привлекало меня къ себѣ, но и склонность моя къ *Семiру* была не меньше оныя. *Ноанъ* не возвращался: и для того направилъ я путь мой въ Козары; однако тамъ не нашелъ я, чего желалъ. *Семiръ* въ то время отправился съ *Ардоланомъ* при посольствѣ къ Королю Готфскому, а съ нимъ и вѣрной мой *Ноанъ*. Не сочтя за нужное открытно появиться при Дворѣ *Абрадатовомъ*, вздумалъ я возвратиться въ войска *Худояровы*; ибо уповалъ, что удовольствуя склонность мою къ войнѣ, могу дождаться тамъ прибытія въ войска Славянорусскія *Семiра*; а притомъ вывѣдавъ обстоятельно о силахъ бунтовщика сего, могу быть полезенъ справедливой сторонѣ, на которую намѣренъ былъ я перейти, какъ скоро прибудетъ туда *Семiръ*. Прибывъ въ войска *Худояровы* подъ именемъ богатыря изъ страны Горянскія, вскорѣ узналъ я, что отсутствіе мнимой Княжны

Об-

Обрской приключило ему великую печаль. Не опасался я предстать предъ *Худояра* въ разсужденiи того, что хотя бы онъ и вклепался въ лице мое; но полъ мой учинялъ меня безопаснымъ отъ гоненiй сего свирѣпаго любовника. Въ самомъ дѣлѣ *Худояръ* смотрѣлъ съ особливымъ вниманiемъ на лице мое, когда я предлагалъ ему услуги мои въ его войскѣ; однакожъ пробивавшiеся тогда волосы на бородѣ моей доказывали ему ошибку его. Онъ вздохнулъ, и съ особливою ласковостiю опредѣлилъ мнѣ мѣсто въ своихъ войскахъ. Не рѣдко призывалъ онъ меня къ столу своему, и чрезъ разныя околичности старался узнать отъ меня, не въ свойствѣ ли я нахожусь Князю Обрскому. Не скрывалъ онъ и того, что чувствуетъ ко мнѣ особливое дружество въ разсужденiи сходства лица моего съ нѣкоторою любезною ему особою. Но отвѣты мои, къ коимъ я заранѣе прiуготовился, не подавали ему ни малаго объясненiя. Я старался удаляться отъ Обровъ прибывшихъ къ нему на помощь, чтобъ оные узнавъ меня, не нанесли мнѣ стыда; ибо необходимо подвергся бы я отъ того освидѣтельствованiю, которое, какъ поносное для богатыря, принудило бы меня прежде времени оставить его войско. Напослѣдокъ услышалъ я о прибытiи Козарскаго войска

на помощь Славяноруссамъ, и не сомнѣваясь, чтобъ не присутствовалъ при ономъ *Семiрѣ*, просилъ *Худояра* о вызовѣ противу меня на поединокъ богатыря изъ непрiятельской стороны. Намѣренiе мое состояло въ томъ, чтобъ по слабомъ сопротивленiи отдаться въ плѣнъ, и чрезъ то увидѣться съ *Семiромъ*, которой помощiю своею конечно не оставилъ бы меня въ неволѣ. По прозьбѣ моей посланъ провозвѣстникъ для вызову мнѣ противника; и чтобъ лучше привлечь къ зрѣлищу сему *Семiра*, упросилъ я провозвѣстника сказать, что вызовъ сей происходитъ со стороны Обрскаго Полководца, приведшаго на помощь *Худояру* войска. Нещастiе привело меня сразиться съ возлюбленнымъ моимъ *Семiромъ*, которой самъ выѣхалъ на вызовъ мой, и мы другъ друга не узнали; ибо сразились съ закрытыми лицами. Мысль, вошедшая тогда мнѣ въ голову, что предавшись добровольно въ плѣнъ моему противнику, учинитъ то меня военоплѣннымъ, и въ случаѣ отсутствiя *Семiрова* подвергнетъ неволѣ, а можетъ быть и казни, какъ сообщника бунтовщиковъ, перемѣнила прежнее мое намѣренiе. Я опредѣлилъ стараться побѣдить моего противника, и тогда добровольно, а не плѣнникомъ перейти на сторону, защищающую законное право своего Монарха. Въ сей-то

побѣд-

бѣдственной ошибкѣ нанесъ я многія раны, и остался побѣдителемъ надъ *Семіромъ*. Между тѣмъ какъ мы, узнавъ другъ друга, прекратили сраженіе и предстали предъ Славянорусскаго Полководца, началось нападеніе отъ войскъ *Худояровыхъ*. *Русимъ* вступилъ въ бой, а я проводила раненаго *Семіра* до шатра его. Въ то время подумалъ я, что состояніе *Семірово* препятствуетъ мнѣ открыться ему въ тайнѣ о моемъ полѣ. Я разсуждалъ, что любовникъ, столько страстный, лишившись вдругъ всѣхъ надеждъ, коими питалъ себя чрезъ столь долгое время, не можетъ снести равнодушно таковой перемѣны; съ другой стороны присутствіе мое не могло надолго утаить сего: и такъ, чтобъ не произвести ему вреда, рѣшился я удалиться отъ него на нѣсколько времени, и по близости къ войскамъ ожидать его выздоровленія. Встрѣтившійся тогда со мною *Иоанъ* облегчилъ выѣздъ мой изъ Славянорусскаго ополченія; я поскакалъ съ нимъ по первой попавшейся мнѣ дорогѣ, и разсказалъ ему причину, принудившую меня оставить *Семіра*. *Иоанъ*, который самъ впервые услышалъ о перемѣнѣ моего пола, пришелъ въ великое удивленіе, и не зналъ къ чему приписать то, для чего воспитывался я подъ именемъ дѣвицы. Мы разсуждали съ нимъ о томъ

разными способами; но догадки наши лишь приводили насъ въ дальнѣйшее изумленіе. *Ноанъ* ничего не терялъ отъ таковой перемѣны, и еще радовался, что судьба учинила его наперсникомъ будущаго его Князя, а не подданнымъ какого нибудь чужестраннаго Государя. Углубившись въ разговоры, не примѣтили мы того, что заѣхали въ прегустой и великой лѣсъ, и при наставшей темнотѣ ночной потеряли дорогу. Произшедшій тогда туманъ завелъ насъ въ сторону, и умноживъ мрачность, принудилъ насъ, сошедши съ коней, пробираться пѣшкомъ сквозь густоту лѣса для сысканія пути къ какому нибудь селенію; ибо не ѣвши во весь тотъ день, имѣли мы нужду въ пищѣ, также и лошади наши, По многомъ трудѣ выбрались мы на великую поляну, и вскорѣ увидѣли вдали свѣтъ отъ огня; мы съ удовольствіемъ поѣхали на оный. Шествуя болѣе двухъ часовъ по искривленной стезѣ, переправляясь чрезъ крутые рвы, густой лѣсъ, теряя нашу стежку, и опять оную сыскивая, прибыли мы напослѣдокъ къ воротамъ страннаго двора. Оный обнесенъ былъ высокимъ полисадникомъ, и украшенъ повсюду торчащими на колахъ мертвыми человѣческими головами. Видъ сей не обѣщалъ намъ хорошаго; однакожь голодъ принудилъ насъ постучаться въ ворота.

рота. На звукъ сей отворилось окно въ хороминѣ, находившейся надъ воротами, и грубой голосъ вопросилъ насъ, кто мы таковы и какую нужду имѣемъ въ его домѣ? Мы отвѣчали смѣло, что насъ двое сбившихся съ дороги путешественниковъ, кои имѣютъ нужду въ ночлегѣ и пищѣ. Но не болѣе ли васъ? спрашивалъ сей грубой лѣсожитель, коего мы при первомъ случаѣ сочли за начальника, или пристанодержателя разбойниковъ. Онъ желая удостовѣриться, выставилъ въ окно пукъ лучины, и осмотрѣвъ насъ съ ногъ до головы, пошелъ отперетъ ворота. Вы здѣсь будете угощены лучшимъ образомъ, говорилъ онъ, отмыкая великой и крѣпкой замокъ. Впустивъ насъ на дворъ замкнулъ онъ ворота по прежнему, приказалъ своему работнику прибрать лошадей нашихъ, и ввелъ насъ по мрачнымъ переходамъ въ свои хоромы. Покой, гдѣ онъ насъ оставилъ, освѣщаемъ былъ горящею лампадою, и при помощи оныя разсмотрѣли мы нашего странноприимца. Свирѣпое и съ густою клокастою рыжею бородою лицо его, съ платьемъ изъ звѣриныхъ вверьхъ шерьстью сдѣланныхъ кожъ, уподобляли его совершенно лѣшему. Мы разсуждали съ *Ноаномъ* порознь о сей встрѣчѣ, между тѣмъ какъ хозяинъ нашъ пошелъ стараться объ ужинѣ. Вскорѣ вошла къ намъ пригожая дѣвица,

а за нею и онъ. Дѣвица разослала скатерть; а онъ положилъ на оную великой хлѣбъ. Изъ словъ его узнали мы, что дѣвица сія была дочь его. Они принесли по томъ великое блюдо вареннаго гороху, и просилъ насъ покушать. Сколь ни бѣдна была таковая пища, но съ голоду ѣли мы оную со вкусомъ. Хозяинъ сей поднесъ намъ по томъ нѣкакаго пріятнаго напитку, отъ котораго мы въ нѣсколько минутъ охмѣлѣли, такъчто попадали безчувствѣ. Незнаю я, что происходило съ нами въ сіе время, но очнувшись увидѣли мы себя въ подземномъ погребѣ, обезоруженныхъ и скованныхъ желѣзными цѣпями. Признаюсь, что не могъ снести равнодушно таковаго нещастія; ужасъ овладѣлъ мною, и принудилъ меня возтрепетать. Я взиралъ въ безмолвіи на *Ноана*, мы спрашивали другъ друга взаимно, чему должно съ нами послѣдовать, и въ какихъ рукахъ мы находимся? Всѣ обстоятельства не предвѣщали намъ добраго, и разсужденія наши лишь болѣе приводили насъ въ уныніе. При слабомъ свѣтѣ, впадающемъ въ окошечко, укрѣпленное желѣзною рѣшеткою, могли мы замѣтить, что уже были полдни, но никто не приходилъ навѣстить насъ, ни дать намъ пищи. Напослѣдокъ услышали мы, что отворяется подъемная дверь, и увидѣли сходящаго къ намъ свирѣпаго наше-

шего хозяина. Онъ держалъ въ одной рукѣ широкой топоръ, а другою подалъ намъ горшокъ молока и два пшеничные хлѣба. Мы спрашивали у него, за какое преступленіе посажены мы въ темницу? Ѣшьте, (отвѣчалъ онъ съ грубостью) со временемъ вы объ томъ узнаете. Не удовольствовавшись тѣмъ, предлагали мы многіе ему вопросы, на которые однако онъ не удостоивъ насъ отвѣту, приказывалъ повелительно намъ замолчать и ѣсть. По окончаніи сего обѣда вышелъ онъ, и заперъ нашу темницу. Въ семъ состояніи провели мы болѣе двухъ мѣсяцовъ, не видавъ никого, кромѣ нашего лѣшаго, приносившаго намъ пищу. Таковое нещастіе мое повергло меня въ жестокую тоску, отъ которой я столько исхудалъ, какъ бы послѣ тяжкой болѣзни. Мнѣ представлялся безпрестанно любезной мой *Семіръ*, огорчающійся о нещастномъ моемъ отсутствіи, и въ таковое время, когда бы дружеству надлежало меня удержать при немъ. *Іоанъ*, раздѣляющій со мною грусть мою, не въ лучшемъ моего былъ состояніи. Суровой нашъ хозяинъ, или сказать прямѣе темничный стражъ, при посѣщеніяхъ своихъ наблюдалъ молчаніе, и мы не слыхали отъ него, опричь брани, которую произносилъ онъ взирая на насъ. Мы не понимали того, чемъ мы оную заслужи-

вали, равномѣрно какъ и причины нашего заточенія, до слѣдующаго произшествія:

Въ одну ночь, когда послѣ печальныхъ разговоровъ объ участи нашей, заснули мы сладкимъ сномъ, разбудилъ насъ женской голосъ, произходящій въ окошечко, находившееся на потолокѣ нашей темницы. Проснитесь бѣдныя люди (сказалъ намъ сей голосъ)! отецъ мой теперь усыпленъ тѣмъ же напиткомъ, чрезъ которой и вы попались въ сей смертной погребъ, и я могу свободно поговорить съ вами о томъ, чего уже чрезъ девять недѣль искала безполезно. —— Мы вскочили, и поблагодаривъ ее за сожалѣніе приведшее ее къ намъ, просили увѣдомить ее, за что мы посажены въ оковы, въ какомъ мѣстѣ и въ чьихъ рукахъ мы находимся. Это зависитъ отъ нѣкоторыхъ условій (отвѣчала намъ дѣвица, которую признали мы за дочь свирѣпаго лѣшему подобнаго мужика того); но чтобъ могли вы скорѣе рѣшиться, склониться ли на мое предложеніе, или умереть отъ рукъ отца моего, вѣдайте: что онъ человѣкоядецъ, и вы не для инаго намѣренія посажены въ сей погребъ, какъ послужить ему въ пищу послѣ того, когда вы разжирѣете. Извѣстіе сего рода распростерло хладъ во всѣхъ нашихъ членахъ; а смерть, намъ угрожающая, не позволила намъ долго сомнѣваться, что по-

потребно дать согласіе на требованія сей дѣвицы, каковаго бы рода оныя ни были. Мы клялись ей, что съ радостію исполнимъ ея желанія, когда только возвратитъ она намъ свободу и наше оружіе. Условіе, за которое вы то получить можете, сказала она, состоитъ въ томъ, что одинъ изъ васъ, котораго я выберу, долженъ будетъ на мнѣ жениться. Требованіе таковое умножило мой ужасъ, я не зналъ, что сказать на оное; однако *Ноанъ*, размысливъ наскоро, что молчаніе можетъ раздражить сію нахальную невѣсту, которую самое Небо послало ко избавленію нашему отъ лютой угрожающей намъ смерти, отвѣчалъ ей: естьли въ томъ только состоитъ дѣло, прекрасная дѣвица, не нужно вамъ требовать съ насъ клятвъ. Выборъ вашъ ощасливитъ каждаго изъ насъ; ибо должно признаться, что мы при первомъ взглядѣ оба заражены были вашею красотою, и столько въ васъ влюбились, что вы и въ нещастномъ нашемъ заточеніи составляли всегдашній предметъ нашихъ разговоровъ. — Я не могу раздѣлить моего сердца (сказала дѣвица, подумавши нѣсколько); признаюсь, что одинъ изъ васъ, котораго не знаю я, какъ назвать по имени, милъ мнѣ: ему я достанусь; а другой долженъ остаться доволенъ тѣмъ, что получитъ свободу. — Она требовала отъ насъ

клятвѣ въ подтвержденіе, и мы считая, что нарушеніе оныхъ, когда принуждаетъ необходимость изрещи ихъ, заслуживаетъ извиненіе, клялись сколько ей было угодно. Теперь, сказала она радостно, постараюсь я избавить васъ изъ рукъ отца моего. Подождите нѣсколько; я скоро возвращусь, снявъ съ поясу у отца моего ключь отъ вашей темницы. По томъ мы найдемъ ваше оружіе и коней; и когда удалимся отъ сего опаснаго мѣста, разскажу я вамъ обстоятельнѣе объ отцѣ моемъ, котораго сама ненавижу. Мы дожидались нашей избавительницы между страхомъ и надеждою; однако оная вскорѣ прибѣжала къ намъ съ фонаремъ, отперла двери, отомкнула замки нашихъ оковъ, и освободивъ насъ, вывела изъ погреба, въ коемъ осуждены мы были на смерть.

ВЕЧЕРЪ XXXVIII.

Хотя отецъ мой, продолжала дѣвица отъ даннаго мною ему соннаго напитка не прежде очнется, какъ по прошествіи сутокъ; однако не должно намъ терять вре-

времени, чтобЪ удалиться отсюда сколько возможно далѣе; ибо онЪ не пропуститЪ гнаться за нами, и тогда мы погибнемЪ всѣ отЪ рукЪ его: потому что имѣетЪ онЪ вЪ себѣ силу невѣроятную. Послѣ сего показала она намЪ мѣсто, гдѣ лежало наше вооруженіе, и гдѣ стояли наши лошади. Вооружившись и осѣдлавЪ лучшаго коня для нашей избавительницы, поскакали мы прочь отЪ столь опаснаго мѣста, на вѣдая сами, куда ѣдемЪ. Избавительница наша (которой выборЪ палЪ на *Иоана*, и которой не щиталЪ сего за особливое нещастіе), когде уже мы по мнѣнію нашему весьма удалились, разсказала намЪ слѣдующее:

ОтецЪ мой происходитЪ отЪ чуднаго народа, издревлѣ вЪ сихЪ странахЪ обитавшаго. Когда Славяне и Русь овладѣли жилищами предковЪ нашихЪ, и покоривЪ оныхЪ учинили своими данниками, или вытѣснили ихЪ далѣе кЪ Сѣверу и Востоку: предки нашего дому избрали жилище себѣ вЪ семЪ дикомЪ лѣсу. ТутЪ простерли они ненависть кЪ своимЪ побѣдителямЪ до безчеловѣчія; ибо заклялись каждаго попадающагося кЪ нимЪ вЪ руки Славянорусса, убивая употреблять вмѣсто скота вЪ пищу. Хотя удаленная отЪ жилищЪ пустыня, гдѣ мы обитали, раздѣляла насЪ отЪ нашихЪ непріятелей и защищала насЪ отЪ ихЪ гоненія;

однакожъ многіе изъ нещастныхъ заблуждшихъ въ лѣсахъ учинились жертвою нашей ненависти, какъ-то свидѣтельствуютъ головы, которыя взоткнуты по стѣнамъ около двора нашего. Отецъ мой, наслѣдовавшій отъ предковъ своихъ безчеловѣчіе, равномѣрно погубилъ многихъ странствующихъ. Онъ женился на одной Славянкѣ, попавшейся также къ нему въ руки, и красота ея, тронувшая звѣрское его сердце, избавила ее отъ смерти. Однакожъ проведши два года съ нимъ въ мучительной жизни, и произведши меня на свѣтъ, не избѣгла и она смерти. Отецъ мой, не могши принудить ее къ пожиранію человѣческихъ тѣлъ, столько разсвирѣпѣлъ, что убилъ и пожралъ самую ее. Я оставшись въ сиротствѣ младенцемъ, отдана была на воспитаніе къ моей теткѣ, живущей также въ лѣсу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дому нашего, но по щастію моему не слѣдующей обыкновенію своихъ предковъ, и возрасла съ отвращеніемъ отъ варварскихъ ихъ нравовъ. Вообще изъ всѣхъ нашихъ родственниковъ, населяющихъ въ тайнѣ пустыню сію, осталось только двое, кои ѣдятъ человѣческое мясо, отецъ мой и еще одинъ старикъ. Они попадающихся къ нимъ нещастныхъ откармливаютъ, и убивъ приглашаютъ другъ друга на пиршество; для коего и вы оба были назначены. Васъ ни-

что

что другое спасло отъ смерти, какъ то, что вы оба исхудали, и о чемъ отецъ мой весьма досадовалъ. Три года назадъ тому, какъ возрастъ мой позволилъ отцу моему взять меня къ себѣ. Въ сіе время претерпѣла я множество побоевъ за сострадание мое къ нещастнымъ, попадавшимся въ его жилище, и за отвращенie мое къ человѣкоядству; онъ морилъ меня дни по три голодомъ, чтобъ принудить ко вкушенію сей ужасной пищи, но ни чрезъ что не могъ успѣть въ томъ. Къ дополненію моего нещастія, определилъ онъ меня въ замужство за означеннаго старика друга своего, которой страшнымъ лицомъ и варварствомъ превозходитъ еще и отца моего. Осторожность, которую наблюдали всѣ наши одно-родцы отъ Славяноруссовъ, не позволяла какъ отцу моему, такъ и прочимъ, отлучаться далѣе двухъ верстъ отъ домовъ своихъ; но чтобъ мщенie къ непріятелямъ не оставалось безъ пищи своей, подѣлали они множество искривленныхъ и прерывающихся стезей въ лѣсу, такъ что странствующіе вспадающіе на оныя, должны либо попасться въ вырытыя глубокія ямы, или притти къ воротамъ нашимъ; что и вы испытали. Слабыхъ бралъ отецъ мой силою, а для вооруженныхъ употреблялъ сонной напитокъ, которой лишалъ ихъ чувствъ

и подвергалъ его волѣ. Вообще, изъ смѣжныхъ къ намъ за лѣсомъ находящихся деревень никто не смѣлъ входить въ лѣсъ сей; потому что изъ давныхъ лѣтъ разнесся слухъ, что въ ономъ обитаютъ лѣшіе(*) очаровывающіе людей, и поимавъ оныхъ поядающіе. Къ чему можетъ быть видъ и обыкновенія моихъ предковъ подали причину, когда кто нибудь съ ними встрѣтился, и по щастію спасся отъ рукъ ихъ. Когда кто попадался въ добычу отцу моему, имѣлъ онъ за мною строгой присмотръ, чтобъ я не имѣла ни малѣйшаго съ нимъ обхожденія; онъ неповѣрялъ мнѣ и пищу носить къ нему; что послѣдовало и съ того времени, когда вы попались въ его узы. Онъ замѣтивъ склонность мою къ одному изъ васъ, содержалъ и меня въ заперти. Однако страсть моя внушила мнѣ средство подать вамъ избавленіе. Отецъ мой выпускалъ меня для услугъ ему при столѣ, и я замѣтивъ, гдѣ онъ хранилъ сонной порошекъ, въ нынѣшній вечеръ всыпала ему онаго въ напитокъ столько, что онъ тотчасъ лишился чувствъ. Теперь (продолжала дѣвица, обратясь къ Нoану)

(*) Лѣшіе у Славянскихъ идолопоклонниковъ почитались за лѣсныя божества, такъ какъ у Грековъ и Римлянъ Сатиры. Считали оныхъ имѣющими человѣческой образъ, но всѣхъ покрытыхъ сивою шерстью.

ану) нахожусь я подъ твоею защитою, мой любезной; однако я трепещу, чтобъ отецъ мой проснувшись не достигъ насъ. Мы всѣ погибнемъ отъ его силы, которой никакой человѣкъ противиться не можетъ.

Я и *Ноанъ* ободряли дѣвицу сію, обнадеживая ее, что простая сила должна будетъ уступить оружію, управляемому искусными руками. Мы проѣхали безъ остановки весь тотъ день, не могши выбраться изъ лѣсу. Утомленіе коней нашихъ принудило насъ взять отдохновеніе. По наступленіи ночи, я снялъ на себя стражу, и далъ *Ноану* свободу успокоить робкую его красавицу; ибо сею услугою долженъ былъ ей за избавленіе мое отъ смерти.

Уже развѣло, какъ послышалъ я лай собакъ, который прямо къ намъ приближался: и для того разбудилъ покоющихся любовниковъ, Дѣвица услышавъ оный, пришла въ смертельной ужасъ. О боги! вскричала она; это наши собаки, напущенныя по слѣдамъ нашимъ. Отецъ мой за нами гонится. Мы услышавъ сіе, приготовились къ оборонѣ, и натянувъ луки, ожидали нападенія. Шесть страшной величины собакъ, разинувъ пасти прямо на насъ бѣжали; однако мы не допустивъ оныхъ, всѣхъ перестрѣляли. Вскорѣ появился и человѣкоядецъ, скачущій на лошадяхъ съ своимъ другомъ.

Звѣрообразныя сіи люди имѣли на плечахъ своихъ по великой дубинѣ съ желѣзными шипами. Они устремились на насъ, произнося клятвы и брань. *Ноанъ* и я, давъ имъ нѣсколько приближиться, пустили въ нихъ стрѣлы, кои противъ намѣренія нашего попали обѣ въ одного старика, и пронзивъ ему грудь, повергли мертваго. Отецъ нашей дѣвицы, увидѣвъ смерть друга своего, заревѣлъ подобно звѣрю, глаза его засверкали какъ угли, пѣна покрыла синія его губы, и онъ со взмахнутою дубиною кинулся на насъ. Я успѣлъ стрѣлою выбить ему глазъ; а онъ умертвилъ коня его. Текущая кровь лишь умножила его ярость; онъ вскочивъ съ земли, вырвалъ изъ глазу своего стрѣлу и изгрызъ оную. По томъ опустилъ на меня дубину свою съ такимъ жестокимъ размахомъ, что раздробилъ бы меня; ибо когда я уклонился и ударъ пришелъ въ близь стоящее дерево, сшибъ оное съ корня. Шипы дубины, увязшіе въ дерево, понудили его освобождать оную; но между тѣмъ я обнаживъ мечь, отсѣкъ ему руку. Тогда сей извергъ природы, видѣвъ свое изнеможеніе, обратилъ все мщеніе на дочь свою: онъ бросившись на нее, перегрызъ ей горло и пилъ кровь. Хотя удары мечей нашихъ тысячею ранъ исторгли изъ тѣла мерзкой духъ его; но не могли спасти не-

нещастную нашу избавительницу: оная была уже мертва. Мы пожалѣли объ ея участи, и отдавъ тѣлу ея погребеніе, трупъ отца ея оставили въ добычу хищнымъ звѣрямъ.

Напослѣдокъ выбрались мы изъ той пустыни, и достигнувъ жила, увѣдомились, что война прекратилась; что войска бунтовщиковъ всѣ разбиты, самъ *Худояръ* казненъ въ Хомоградѣ, и что всѣ войска Славянорусскія разпущены по домамъ. Хотя я прилагалъ всевозможное стараніе узнать, куда обратился *Семіръ*, но никто не зналъ сего. Я прибылъ въ Хомоградъ, и тамъ отъ нѣкоторыхъ военачальниковъ свѣдалъ, что *Семіръ* излѣчась отъ ранъ своихъ, отбылъ изъ воинскаго стану, не извѣстно куда. Сколько ни безуспѣшно было мое исканіе, но я радовался по крайней мѣрѣ тому, что другъ мой выздоровѣлъ. Я клялся не прежде успокоиться, пока найду его и выведу изъ подозрѣнія объ моемъ дружествѣ къ нему, разсказавъ случай меня съ нимъ разлучившій. Въ семъ намѣреніи странствовалъ я по разнымъ странамъ, не получивъ объ немъ ни малаго свѣденія. Наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ Бужанскому боговѣщалищу, гдѣ получивъ одинакій съ братомъ моимъ отвѣтъ, прибылъ въ сіе мѣсто. —— ——

Ну-

Нурединъ окончалъ свою повѣсть. *Вадимъ*, который дотоль занимаясь повѣствованіями *Сараффы* и дѣтей ея, дозволялъ влюбленному *Арпаду* восхищаться зрѣніемъ на его *Предславу*: подступилъ къ нимъ, напомнилъ *Арпаду*, что возлюбленная его еще не знаетъ, какимъ тѣснымъ союзомъ соединяетъ ихъ съ нимъ дружба и родство. Тогда *Арпадъ* представилъ *Предславѣ* супруга сестры своей. Послѣ взаимныхъ привѣтствій всѣ просили *Предславу*, разсказать приключившееся съ нею со времяни разлуки ея съ *Арпадомъ*. Почему она начала слѣдующее:

Приключеніе Предславы.

Нашедши себя предоставленну безъ всякой защиты, во власти *Рослава*, злѣйшаго врага моего, я не предвидѣла себѣ иной отрады, опричь смерти. Злонравной сей Князь, снявъ тогда съ себя личину, и отложивъ почтеніе, началъ обращаться со мною какъ бы съ невольницею. Онъ угрожалъ мнѣ насиліемъ, естьли я не соглашусь, забывъ моего возлюбленнаго *Арпада*, вытти за него замужъ. Предложеніе сего рода могло ли пріятно быть для сердца, занятаго достойнѣйшимъ и почтительнымъ любовникомъ? Но мнѣ не осталось тогда инаго

го средства, какъ только прибѣгнуть къ притворству. Я принявъ на себя ласковой видъ, отвѣчала моему гонителю, что состоянiе мое не позволяетъ мнѣ теперь помышлять обракѣ; но когда уже судьба предопредѣлила меня въ его власть, конечно я соглашусь лучше быть его женою, нежели невольницею. Однакожь *Раславъ*! (продолжала я) естьли присутствiе Дакскаго Князя, или слѣпое мое къ оному пристрастiе и могло затмить твои достоинства, то конечно не чрезъ угрозы и пренебреженiе меня можешь ты прiобрѣсти мое сердце. Таковыми и подобными симъ словами умѣла я столько обольстить *Раслава*, что оный началъ обходиться со мною съ великимъ почтенiемъ, и не входилъ въ покой мой ни ночью, ни безъ моего позволенiя. Между тѣмъ я находила свободное время проливать слезы; разлука съ родителями моими не столько была для меня горестна, какъ воображенiе о участи любезнаго моего *Арпада*. Мнѣ представлялся онъ во узахъ рабства; Князь, рожденный для престола, подверженный неволѣ, единственно изъ любви ко мнѣ: то могла ли я измѣнить ему? тысяча смертей не представлялась мнѣ съ таковымъ ужасомъ, какъ судьба, угрожающая мнѣ въ объятiяхъ ненавистнаго *Раслава*. Отчаянiе овладѣло тогда мною, однако боги

ги, защищающіе невинныхъ и покровительствующіе чистосердечной любви, истребили въ душѣ моей всѣ помыслы, вооружающіе руки мои на собственную жизнь мою. Мнѣ представилось, что я не себѣ одной должна сбереженіемъ тѣхъ дней, кои по сильнѣйшимъ клятвамъ принадлежатъ любезному моему *Арпаду*. — Конечно такъ! вскричалъ Князь Дакскій, давно избирающій удобное время, чтобъ поцаловать ея руку; онъ поцаловалъ оныя обѣ, и притомъ до нѣсколька разъ, и цаловалъ иногда не кстати: однакожь никто того не замѣчалъ. *Предслава* продолжала. — И такъ опредѣлила я, вручивъ себя Провидѣнію, стараться избавиться отъ ненавистнаго мнѣ любовника бѣгствомъ. Мнѣ позволено было прогуливаться на палубѣ нашего судна, и я сообщивъ о семъ моемъ намѣреніи *Раславу*, съ притворною ласковостію подала руку ему; въ продолженіи нашей прогулки примѣтила я лодку, привязанную къ корню нашего судна. Я рѣшилась въ слѣдующую ночь сѣсть въ оную и ввѣрить себя морю. Ласки мои столько ослѣпили *Раслава*, что онъ въ доказательство своего почтенія свелъ караулъ, которой по всякую ночь хранилъ двери моей каюты. Густой туманъ произшедшій предъ вечеромъ, облегчилъ побѣгъ мой. Когда глубокая ночь успокоила всѣхъ: я вышла тихо, и мимо спящаго кормчаго съ опасностію жизни

ній моей спустилась въ лодку, отвязала оную, и предавшись во власть боговъ, поплыла на щастіе. Не могу я описать страху мною овладѣвшаго, когда я увидѣла себя одну среди открытаго моря. Я избѣгла отъ рукъ *Раславовыхъ*, но могла впасть опять въ оныя: сверьхъ того всякой встрѣчающійся разбойникъ, всякой мущина, могъ быть для меня *Раславъ*. Безпрестанно оглядываясь на всѣ стороны, трепетала я отъ каждаго облачка, вдали на горизонтѣ появляющагося: все мнѣ представлялось гонящимся за мною моимъ непріятелемъ. Поднявшійся между тѣмъ вѣтръ воздвигъ ужасныя волны: колеблющееся море съ каждымъ валомъ угрожало мнѣ погибелью. Буря столько наконецъ усилилась, что отъ одного бросанія моей лодки приключился мнѣ обморокъ. Не знаю я, что между тѣмъ со мною происходило, но надобно думать, что безчувствіе мое было продолжительно; ибо пришедъ въ себя, увидѣла я себя лежащую на пустомъ берегу, и морскую воду текущую съ моего платья.

Не вѣдала я, въ какой части свѣта нахожусь, и не могла примѣтить жилища, гдѣ бы можно освѣдомиться, далеко ли отброшена я отъ государства моихъ родителей. Первое мое дѣло состояло въ принесеніи безсмертнымъ теплыхъ молитвъ, за из-

избавленіе мое отъ моего гонителя и отъ потопленія; ибо не сомнѣвалась, что по опровержении лодки вынесена была на берегъ морскими волнами. По томъ пошла я чрезъ пустыню, питаясь одними кореньями травъ. Одежды мои стоили великой цѣны; но я съ радостію промѣняла бы оныя тогда на рубища нищаго, чтобъ скрыть мой полъ. Бродивъ болѣе трехъ сутокъ, приближилась я наконецъ къ горамъ, и при подошвѣ оныхъ увидѣла престарѣлаго пастуха, стрегущаго стадо. Я спросила у него, въ какой странѣ находятся мѣста, на коихъ онъ обитаетъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ съ простосердечіемъ, что стадо сіе надлежитъ Вельможѣ Лесгистанскому (*), котораго я невольникъ. Узнавъ таковымъ образомъ, что я не весьма далеко нахожусь отъ областей Болгарскихъ, просила пастуха промѣняться со мною одеждами. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально, обозрѣлъ съ ногъ до головы, и улыбнувшись на оное согласился. По простотѣ своей конечно счелъ онъ меня сумасшедшею, что я отдавала ему платье, украшенное самоцвѣтными камнями и жемчугомъ, за толстыя и запачканныя рубища: впрочемъ не безпокоясь

(*) Лесгистанъ нынѣ надлежитъ къ имперіи Персидской, и находится на Западной сторонѣ Касійпскаго моря.

ясь о томЪ, кто я, промѢнялЪ ихЪ, и давЪ мнѢ кувшинЪ молока, часть сыру и хлѢба, погналЪ прочь свое стадо. Пища сего роду послѢ травЪ и сырыхЪ кореньевЪ показалась мнѢ весьма роскошною; я укрѢпила оною истощенныя мои силы, одѢлась вЪ тяжкое пастухово одѣяніе, и запачкавЪ лице мое грязью, пошла вЪ виду морскаго берега, избирая мѢста необитаемыя, чтобЪ избѢгая противныхЪ встрѢчь, могла достигнуть кЪ устью рѢки Атела, и слѢдственно вЪ АстарЪ городЪ, надлежащій моему родителю. Однако нещастіе мое не долго позволило мнѢ питаться сею надеждою: по двунедѢльномЪ странствованіи наѢхали на меня Половцы (*), и по обыкновенному своему промыслу взяли меня вЪ плѢнЪ. Сколько ни старалась я скрыть полЪ мой, разбойники сіи оный примѢтили, и принудивЪ меня обмыть грязь сЪ лица моего, нашли оное столько прекраснымЪ, что вЪ тотЪ же часЪ назначили меня вЪ подарокЪ своему Князю. Они посадили меня на заводную

(*) Половцы обитали по близости кЪ Азову. ВначалѢ составляли они малую кочующую орду, произшествіе которой покрыто древностію; но вЪ послѢдствѢ умножившись, наносили Россіи великое безпокойство, и имѢли города Шураканъ, СугровЪ, БалинЪ и ЧешлюевЪ.

ную лошадь, и возвращаясь домой, оказывали мнѣ нѣкоторое почтеніе. Естьли новое бѣдствіе сіе стѣсняло мою душу: по крайней мѣрѣ радовалась я, что грубые Половцы, назначивъ меня для своего Государя, не могли покуситься на честь мою. Надежда ободряла меня, что Половецкій Князь по крайней мѣрѣ не будетъ столько грубъ, какъ его подданные; уважитъ мои нещастія, природу, ближнее сосѣдство съ Болгарами, и съ честію препроводитъ меня къ моимъ родителямъ. Но чего было можно ожидать отъ варвара! По нѣсколькихъ дняхъ, въ которые отъ скорой верьховой ѣзды пришла я въ совершенное изнеможеніе, достигли мы къ шатрамъ сей кочующей въ полѣ орды. Меня ввели въ палатку Княжую, и я увидѣла его сидящаго съ своими Вельможами на посланныхъ по землѣ кожахъ дикихъ козъ, пьющаго вино, сдѣланное изъ кобыльяго молока, и, къ дополненію моего ужасу, уже очень пьянаго. Онъ обрадовался, получивъ меня въ подарокъ; приказалъ меня немедленно переодѣть, и наградивъ моихъ плѣнителей, усугубилъ попойку. Женщины, которымъ поручено было переодѣвать меня, находили въ лицѣ моемъ многіе недостатки, и осмѣливались говорить, что Князь ихъ съ ума сошелъ, ежели считаютъ меня за красавицу. Я порадавалась было ихъ разго-

ворамъ, думая, что въ самомъ дѣлѣ родилась я не на Половецкой вкусъ, и что Князь проспавшись не захочетъ обидѣть Княжну, произшедшую отъ самодержавныхъ родителей, чрезъ насиліе. Но надежда моя изчезла, когда присланные отъ пьянаго Князя взявъ представили меня предъ онаго. Въ самомъ дѣлѣ она очень пригожа! сказалъ сей дикой Государь своимъ наперсникамъ, повелѣвая съ того времени почитать меня за свою Княгиню. Онъ посадилъ меня проливавшую слезы близь себя. О! слезы твои, говорилъ онъ, не будутъ течь долго; я постараюсь въ сію ночь отерешь оныя. Вы ошиблись, сказала я, пришедъ въ досаду; дочь Болгарскаго Государя не можетъ считать за особливое щастіе, когда гнѣвная судьба учинитъ ее женою Князька, отправляющаго дикую жизнь. —— Ха ха ха! вскричалъ онъ съ смѣхомъ; она дочь Болгарскаго Князя! я очень радъ, что получу такова заживнаго тестя. Тѣмъ лучше Княжна! отецъ твой подаритъ мнѣ за тобою въ приданые городъ Астаръ; мнѣ оный кстати, и мы наконецъ переѣдемъ жить туда. —— Я отвѣтствовала на сіе потоками слезъ. —— О! вы очень не къ мѣсту печальны, сказалъ онъ; поберегите слезы свои до пристойнѣйшаго случая, и не мѣшайте намъ веселиться. Послѣ сего налилъ онъ свою чашку, выпилъ, прика-

казалЪ гостямЪ своимЪ подражать себѣ, и видѣвЪ, что я не перестаю плакать, приказалЪ меня отвести насвою постелю. Придворные его проводили меня вЪ другой шатерЪ, поцаловали мою полу, и оставили меня одну разсуждать обЪ моемЪ бѣдствіи. Озираясь вЪ отчаяніи по стѣнамЪ шатра, увидѣла я висящій кинжалЪ, которой схвативЪ, спряшала за мои одежды, твердо намѣрившись поразить онымЪ моего насильника, естьли оный до меня коснется. ВЪ семЪ намѣреніи легла я на постель и покрылась одѣяломЪ, сдѣланнымЪ изЪ звѣриныхЪ кожЪ. Сердце мое возтрепетало, когда шумЪ приближающихся кЪ шатру возвѣстилЪ мнѣ приходЪ звѣрообразнаго моего властителя. Однакожь оный столько былЪ пьянЪ, что ввели его двое подЪ руки, и почти безчувственна положили ко мнѣ на постель, гдѣ онЪ чрезЪ нѣсколько минутЪ захрапѣлЪ вЪ крѣпкомЪ снѣ. Сто разЪ я покушалась вонзить ему кинжалЪ вЪ сердце . . . . . . Вы бы очень хорошо это сдѣлали! сказалЪ *Арпадъ*, блѣднѣющій вЪ лицѣ сЪ самого того времени, какЪ *Предслава* начала разсказывать о прибытіи своемЪ вЪ шатерЪ Половецкаго Князя. Она усмѣхнулась, взглянувЪ на своего любовника, и поцаловавЪ его сЪ нѣжностію, продолжала: Боги, сохранившіе мою невинность, учредили инако защищеніе свое комнѣ.

Я

Я покушалась убить его въ томъ мнѣніи, что послѣ шумства его учинюсь необходимо жертвою сего неистоваго человѣка; но разсудивъ, что по смерти его предоставлю себя мщенію и наглостямъ всего общества грубыхъ Половцевъ, отлагала мое предпріятіе. Между тѣмъ вошло мнѣ въ умъ, что могу я избавиться изъ моего плѣну не обагривъ рукъ моихъ въ крови человѣческой. Мнѣ извѣстно было обыкновеніе Половцевъ, что предъ каждымъ шатромъ находится у нихъ осѣдланный конь во всякое время; я покусилась употребить то въ мою пользу. Я съ осторожностію встала, выглянула изъ шатра, увидѣла коня и въ сторонѣ нѣсколько пьяныхъ Половцевъ, спящихъ со всякою безпечностію. Ни что не препятствовало моему побѣгу, и я столько осмѣлилась, что сверьхъ моего женскаго одѣянія успѣла надѣть кафтанъ и шапку Половецкаго Князя. По томъ опоясавъ его саблю, вышла, отвязала коня, сѣла на онаго, и съ осторожностію выѣхала изъ кочевья Половецкаго. Тогда пустилась я во всю прыть, такъ что къ вечеру другаго дня, когда уже утомленный конь мой упалъ, достигла я въ области Козарскія. Народъ сей былъ просвѣщенной, и для странствующихъ не находилось опасности въ областяхъ, управляемыхъ великодушнымъ *Абрадатомъ*. Я назвалась плѣнни-

комЪ, спасшимся изЪ неволи отЪ ПоловцевЪ: почему всюду оказывали мнѣ страннопріимство. ПринявЪ успокоеніе попретерпѣнныхЪ столькихЪ трудахЪ и опасностяхЪ, намѣрилась я при купеческомЪ караванѣ отправиться вЪ мое отечество: и для того продавЪ шапку Половецкаго Князя, украшенную жемчугомЪ, Армянскому купцу, купила себѣ на полученныя за оную деньги коня. Армянской оный купецЪ отправлялся вЪ АстарЪ, и предлагалЪ мнѣ свое товарищество вЪ дорогѣ, сЪ которымЪ и вступила я вЪ путь.

ВЕЧЕРЪ XXXIX.

Сколь пріятны были воображенія мои, когда по претерпѣніи разныхЪ злоключеній приближилась я кЪ предѣламЪ моего отечества! Тогда лишь прямо ощущала я удовольствіе, ожидающее меня вЪ свиданіи сЪ нѣжными родителями; но тогдажь однако несла сЪ собою неисцѣльную рану вЪ сердцѣ моемЪ. Любезной мой былЪ разлученЪ со мною; онЪ могЪ погибнуть подЪ бременемЪ невольническаго ига, и пользы Государственныя могли меня навѣкЪ исторгнуть изЪ его

обЪ-

объятій. Въ таковыхъ перемѣнныхъ то радостныхъ, то горестныхъ воображеніяхъ находясь, отстояла уже не болѣе двухъ сотъ верстъ отъ границъ Болгарскихъ. Въ то время разнесся слухъ о выходѣ сильной орды Гунновъ отъ предѣловъ Китайскихъ; въ самомъ дѣлѣ начали появляться въ разныхъ мѣстахъ передовыя толпы оныхъ, кои шли, оставя влѣвѣ Государство Болгарское, чрезъ области Славянорусскія. Мы ускорили нашу ѣзду и удвоили осторожность; однакожь имѣли нещастіе впасть въ плѣнъ Гунновъ. Армянинъ и я заключены въ оковы, и присоединены къ прочему множеству плѣнниковъ, которыхъ гнали какъ бы скотину. При таковомъ бѣдствіи почитала я за великое щастіе, что полъ мой остался неизвѣстенъ звѣронравнымъ Гуннамъ. Насъ повели къ Гунигарду, куда всѣ орды имѣли путь свой для соединенія съ однородцами своими прежняго выходу. Между тѣмъ грабежи, кои они производили въ областяхъ Славянорусскихъ, привлекли на нихъ силу *Гардорикову*. По трехдневномъ моемъ плѣнѣ, прикрытіе, съ которымъ вели невольниковъ, претерпѣло нападеніе отъ Славянорусcовъ. По кровопролитномъ сраженіи Гунны были побиты до единаго, и плѣнникамъ возвращена свобода, въ числѣ коихъ и я получила вольность. Не смѣла я шествовать къ предѣламъ моего отечества; ибо степь между

оныхъ наполнена была Гуннами; и для того обратилась во внутреннія области Славянорусскія. Намѣреніе мое было, явясь при Дворѣ *Гардориковомъ*, яко союзномъ съ Болгарскимъ, просить у сего Князя покровительства и пристойнаго провожденія въ мое отечество. Однако боги, инако разполагающіе судьбою моею, привели меня въ окрестныя мѣста сего убѣжища. Вскорѣ услышала я о славной предсказательницѣ, и тогда любовь внушила мнѣ вопросить ее объ участи моего дражайшаго *Арпада*. Великодушная *Сараффа*, узнавъ подробно о моихъ нещастныхъ приключеніяхъ, и оказавъ ко мнѣ матернее сострадание, убѣдила меня до времени остаться съ собою въ сей пещерѣ. Представленія ея показались мнѣ столько основательными, что я должна была онымъ послѣдовать. И наконецъ, благодареніе богамъ, я зрю любезнаго моего возвращенна моимъ желаніямъ. —— ——

По окончаніи повѣствованія *Предславина*, Князь Дакскій продолжая восхищенныя лобзанія рукъ своей любовницы, разсказалъ ей вопервыхъ о погибели общаго ихъ врага *Раслава* отъ руки сестры его; по томъ достовѣрное извѣстіе о здравіи ея родителей, и о смерти брата ея, учинившей ее наслѣдницею Болгарскаго Княженія. Послѣднее извѣстіе повергло въ слезы безпристрастную

стную *Предславу*; однакожъ утѣшенія ея любовника были достаточны вскорѣ отереть оныя. Застигшая ночь между тѣмъ принудила *Вадима* и товарищей его препроводить оную въ сей пещерѣ. *Сараффа* угостила ихъ по Царски; показала имъ неисчетныя сокровища, доставшіяся ей послѣ разбойниковъ, и отвела особливыя богатоубранные покои для успокоенія.

Поутру *Сараффа* объявила свое желаніе слѣдовать съ ними въ Хомоградъ для соединенія съ своимъ супругомъ: надлежало по тому вывезти изъ пещеры сокровище. *Вадимъ* для распоряженія сего намѣренъ былъ послать въ войско своего оруженосца, но сей не имѣлъ труда совершить повелѣнное; ибо нашелъ почти всѣхъ военачальниковъ со множествомъ воиновъ слѣдующихъ къ пещерѣ, куда привлекло ихъ безпокойство объ отсутствіи *Вадимовомъ*. Немедленно привезена была колесница для *Сараффы* и *Предславы*; деньги и дорогіе камни навьючены, а прочее все, какъ-то платье, съѣстные припасы и напитки, отданы въ добычу воинамъ. Таковымъ образомъ свѣтлѣйшія особы торжественно воспріяли путь къ Хомограду. Радость всеобщая сокращала дорогу, и каждый предметъ приносилъ веселіе сердцамъ успокоеннымъ. Они

 повто-

повторяли приключенія свои, и отчасу болѣе утверждали свое дружество.

Въ нѣкоторый день, когда *Вадимъ* для отдохновенія войску опредѣлилъ дневаніе, и обходя шатры для надзиранія порядку, вздумалъ посѣтить Готфскаго военачальника. Подходя къ шатру его, увидѣлъ онъ множество людей, и притомъ громкой смѣхъ слышанъ былъ внутри шатра. Любопытство понудило его, удвоивъ шаги, спросить, что значитъ сіе собраніе. Отвѣчали ему, что приведенъ воръ отмѣнно странной, котораго поймали при кражѣ лошадей. *Вадимъ* вошедъ тихо, и запретивъ извѣщать о своемъ приходѣ, слушалъ причину смѣха. Ты будешь повѣшенъ! говорилъ сему злодѣю Готфской Полководецъ. Ахъ, господинъ Судья! отвѣчалъ воръ ставши на колѣни; я не хотѣлъ и въ мысляхъ не имѣлъ украсть вашу лошадь. Вотъ какъ дѣло было: я шолъ очень долго пѣшъ, и увидѣлъ такое множество лошадей, что и смѣты нѣтъ. Ну! подумалъ я, этотъ богатой господинъ не осердится на меня, когда я возьму только одну лошадь для сбереженія ногъ моихъ. Конюхи ваши спали; я взялъ одну лошадь, и поѣхалъ было, однако эти плуты (продолжалъ онъ, показывая на воиновъ) поймали меня; и сказали, что я воръ. ——

По-

Послѣ сего подступя къ Готфскому Полководцу, говорилъ ему какъ бы за тайну: слушай господинъ Судья! ты и въ умъ себѣ не бери, чтобъ меня повѣсить! для того, какъ свѣдаетъ объ этомъ мой баринъ, которой родился подъ дубовымъ кустомъ, и которой очень сердитъ и силенъ, то тебѣ еще хуже будетъ, нежели тому смѣльчаку, кой обидѣлъ его у пригожей барышни. — По таковымъ словамъ *Вадимъ* узналъ вѣрнаго своего слугу *Простая*, и обрадовавшись закричалъ ему: не боися ничего! я здѣсь! *Простай*, узнавъ *Вадима*, вспрыгнулъ къ верьху, бросился къ нему, поцаловалъ полу его платья, и спрятавшись за него, кричалъ къ Готфскому Полководцу: ты очень щастливъ, господинъ Судья, что я не сердитъ! впрочемъ бы мы раздѣлались съ тобою, какъ должно. Слова его произвели великой смѣхъ; и потомъ *Вадимъ* разсказалъ Готфскому Полководцу, какого свойства былъ сей слуга его. *Вадимъ* пригласивъ военачальника къ столу своему, пошелъ представить друзьямъ своимъ нечаянную свою находку. *Простай*, входя въ шатеръ, и увидѣвъ *Арпада* сидящаго съ *Предславою*, предупредилъ господина своего. Ба! кричалъ онъ къ нему; я думалъ, что тебя господинъ богатырь и на свѣтѣ нѣтъ, а ты такъ весело посиживаешь съ хорошенькими дѣвушками! *Арпадъ* и *Бурновей* обрадовались, увидѣвъ сего простосердечнаго сопутника своего,

его, которой глупостью своею не рѣдко разгонялъ бывшія ихъ печали. *Простай* наговорилъ множество словъ, надѣлалъ разныхъ вспросовъ, которые скучно описывать и которые развеселили всѣхъ. Незнающіе *Простая* просили объяснить имъ, что онъ за-человѣкъ; и *Вадимъ* ко всеобщему смѣху разсказалъ прежнія его приключенія, о которыхъ Читатель уже извѣстенъ. Послѣ сего *Вадимъ* приказалъ самому *Простаю* объявить приключившееся съ нимъ съ того времени, какъ разлучился онъ отъ него въ Сусолахъ. *Простай*, принявъ на себя важной видъ, началъ слѣдующее:

Второе приключеніе Простаево.

Со мною приключились такія диковинки, что иной, которой бы не такъ былъ отваженъ, какъ я, давно уже забѣжалъ бы на край свѣта. Когда вы уѣхали не сказавшись никому изъ Сусоловъ, а я остался въ домѣ того богатаго барина, у котораго мы на судѣ были: стало мнѣ по васъ грусно. Правду сказать, что мнѣ жить у него было очень привольно: я пилъ, ѣлъ, сколько хотѣлъ а работы никакой не было: онъ не заставлялъ меня ни лошадей сѣдлать, ни сапоговъ чистить. Однако мнѣ пришло въ голову: хоть онъ тебя теперь и ко-

кормитъ, но всё вѣдь онъ не свой господинъ; а притомъ же и не такъ силенъ. Случись какая нибудь напраслина, кому защитить? Чужая рука добра, да не къ сердцу. Кто вели ему вступаться за чужова слугу? Такъ-то я подумалъ. А притомъ, между нами сказать, я замѣтилъ, что этотъ баринъ и всѣ ево люди были пошлые дураки; потому что они безпрестанно хохотали тому, когда я говорилъ очень умно. Они же заставляли меня насильно разсказывать похожденіе отца моего и братьевъ; я понялъ, что они это на смѣхъ дѣлаютъ; что мнѣ очень было досадно. А больше всего надоѣли мнѣ маленькія робятишки, которыхъ у нево человѣкъ съ дватцать; эти плутишки не давали мнѣ проходу, всегда кололи спичками; и ежелибъ ты господинъ мой тутъ случился, не миновать бы поединку! Но безъ тебя не чево дѣлать! Отъ тово-то мнѣ очень сгрустилось по тебѣ. Правду сказать, одно меня тамъ удерживало. Дочь этова барина, которую, сказываютъ, ты (говорилъ онъ *Вадиму*) не далъ съѣсть медвѣдю, охотно шла за меня за мужъ и сама мнѣ объ этомъ сказывала. Ты де красавецъ мой, говорила она, поди, проси у батюшки меня за себя за мужъ. Ужъ дѣло это чуть было съ языка не сорвалось; но проклятыя робятишки съ своими спичка-

ками такъ мнѣ надоѣли, что я всё бросивъ, пришолъ на свой постоялой дворъ. Этотъ богатырь (показывалъ онъ на *Арпада*) былъ тогда очень хворъ, и такъ хворъ, что не думалъ я ему и двухъ дней передыхать. . . . а теперь смотрико пожалуй! (продолжалъ онъ глядя на него и *Предславу*, и качая головою). — Ну, господа! по томъ вотъ какъ дѣло было. Я плюнулъ на эту глупую землю, и задумалъ искать моево господина, во что бы то ни стало. Но чтобы на дорогѣ кто ко мнѣ не привязался, вздумалъ я надѣть платье господина *Бурновея* и назваться ево именемъ. Это очень кстати, разсуждалъ я; *Бурновей* такой сильной и сердитой человѣкъ, что его всѣ боятся: такъ и меня никто не посмѣетъ обидѣть. Я пододѣлся помолодецки, повязалъ саблю, и сѣвши на лучшаго коня, поскакалъ такъ скоро, что меня никто не видалъ.

Дорогою безпрестанно спрашивалъ я объ моемъ господинѣ, описывалъ ево ростъ, примѣты, и подробно разсказывалъ, что онъ родился подъ дубовымъ кустомъ: но люди эти не умнѣе были тѣхъ, отъ которыхъ я убрался; они хохотали на меня глядя, и такъ меня засердили, что чуть чуть не вытащилъ я саблю. Ѣхалъ я по большой дорогѣ, и пока было у меня нѣ-

сколь-

сколько денегъ, вездѣ кормили меня и встрѣчали ласково; а какъ деньги изошли, то на одномъ постояломъ дворѣ отняли мою лошадь и вытолкали за ворота. Я очень за это разсердился; но нечево было дѣлать, пошелъ я пѣшкомъ. Мнѣ пришлось бы умереть съ голоду, ежелибъ не нагналъ меня по дорогѣ какой-то господинъ. Онъ ѣхалъ верьхомъ, и въ поводу велъ лошадь, навьюченную всякой всячиною; а притомъ замѣтилъ я, что у нево въ карманахъ гремѣло много денегъ. Онъ спросилъ у меня, что я за-человѣкъ и куда иду? Я отвѣчалъ ему, что я богатырь *Бурновей*, котораго на дорогѣ обокрали, и за тѣмъ иду я пѣшкомъ. Ахъ, почтенный *Бурновей*! сказалъ онъ мнѣ; я наслышался объ вашемъ имени, и сожалѣю объ вашемъ нещастіи. Послѣ сего предложилъ онъ мнѣ сѣсть на заводную лошадь и съ нимъ вмѣстѣ ѣхать. Я очень радъ былъ этому. Дорогою разговаривали мы съ нимъ объ нашихъ дѣлахъ: я разсказалъ ему все то, что дѣлалъ мой господинъ, такъ какъ бы это самъ я; онъ сказалъ мнѣ, что ѣздилъ по свѣту искать Княжну, которая бѣжала изъ Болгаръ. —— А какъ его звали? спросилъ *Арпадъ*. *Сивой*, отвѣчалъ *Простай*. Тогда узнали, что былъ то *Сиволъ* варягъ, отправленный *Арпадомъ* въ Дакію. —— Ну! (продолжалъ *Простай*)

этотъ

Этотъ *Сивой* разсказалъ мнѣ, что этой Княжны онъ не поймалъ, и ѣдетъ на свою родину въ Варяги. Мы остановились ночевать въ одной корчмѣ, гдѣ *Сивой* пилъ много вина, и легъ спать. Я самъ былъ пьянъ, но не такъ, какъ онъ, и вздумалъ отъ нево уѣхать. За чемъ мнѣ въ Варяги? разсуждалъ я; не лучше ли поташкать у него деньги, и взявъ коня, ѣхать куда мнѣ угодно, а не туды, куда онъ хочетъ. Я ищу своево господина; а онъ ѣдетъ домой, и такъ стало быть не по дорогѣ. Забравши это въ голову, пошолъ я осмотрѣть, что было на выючной лошади. Тамъ въ сумахъ ощупалъ я пропасть денегъ, и обрадовавшись этому, сѣлъ на ево лошадь, а другую увелъ съ собою. Я хотѣлъ оставить денегъ; но мнѣ подумалось, что онъ на деньги купитъ себѣ лошадь, догонитъ меня и вызоветъ меня на поединокъ. Надобно знать, господа честные, что я храброй человѣкъ; но тогда положилъ зарокъ, чтобъ не сыскавши господина моево, отнюдь не вынимать изъ ноженъ моей сабли: и для того оставилъ я *Сивова* съ покоемъ. По нѣсколькихъ дняхъ поспѣшая ѣздою, прибылъ я въ большой у моря стоящій городъ, которой называли Винетою. Тутъ я вздумалъ ждать моего господина и на денежки свои повеселиться. Я нанялъ себѣ домъ и слугу, и сталъ жить, какъ ба-

баринЪ. Много тутошнихЪ господЪ искали моего знакомства; они очень меня почитали: и для того я давалЪ имЪ попойки. Все бы шло хорошо; но любовь заползла вЪ мое сердце, и надѣлала мнѣ хлопотЪ. ПротивЪ оконЪ моихЪ на другой сторонѣ улицы жила какая-то знатная госпожа; обЪ чемЪ я заключилЪ по тому, что кЪ ней по вечерамЪ ходило вгости множество молодыхЪ людей. Она всегда вЪ окошко на меня глядѣла и дѣлала такіе знаки, по которымЪ я заключилЪ, что она вЪ меня влюбилась. Однако не осмѣлился пойти кЪ ней вгости, пока не прислала она старушку звать меня кЪ себѣ. Я пришелЪ кЪ ней, и такЪ ласково былЪ принятЪ, что вздумалЪ ночевать сЪ нею. Госпожа эта по нѣкоторыхЪ оговоркахЪ и потрепавЪ меня по карманамЪ, вЪ коихЪ звѣнѣли деньги, на это согласилась. Она сдѣлала мнѣ разные вопросы о моей природѣ и о томЪ, сколько у меня денегЪ; совѣтовала мнѣ все свое имѣніе перенести кЪ ней вЪ домЪ. Здѣсь вЪ городѣ не безопасно отЪ воровЪ, говорила она; и вЪ отсутствіе твое могутЪ оныя украсть. СовѣтЪ ея показался мнѣ добрымЪ; я приказалЪ слугамЪ моимЪ, и сумы мои были принесены, и отданы подЪ сохраненіе этой ласковой госпожѣ. Мы препроводили сЪ нею ночь, какЪ лучшіе пріятели. Поутру не мало я изу-

мился, когда она начала называть меня своимъ мужемъ. Я долго сомнѣвался въ этомъ; но обращенiе ея со мною въ томъ увѣрило меня. Я самъ дивился моему безпамятству; ибо хоть сей часъ умереть, не помню, когда была наша свадьба. Притомъ я подумалъ, что мнѣ спорить не объ чемъ: люди съ великими хлопотами ищутъ себѣ женъ; а я нашолъ оную безъ всякаго труда, и сверьхъ того такую знатную и богатую госпожу. Въ таковомъ щастiи жилъ я больше мѣсяца. Всѣ приходящiе къ ней гости поздравляли меня женившись, и у насъ всякой день была пирушка. Одно только мнѣ не нравилось, что всѣ эти гости больше ласкали жену мою, нежели меня. Я пенялъ ей за это; но она ссылалась на обычай тамошняго мѣста, что это такъ водится. Я подумавъ, что и въ самомъ дѣлѣ оное такъ было, пересталъ безпокоиться; и тѣмъ скорѣе, что жена моя не допускала меня ни до какихъ хлопотъ; она распоряжала моими деньгами, какъ хотѣла, а я жилъ очень спокойно. Изъ двухъ слугъ моихъ одинъ очень любилъ меня за то, что я ему часто давалъ на вино деньги. Онъ въ нѣкоторой день, когда жена моя съ однимъ прiятелемъ своимъ поѣхала гулять за городъ, сказалъ мнѣ: удивляюсь я вамъ, милостивой Государь, что вы не видите того, какъ

васъ

васъ за носъ водятъ. Я разсмѣялся словамъ его, и подумалъ, что онъ пьянъ; для того что, какъ бы мнѣ не видать того, когдабъ меня водили за носъ. Слуга проникнувъ мысли мои, счелъ, что я ево не понимаю, и для того продолжалъ: вѣдаете ли вы, что жена ваша, съ которою вы не заключали брака, не иная какая, какъ всенародная красавица, которую за деньги всякъ имѣть можетъ? —— А мнѣ какая до этого нужда? отвѣчалъ я; когда здѣсь въ городѣ такое обыкновенiе, то вѣдь мнѣ его не перемѣнить. —— Вы меня не разумѣете, продолжалъ онъ; она ежедневно приставляетъ къ вашему лбу по нѣскольку паръ добрыхъ роговъ, какъ на примѣръ и нынѣ —— Я усомнился отъ словъ его, побѣжалъ къ зеркалу, осматривалъ себя спереди, сзади, и съ боковъ; но ни одного рога не видалъ. Тогда началъ я хохотать дурачеству моего слуги. Въ самое это время вошла жена моя. Она спросила меня о причинѣ моего смѣху; я разсказалъ ей. Ахъ, какой бездѣльникъ этотъ слуга! вскричала она съ досадою; онъ осмѣливается тебя, мой свѣтъ, дурачить. Я сей часъ велю его съ двора сбить. Въ самомъ дѣлѣ она согнала его, и сколько я ни упрашивалъ ее о прощенiи ему, она не слушалась. Статное ли дѣло, говорила она, чтобъ допустила я бездѣльни-

ника ругаться надъ моимъ мужемъ. Слова такія мнѣ полюбились; она стала мнѣ милѣе прежняго, и мы жили еще нѣсколько времени.

Въ одинъ вечеръ съ какимъ-то знакомымъ женѣ моей гостемъ пришелъ къ намъ тотъ *Сивой*, у котораго я увезъ деньги и лошадей. Я узнавъ его очень испугался; онъ самъ узналъ меня, и схватилъ было за воротъ, однако жена моя выспросивъ у него о причинѣ такова со мною поступка, упросила его переговорить съ собою на единѣ. Они пошли въ особливую комнату, и запершись разговаривали часа съ два. Въ это время она такъ уговорила его, что онъ вышедши обнялъ меня, и сказалъ: забудемъ господинъ *Бурновей* все, что между нами случилось, и станемъ жить побратски. Съ сего часа я переѣду къ тебѣ въ домъ, и все, что у меня есть, будетъ у насъ за одно. Я порадовался такой перемѣнѣ, поцаловалъ его; и въ самомъ дѣлѣ послѣ ужина слуга его привезъ ему постелю, сундукъ и нѣсколько дорожныхъ сумъ. Въ семъ дружествѣ жили мы дней съ пять; въ которое время я уже готовъ былъ напослѣдокъ съ нимъ раздружиться. Онъ по всякую почти ночь выманивалъ меня будто бы для тайнаго разговору, и запиралъ меня въ чуланѣ, гдѣ держалъ до самаго свѣ-

ту.

ту. Поутру это оборачивалъ онъ въ шутку; хотя я такой шуткѣ очень былъ нерадъ. Я вздумалъ самъ надъ нимъ пошутить, и между тѣмъ, какъ выбиралъ способной къ тому часъ, онъ выдумалъ надо мною великой обманъ. Ввечеру ужинали мы безъ постороннихъ; онъ и жена моя подчивали меня добрымъ виномъ, и до тѣхъ поръ поили, что я обезпамятѣлъ. Проснувшись увидѣлъ я себя привязаннаго къ столу. Я началъ кричать, и на этотъ голосъ вбѣжала старуха, у которой жена моя домъ нанимала; оная отвязала меня. Я пошелъ искать жену мою, но не токмо ее и *Сивоя*, но ни денегъ, ни платья, ни постели не нашелъ; горницы наши были пусты. Я спрашивалъ у старушки, гдѣ все это дѣлось? и получилъ въ отвѣтъ: чего тебѣ дитятко искать! Ты знаешь, какая птица была жена твоя! Она жила съ тобою; а теперь уѣхала съ другимъ, какъ такія волочайки и всегда дѣлаютъ.

Хотя мнѣ обида эта и очень была досадна, но не чемъ было пособить. Я не имѣлъ при себѣ ничего, кромѣ нѣсколькихъ копѣекъ, которыя не знаю какъ у меня въ карманѣ завалялись. Я купилъ хлѣба, и поѣвши въ полсыта, пошелъ по городу искать жену мою, забравши въ голову отмстить ей за насмѣшку. Цѣлой день бро-

 дилъ

дилъ я по улицамъ, нигдѣ съ нею не встрѣчаясь; но надъ вечеръ замѣтилъ я ее, какъ она съ *Сивымъ* вышла изъ одного дому и пошла гулять. Я притаился за уголъ, дожидался ихъ долго, и уже въ сумерки увидѣлъ ихъ возвратившихся въ тотъ же домъ. Я догадался, что они тутъ наняли себѣ горницы: и для того примѣчалъ, въ которой они живутъ. Покой ихъ былъ на самую улицу и окно было поднято. Я дождался той поры, какъ они легли спать, и ничего не опасаясь захрапѣли очень скоро. Тогда я насыпавши себѣ въ карманы сухаго пеcку, влѣзъ къ нимъ въ окно, и подкравшись началъ имъ обѣимъ набивать онаго въ разинутые рты. Долго они барахтались, но я не отсталъ до тѣхъ поръ, какъ они заснули смирнехонько. —

Ахъ, глупой человѣкъ! вскричалъ *Арпадъ*: и такъ ты удушилъ моего *Сивола*? — Нѣтъ, отвѣчалъ *Простай*, совсѣмъ нѣтъ! я только заткнулъ ему глотку, чтобъ онъ не кричалъ; что мнѣ и удалось. Послѣ чего привязалъ я ихъ къ кровати покрѣпче, и обыскивая, нашелъ сумку денегъ, съ которыми убрался опять въ окно, отшутивъ за ихъ насмѣшку. Я побоялся далѣе жить въ семъ городѣ, чтобъ *Сивой* опять не сыскалъ меня, и не отнялъ денегъ; и для того пошелъ прямо за городъ. Къ свѣту пришедъ я на постоялой дворъ, гдѣ пообѣ-

далъ

далъ хорошо, купилъ себѣ лошадь съ сѣдломъ, и поѣхалъ искать моего господина.

Я слыхалъ отъ васъ, что вы часто говаривали про землю Славянскую: и для того подумалъ, что вы конечно туда поѣхали, когда я нигдѣ съ вами не повстрѣчался. Мнѣ показали дорогу въ эту землю; я ѣхалъ долго, и думалъ, что уже нахожусь при краѣ свѣта, когда мнѣ вдругъ сказали, что я въ землѣ Славянорусской. Въ этой землѣ люди такіе же дураки, какъ и вездѣ; они смѣялись, когда я спрашивалъ у нихъ объ моемъ господинѣ, которой родился подъ дубовымъ кустомъ. Я не зналъ бы что дѣлать, естьлибъ не попался мнѣ встрѣчу одинъ доброй господинъ.

ВЕЧЕРЪ XL.

Этотъ господинъ съ перваго взгляду полюбилъ меня. Онъ выспросилъ у меня, что я за - человѣкъ, куда ѣду, и за чемъ. Я сказалъ ему сущую правду; потому что мнѣ не полюбилось далѣе называться *Бурновеемъ*: это имя было мнѣ нещастливо. Я описалъ ему господъ моихъ; чему онъ столько обрадовался, что съ полчаса смѣялся.

 По-

Послѣ того сказалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ къ нему въ домъ, гдѣ могу дождаться господъ своихъ. Они, примолвилъ онъ мнѣ, добрые пріятели, и обѣщались быть ко мнѣ вгости. Онъ взялъ у меня деньги на сбереженіе, лошадь мою приказалъ пустить въ свой табунъ, и кормилъ меня съ своего стола. Я жилъ у него, пока снѣгъ напалъ, и послѣ того, какъ онъ сошелъ; но васъ господъ своихъ не дождался. Мнѣ уже скучно стало: я просилъ, чтобъ онъ отпустилъ меня искать васъ; но онъ все проводилъ меня со дня на день, и показывалъ мнѣ ваши письма, будтобъ вы обѣщаетесь къ нему быть. Не льзя было не повѣрить; потому что я тѣ письма видѣлъ своими глазами; вся бумага была изписана.

Въ это время этотъ господинъ поѣхалъ куда-то далеко. У него жена была баба плотная, и еще краше моей жены. Ей сгрустилось послѣ мужа, и она призвавши меня, заставила разсказывать мое похожденіе. Она очень смѣялась моей женидьбѣ, и спрашивала, о чемъ я по ночамъ говаривалъ съ моею женою. Я не зналъ, что ей сказать; потому что мы сыпали съ нею молча. Она начала поднимать меня на смѣхъ и приставала ко мнѣ до тѣхъ поръ, что я принужденъ былъ показать ей все, какъ дѣло было. Съ того времени всякую ночь

при-

призывала она меня сказывать сказки, и я не могъ сомнѣваться, что въ этой землѣ есть обычай женамъ въ отлучку мужа выходить за мужъ за другова. Я готовъ уже былъ показать себя въ домѣ ея господиномъ; но она мнѣ накрѣпко запрещала сказывать, что я на ней женился. Здѣсь такой обычай, говорила она, что естьли ты хоть слово объ этомъ скажешь, то я уже не буду жена твоя. Я обѣщался это сдѣлать, и не хотѣлъ потерять ее. Напослѣдокъ прiѣхалъ господинъ домой, и съ тѣхъ поръ меня уже не звали сказки сказывать. Мнѣ досадно было, что онъ скоро возвратился и сталъ по прежнему мужемъ. У этого господина была сестра, еще лучше жены его, я вздумалъ на ней жениться, и пришедши къ нему, сталъ требовать, чтобъ онъ ее за меня выдалъ. Онъ смѣялся словамъ моимъ, и сказалъ въ отвѣтъ: моя сестра барышня, а ты слуга, такъ не пригоже ее за тебя выдать. — Нѣтъ! вскричалъ я съ сердцемъ, я уже не слуга, когда на твоей женѣ женился. Какъ женился! сказалъ онъ испугавшись; для того что въ лицѣ поблѣднѣлъ. Я ему разсказалъ, какъ дѣло было. Это ему не полюбилось; онъ ударилъ меня въ щоку, и ежелибъ я на тотъ часъ не оробѣлъ, тобъ вцѣпился ему въ волосы. Онъ ушелъ отъ меня, и побоя[сь] далѣе со мною

 драть-

драться, вымѣстилъ это на женѣ своей; а меня сослалъ въ другую деревню, и велѣлъ меня заставить свиней пасти, Посмотрю, что будетъ далѣе, думалъ я; видно, что мнѣ здѣсь долго не ужиться. Я ждалъ, что онъ опять куда нибудь уѣдетъ, и жена его по прежнему за меня выдетъ: ни тутъ-то было! ужь стали сѣно косить, а я все свиней пасъ. Постой же! вздумалъ я; когда такъ, я отсмѣю твою шутку. Я загналъ свиней въ лѣсъ, и самъ далъ тягу. Долго я ходилъ по деревнямъ, добрые мужики кормили меня вездѣ, и не требовали денегъ за это. Вчерась услышалъ я, что идетъ войско. Я съ роду этова не видывалъ, и захотѣлъ посмотрѣть, что это за звѣрь. Мнѣ показали, въ которую сторону итти надобно; я два дни бѣжалъ безъ отдыху Нынѣ увидѣлъ я поутру большое стадо лошадей, а сторожи при нихъ спали. Мнѣ подумалось, что не велика бѣда изъ такова большаго стада взять одну лошадь; и притомъ не для чего инаго, что уже я пѣшкомъ идучи ноги отбилъ. Я поималъ лошадь, сѣлъ было и хотѣлъ ѣхать, да чортъ меня догадай разбудить одного сторожа и спросить у него, куда ѣхать къ войску. Онъ вскочилъ, поглядѣлъ на лошадь, схватилъ ее за поводъ, и закричалъ, что я воръ. Товарищи его сбѣжались, и

сколько я имъ плутамъ не доказывалъ, что я честной человѣкъ; сколько ни грозилъ имъ именемъ моего господина: они связали мнѣ руки назадъ и привели къ судьѣ. Не знаю, что бы со мною было, естьлибъ ты мой господинъ не приспѣлъ на выручку. Тутъ-то у меня какъ гора съ плечь свалилась. —— ——

Повѣствованіе *Простаево* развеселило всѣхъ слушателей; онъ утѣшалъ ихъ своими разговорами во время пути, которой продолжали къ Хомограду, и ревновалъ къ *Арпаду*, что *Предслава* столько къ нему ласкова; ибо онъ былъ дуракъ со всѣми качествами.

Наконецъ появились вдали златоверьхнія зданія Хомоградскія. *Гардорикъ* обремененный благодѣяніями мнимаго *Мечислава*, не зналъ, чемъ вящше доказать ему свое признаніе. Великолѣпная встрѣча предводительствована была имъ самимъ; онъ выѣхалъ за нѣсколько верстъ со всѣми своими Вельможами, и для множайшаго обязательства возлюбленную его *Брячиславу* везъ въ своей колесницѣ по правую сторону. *Савраазаръ* и *Озана* были въ числѣ занимающихъ мѣста въ колесницѣ его. *Гардорикъ* вышелъ, приближась къ нему обнялъ его, называлъ своимъ избавителемъ, другомъ, и возложилъ

ему

ему на шею златую цѣпь, снявъ съ своей шеи. Всѣ Вельможи отдали ему Царскую почесть; народъ радостными восклицаніями наполнялъ воздухъ, и устилалъ путь его своими одеждами. *Брячислава* съ радостными слезами прижала его къ своему сердцу, и сей Герой въ одномъ ея поцалуѣ нашелъ награду всѣхъ понесенныхъ трудовъ своихъ. *Арпадъ* привелъ къ сестрѣ своей возлюбленную свою *Предславу*. Нечаянная сія встрѣча умножила ихъ радость. Самъ *Гардорикъ*, изъявляющій всѣмъ сотрудникамъ *Вадимовымъ* побѣдъ благодарность, узнавъ о щастіи *Арпадовомъ*, не могъ довольно изъявить свою радость. Онъ забылъ, что онъ Государь, и привѣтствовалъ, какъ другъ. Но сколь ни привлекательно было сіе позорище; въ другой сторонѣ предстояло поразительнѣйшее явленіе для всѣхъ чувствительныхъ сердецъ. *Сарaффа* въ обѣихъ рукахъ вела сыновъ своихъ представить Царю Колхидскому. Перо слабо начертать сіе свиданіе. Должно представить нѣжнаго супруга и родителя: что можетъ онъ ощутить въ часъ тотъ, когда неожидаемо увидитъ супругу, щитаемую за погибшую, и дѣтей, коихъ не видалъ онъ со младенчества ихъ? *Савраазаръ* не могъ произнесть, кромѣ словъ: *Сараффа*! любезныя дѣти! это *Семіръ*,

Ну-

Нурединъ? Объятія ихъ пресѣкали, и слезы радости катились по бѣлой бородѣ его.

По прошествіи первыхъ восторговъ началось шествіе въ Хомоградъ. Придворныя колесницы раздѣлили по себѣ высокія семейства: *Гардорикъ* не отпустилъ отъ себя *Вадима* и *Арпада* съ ихъ возлюбленными; *Савраазаръ* сѣлъ съ супругою и дѣтьми своими въ другую, а *Бурновей* съ своею *Озаною*. Готфскій Полководецъ съ присоединившимся *Русимомъ* имѣли честь ввести въ городъ отрядъ побѣдоноснаго войска съ трофеями. Въ тотъ самый день розданы награжденія Готфскимъ военачальникамъ и всему войску, равно и Варягамъ; всѣ они угощаемы были великолѣпно чрезъ нѣсколько дней, и по врученіи наконецъ благодарныхъ грамотъ отъ *Гардорика*, и *Вадима* къ Королю Готфскому, отпущены съ честію.

Между тѣмъ, какъ при Дворѣ Славянорусскомъ происходили торжества и веселія, когда весь народъ угощаемъ былъ изъ Княжеской казны, должно упомянуть о важнѣйшемъ приключеніи.

Наутро по прибытіи въ столицу мнимаго *Мечислава*, Славянорусскій Князь повелѣлъ въ думной свой чертогъ собраться первосвященнику, вельможамъ и военачальникамъ. Самъ *Вадимъ* приглашенъ былъ къ тому

му отъ его имени чрезъ *Русима*. Всѣ собрались по повелѣнію, и ожидали прибытія Государева, переговаривая между собою, что бы значило чрезвычайное таковое собраніе. Наконецъ двери внутреннихъ чертоговъ растворились. *Гардорикъ* вступилъ послѣдуемый *Урманомъ*, которой несъ на аксамитной подушкѣ скипетръ и державу... Подступи, великодушный Герой! (сказалъ Князь *Вадиму*) собраніе, представляющее мое отечество, созвано не для чего инаго, какъ узнать волю своего Самодержца, опредѣляющаго возмездіе твоимъ заслугамъ. Благодѣянія твои ко мнѣ и ко всему Славянорусскому Государству столь велики, что не можно воздать ихъ, кромѣ самаго вѣнца, которой возвратилъ ты на главу мою. —— Да будетъ извѣстно (продолжалъ онъ, обратясь къ своимъ подданнымъ, и снимая съ головы своей корону) Вельможамъ, войску, и всему народу, что мы, не имѣя наслѣдниковъ, избираемъ въ соцарствіе и наслѣдіе престолу непобѣдимаго *Мечислава*. —— Вельможи и всѣ въ собраніи бывшіе единогласно воскликнули: да здравствуетъ *Мечиславъ*, Князь Славянорускій! -- *Гардорикъ* простиралъ руку съ короною для увѣнчанія *Вадимова*; но сей безпримѣрный Герой отступивъ, сталъ на колѣно, и отвѣчалъ слѣдующее: великій Государь! не за сію цѣну

при-

приносилъ я жертву добродѣтели. Имѣлъ я въ жизни не однократно случай возвысить себя до престола; но никогда не хотѣлъ лишить онаго законныхъ наслѣдниковъ. Вы, Государь! имѣете брата, и ему по васъ надлежитъ вѣнецъ сей. Увы! возопилъ *Гардорикъ*: не припоминай объ нещасшномъ; слова твои раздираютъ язву моего сердца. *Гардорикъ* безроденъ; властолюбіе лишило его сей отрады. *Вадимъ*, возлюбленный *Вадимъ*, могъ быть подобенъ тебѣ въ добродѣтели . . . . Но ожесточеніе мое (продолжалъ, прерывая отъ рыданій) изгнало его изъ отечества, повергло во гробъ. *Умранъ* принесъ мнѣ вѣсть сію, и съ нею навѣкъ изгналъ покой изъ нещастной души моей . . . —— О Государь! (вскричалъ *Вадимъ* проливъ слезы и бросясь къ ногамъ его) раскаяніе твое исторгаетъ мою тайну - - - болѣе не могъ онъ выговорить; *Гардорикъ* оцѣпенѣлъ, и въ молчаніи взиралъ на всѣхъ, ожидая объясненія. Тогда *Урманъ* и *Русимъ* приступаютъ къ нему, повергаются на колѣни, и вопіютъ: познай его, Государь! *Мечиславъ* защитникъ твой —— Скажите, прерываетъ *Гардорикъ*, обрадуйте стѣсненную душу. —— Это *Вадимъ*, братъ твой! При словѣ семъ новая жизнь простирается въ жилахъ *Гардориковыхъ*, слезы ліются потоками изъ очей его; онъ подъемлетъ *Вадима*, прижимаетъ

маетъ его къ своему сердцу, и лишается чувствъ въ его объятіяхъ. Всѣ бросаются на помощь къ своему Государю, и обѣемлютъ колѣна *Вадимовы*. Князь приходитъ въ себя, лобзаетъ снова своего брата, и проситъ у него прощенія съ таковымъ раскаяніемъ, что все собраніе проливаетъ слезы. — Великій Государь, и любезнѣйшій братъ! вѣщалъ къ нему *Вадимъ*: сей часъ есть благополучнѣйшій въ моей жизни. Я никогда не желалъ инаго, кромѣ чтобъ доказать вамъ, что я искалъ только любви вашей. Сіе совершилось, и *Вадимъ* всегда будетъ вашъ вѣрный подданный. — Есть еще средство мнѣ поправиться (сказалъ *Гардорикъ*, воспріявъ важный видъ); я лишалъ тебя удѣла, но теперь уступаю тебѣ престолъ мой со всемъ государствомъ. — Любезный братъ! подхватилъ *Вадимъ*: тебѣ не извѣстно мое сердце; оно наполнено къ тебѣ сыновнею горячностію и подданническимъ почтеніемъ. Царствуй, пока угодно богамъ, и оставь *Вадиму* принимать твои повелѣнія: токмо на семъ условіи братъ твой предаетъ забвенію все прошедшее. — Сего много! вскричалъ *Гардорикъ*, обливаясь слезами и прижимая къ груди своей *Вадима*; *Гардорикъ* могъ погрѣшить, но слабъ снести угрызенія совѣсти!

ВЪ самомЪ дѣлѣ съ того часа раскаявшійся *ГардорикЪ*, объявивЪ по себѣ наслѣдникомЪ своего брата, впалЪ вЪ великое уныніе. Старанія и ласки *Вадима* и *Брячиславы* не могли успокоить тайной его грусти. БракЪ ихЪ, торжествованный вЪ скоромЪ послѣ того времени, принесЪ ему на малое время отраду; но жестокая горячка, ему приключившаяся, вскорѣ повергла его во гробЪ. ОнЪ скончался на рукахЪ своего брата, и имя его было послѣднее слово, излетѣвшее изЪ устЪ его.

По оплаканіи сего урона, и возданіи послѣдняго долга тѣлу *Гардорикову*, *ВадимЪ* съ *Брячиславою* вѣнчанЪ былЪ на Славянорусскій престолЪ; они удержали при себѣ всѣхЪ высокихЪ особЪ. ВЪ Болгары посланЪ былЪ ПосолЪ для возвѣщенія родителямЪ *ПредславинымЪ*, что оная сыскана *АрпадомЪ*; они просили позволенія для заключенія ихЪ брака вЪ столицѣ зятя *Арпадова* Славянорусскаго Князя. Между тѣмЪ, какЪ ожидали возвращенія Посла сего, совершился бракЪ *Бурновея* съ *Озаною*. *ВадимЪ* наградилЪ сего участника злоключеній своихЪ удѣломЪ наслѣдія, отказанаго родителемЪ его покойному брату его *Гунигарду*, и *Бурновей* во всю жизнь свою былЪ вѣрный вазалЪ и другЪ ему.

СавраазарЪ намѣрился было отъѣхать съ семействомЪ своимЪ вЪ Козары; но *ВадимЪ*

 прозь-

просьбами своими удержалъ его при Дворѣ своемъ, обѣщая употребить всю силу свою къ возстановленію его на престолъ Колхидскій. *Семіръ* съ того времени, какъ предметъ любви его превратился въ его брата, находилъ единственную отраду быть съ нимъ неразлучно. Въ нѣкоторый день прибѣжалъ онъ въ великомъ смятеніи къ *Арпаду*, и когда сей спросилъ его о причинѣ онаго: естьли сердце мое не обманываетъ меня ложною надеждою, сказалъ онъ, я нахожу лѣкарство въ странномъ моемъ нещастіи. Въ покояхъ брата моего дожидается чужестранецъ, желающій васъ видѣть; онъ называется *Нурединомъ*, и столько сходенъ лицемъ къ брату моему, что изъ всѣхъ обстоятельствъ не можетъ быть иной, кромѣ Княжны Обрской, которую ищетъ столь давно *Ардоланъ*.

Арпадъ съ своей стороны вспомнивъ о избавителѣ своемъ, которой искупилъ его изъ плѣну въ Сузахъ, побѣжалъ туда. Въ самомъ дѣлѣ нашелъ онъ тамъ великодушнаго *Нуредина*; онъ бросился съ дружескими къ нему объятіями, возобновлялъ благодарность, которою вѣчно обязанъ ему за свою свободу, и спрашивалъ, исправно ли дошелъ къ нему выкупъ, посланный отъ Полянскаго Государя. *Нурединъ* увѣдомилъ его, что замедленіе Армянскаго купца было

ю причиною, что онъ не болѣе, какъ за мѣсяцъ предъ симъ получилъ вольность, и что слѣдуя въ Вужанское боговѣщалище для вопрошенія о судьбѣ своей чрезъ области Славянорусскія, услышалъ объ его имени, покрытомъ толикою славою, и пришелъ увидѣться съ нимъ. Они обнялись снова. *Семiръ* не пропустилъ съ своей стороны препоручить себя въ дружество незнакомому сему: сердце его билось жестоко при семъ случаѣ, и онъ шепталъ *Арпаду*, что нѣжность лица и голосъ сего чужестранца подтверждаютъ его догадки. *Арпадъ* представилъ его *Вадиму*, которой принявъ благодѣтеля друга своего съ особливою милостiю, предлагалъ ему убѣжище во Дворцѣ своемъ. *Нурединъ* благодарилъ его за сiю милость, и признавался, что судьба, предоставившая его невольничеству съ самаго младенчества, сокрывшая отъ него самыя имена его родителей, не можетъ представитъ ему лучшаго щастiя, какъ покровительство столь сильнаго Монарха. *Арпадъ*, сравнивая догадки *Семiровы* съ повѣствованiемъ *Ардолоновымъ*, и скромность *Нурединову* въ открытiи его приключенiй, желалъ нѣкоторымъ образомъ проникнуть въ его тайну: онъ убѣждалъ его разсказатъ свои приключенiя, естьли обстоятельства не обязываютъ его къ продолженiю скромности. — Мои

 при-

приключенія, отвѣчалъ *Нурединъ*, маловажны. Я еще во младенчествѣ проданъ въ неволю, не знаю кѣмъ и въ какой странѣ. Купившій меня Армянинъ воспиталъ меня въ своемъ домѣ; онъ умеръ бездѣтенъ, когда я былъ еще десяти лѣтъ; имѣніе его продано, въ томъ числѣ и я достался Византійскому купцу. Сей полюбилъ меня, и желая со временемъ доставить мнѣ пропитаніе, отдалъ въ наученіе къ славнѣйшему живописцу. Я занялъ художество моего учителя въ такомъ совершенствѣ, что работа моя почиталась отмѣнною и у самыхъ Грековъ. Великодушный мой господинъ послѣ сего опыта своей милости далъ мнѣ свободу. Я отправился въ Грецію, и проведши тамъ нѣсколько лѣтъ, собралъ моими трудами много денегъ. Напослѣдокъ вздумалъ я переѣхать въ Римъ; однакожъ нещастіе предало корабль, на который сѣлъ я, въ руки Сиріянцамъ. Оные продали меня Жиду, торгующему невольниками; а сей привезши меня въ Сузы, продалъ тому доброму Іудеянину, у котораго имѣлъ я случай оказать услугу вамъ, Свѣтлѣйшій *Арпадъ*; узнавъ изъ вашей повѣсти объ высокой вашей природѣ, вспомнилъ я, что въ бытность мою въ Греціи слышалъ объ васъ отъ нѣкоего Варяга, по имени *Сивола*, которой разсказывалъ мнѣ отчасти похожденіе ваше съ Болгарскою

Княж-

Княжною. По сему - то сказывалЪ я тогда вамЪ, что отчасти вѣдаю, кто вы. Чтожь надлежитЪ до причины, принуждавшей меня кЪ скрыванію истинныхЪ моихЪ приключеній: оная теряетЪ свою силу, когда уже нахожусь я подЪ защитою великаго Славянорусскаго Монарха. ПолЪ мой, которой до сего часа имѣла я столь много труда сокрыть, находясь вЪ рабствѣ между сластолюбивымЪ народомЪ, налагалЪ узы на языкЪ мой. Я нещастная дѣвица, незнающая, кому должна я моею жизнію.

СемірЪ поблѣднѣлЪ и лишился почти чувствЪ, услышавЪ сіе; а *АрдоланЪ*, сЪ нетерпѣніемЪ слушавшій ея повѣствованіе, повергся предЪ нею на колѣни. АхЪ, прекрасная дѣвица! вскричалЪ онЪ; прости моей дерзости: позволь обнажить икру лѣвой ноги твоей. Сколько милостивы боги, естьли ты на оной имѣешь природное пятно подобное полумѣсяцу! По сему знаку узнаешь ты своихЪ родителей, а я дочь моего Государя, и единственую наслѣдницу Обрскаго престола. — Боги! что слышу я! какое извѣстіе! вскричалЪ мнимый *НурединЪ*, и радость лишила его чувствЪ. Бросились на помощь, и прежде нежели привели ее вЪ память, престарѣлый *АрдоланЪ* снялЪ уже сапогЪ, целовалЪ щастливый признакЪ на лѣвой ногѣ ея, восклицая: загладилось мое пре-

преступленіе! Ахъ, *Арена*! какая радость для твоего родителя! какое щастіе для всѣхъ Обровъ!

По совершеніи таковаго важнаго открытія, надлежало истинной *Аренѣ* объяснить, какимъ образомъ развязался узелъ странныхъ ея приключеній. *Сараффа* сняла оное на себя, между тѣмъ какъ во внутреннихъ чертогахъ возлагали на нее одежды, приличныя ея полу и природѣ. Съ какимъ новымъ собраніемъ прелестей вышла сія красавица, и какое новое впечатлѣніе произвели заразы ея въ сердцѣ *Семірововѣ*! Но чтобъ сказать короче: взаимная симпатія влекла ихъ другъ къ другу, посредство *Вадима* и его супруги облегчило ихъ признаніе, и чрезъ нѣсколько дней *Семіръ* въ новой *Аренѣ* нашелъ бальсамъ для раны сердца своего, а Княжна Обрская увѣнчала щастіе его вѣчною любовію.

Гонецъ, прибывшій изъ Болгаръ возвѣстилъ шествіе къ Хомограду родителей *Предславиныхъ*, которые не могли далѣе сносить, чтобъ ее не увидѣть. *Вадимъ* встрѣтилъ ихъ съ своею супругою и прочими высокими особами еще на половинѣ пути. Свиданіе сихъ нѣжныхъ родственниковъ являло чувствительное позорище; торжествованія при семъ случаѣ были великолѣпны; но радостнѣйшее составилъ бракъ *Арпада*

съ

съ *Предславою*. По нѣкоторомъ времени возвратились они съ своими родителями въ Болгары. *Арпадъ* наслѣдовалъ ихъ престолъ; велъ благополучную жизнь; вѣрныя сїи любовники не престали оными быть въ супружествѣ; и потомки ихъ чрезъ многїе вѣки подавали законы Болгарскому государству.

Вадимъ сдержалъ слово, данное Колхидскому Царю. Войски его, соединенныя съ Козарскими, освободили не токмо царство *Савраазарово*, но и всю *Иверїю* присоединили къ оному; съ котораго времени составляетъ она единую область.

Семїръ съ *Аренoю* отправился въ Обры: родитель его возлюбленной, чрезъ посредство Дворовъ Славянорусскаго и Козарскаго, а наиболѣе изъ благосклонности къ *Семїру*, не токмо сочеталъ его съ своею дочерью, но за старостїю лѣтъ своихъ уступилъ ему престолъ свой. Онъ скончался, видѣвъ уже залоги любви дѣтей своихъ. Потомство *Семїрово* долго царствовало надъ Обрами; но по пресѣченїи онаго, Обры подверглись утѣсненїю Скифовъ, кои изгнали ихъ изъ отечества. Они прошли до области Дулебовъ, овладѣли оною; но непорядки, произходящїе отъ безначалїя, вооружили на нихъ Дулебовъ, кои всѣхъ ихъ истребили.

Нурединъ чрезъ стараніе Князей *Болгарскихъ* и *Брячиславы* вступилъ въ супружество съ *Цедальмою* Королевною *Маркоманскою*; онъ и потомки его царствовали въ Иверіи.

Русимъ, сорвавъ послѣдніе лавры побѣдъ своихъ въ Колхидѣ, со славою окончалъ дни свои при дворѣ *Вадимовомъ*. Сей Государь почиталъ, слушался, и погребъ его, какъ отца своего.

Урманъ, возвышенный чинами и довѣренностію своего Монарха, былъ другъ его и вѣрный подданный.

Но чтобъ не позабыть и о *Простаѣ*; онъ жилъ неотлучно при *Вадимѣ*, котораго считалъ богатымъ господиномъ и судьею въ Хомоградѣ. Онъ безпрестанно волочился за придворными пѣвицами, жаловался на ихъ суровость, и признавался, что красавица въ Винетѣ была гораздо ихъ умнѣе.

Таковымъ образомъ по претерпѣніи великихъ злоключеній *Вадимъ* съ возлюбленною своею *Брячиславою* наслаждались мирною жизнію; они устроили благоденствіе своихъ подданныхъ, и оставили онымъ по себѣ достойныхъ наслѣдниковъ.

ВЕЧЕРЪ XLI.

СКАЗКА

Объ Раймірѣ и Милославѣ.

Прежде нежели при берегахъ Дуная основалось владѣніе Даковъ, находилось тутъ сильное королевство, названіе котораго и описаніе погибло отъ насильства времени. Подъ симъ климатомъ, пріятнымъ и плодоносным, царствовалъ нѣкогда Король, могущественный какъ по пространству своего владѣнія и богатству, такъ и въ разсужденіи покровительства волшебницы, обитавшей въ областяхъ его. Столичный его городъ находился близъ береговъ Чернаго моря. Нѣкоторый чужестранецъ, *Раймірь* по имени, претерпѣлъ близъ онаго кораблеразбитіе, и спасшись отъ потопленія, шелъ въ оный искать убѣжища. Едва приближился онъ къ воротамъ, встрѣчаютъ взоры его народъ, въ замѣшательствѣ изходящій за городъ. Рыданіе нѣкоторыхъ и болѣзненное молчаніе прочихъ, представляли всеобщую печаль.

Король ихъ шествовалъ тихо, орошая путь свой слезами; Королева его находилась тутъ же съ равномѣрными знаками печали на лицѣ своемъ; она опиралась на Королевну дочь свою, изъ прекрасныхъ коея очей катились слезы по розовымъ щекамъ ее. Нечувствительно глубокая тишина, разліявшаяся повсемѣстно, предвозвѣстила ожиданіе какого нибудь чрезвычайнаго произшествія. *Раймірь* подступилъ; величественный видъ его, и одѣяніе, хотя нѣсколько разстроенное при кораблекрушеніи, дали ему свободный путь среди народа. Между тѣмъ видитъ онъ двухъ ужасной величины хищныхъ птицъ, спускающихся съ воздуха къ Королевнѣ; оныя завернувъ ее въ покрывало, которое держали въ когтяхъ своихъ, подхватили и предъ всѣми зрителями унесли за облака. Ни одинъ человѣкъ не смѣлъ защищать ее отъ нихъ; рыданіе возобновилось, и Король закрывъ платкомъ лице свое, поведенъ былъ обратно въ городъ отъ Вельможь своихъ. Королева, лишенная почти чувствъ, при помощи придворныхъ госпожъ также возвратилась въ свои чертоги. *Раймірь*, удивленный таковымъ позорищемъ, послѣдовалъ за ними во Дворецъ, и нашелъ всѣхъ вообще проливающихъ слезы. Онъ подступилъ къ одной престарѣлой боярынѣ,

стоящей въ углу, и просилъ ее объяснить ему причину произшествія, возмутившаго ихъ городъ. Боярыня, узнавъ по сему вопросу, что онъ иностранецъ, согласилась на нѣсколько времени отереть свои слезы, и въ удовлетвореніе его любопытству разсказала слѣдующую

Повѣсть

о Королевнѣ Милославѣ.

Сія Королевна, похищенная у насъ предъ вашими глазами, есть единая наслѣдница сего великаго государства. Немилосердая судьба возхотѣла, чтобъ Король и Королева не видали свою любезнѣйшую дочь на время, коего предѣлъ не извѣстенъ; но должно разсказать вамъ причину сего плачевнаго разлученія.

При рожденіи *Милославы*, Король слѣдуя обычаямъ своихъ предковъ, пригласилъ въ свои чертоги одного духа и двухъ волшебницъ, коихъ столько находилось тогда въ его королевствѣ, для участвованія на пиршествѣ, и для полученія своей дочери отъ нихъ даровъ, расточаемыхъ ихъ могуществомъ. Одна изъ волшебницъ, *Зоримона* называемая, была весьма привязана къ пользамъ Короля нашего: она почасту навѣщала Дворъ его,

для разсужденія о поправленіи случающихся непорядковъ въ государствѣ, или бывъ привлекаема знаками почтенія, ей оказываемаго. Она въ особѣ своей соединяла всѣ прелести молодости, красоту несказанную, появляющуюся при всѣхъ ея дѣйствіяхъ, съ склонностію дѣлать добро; за что ее всѣ любили. Другая волшебница, равно какъ и духъ, были собою очень безобразны, худощавы, поведенія суроваго, оба ощущали тайное удовольствіе въ содѣланіи зла, и имѣли страшную сію привычку. День, опредѣленный къ веселію торжества и обряда предрѣченія судьбы *Милославиной* насталъ; празднованіе началось съ восхожденіемъ солнца разными потѣхами, и противуборствами силы и быстрости; госпожи были убраны великолѣпно, и ничего не упустили, чрезъ чтобъ показаться любезными. Мущины все употребили, чтобъ имъ нравиться; и щегольство празднества служило предлогомъ къ тайному торжеству любви. Послѣ-обѣденное время проведено въ разныхъ увеселеніяхъ. По наступленіи вечера собраніе вступило въ великолѣпно освѣщенный залъ, куда привлекъ оное согласный звукъ музыкальныхъ орудій; нѣжный полъ занявъ ряды скамей, одна надъ другою возвышающихся представлялъ позорище, достойное къ украшенію Двора самой богини прелестей.

Сто-

Столы съ избраннѣйшими ѣствами были уже готовы. Волшебницы и духъ, занимавшие всегда мѣсто по сторонамъ Короля, раздѣляли съ нимъ почесть празднества. Торжество кончилось. Волшебница *Зоримана* просила у Короля позволенія придать отъ себя нѣчто къ веселію празднества. Вамъ извѣстно, сказала она къ особамъ присутствовавшимъ въ собраніи, что званіе мое учиняетъ меня повелительницею не токмо всѣхъ скрываемыхъ землею сокровищъ, но и всѣхъ прочихъ даровъ, удобныхъ составить щастіе смертныхъ, какъ-то дарованія разума, или личныхъ пріятностей; я хочу сдѣлать васъ участниками всѣхъ сихъ даровъ, но только на однихъ мущинъ желаю я расточить оные. Пусть всякъ приходитъ у меня просить, и я утверждаю клятвою волшебницы, что каждый въ ту же минуту получитъ свое желаніе.

Тогда всѣ мущины начали переговаривать между собою, о чемъ бы просить имъ волшебницу; и какъ случилось, что почти всѣ желали одной вещи, одинъ вмѣсто всѣхъ подступивъ къ ней, говорилъ слѣдующее: Великомочная волшебница! не безъизвѣстно намъ превосходство вашего искусства; вы можете по единому изволенію возвысить смертнаго на степень величества, одарить богатствомъ, даже дать ему власть

надъ

надъ стихiями, и наградить всѣми прелестьми душевными и тѣлесными; но мы соглася сь въ разсужденiи вещи, о которой намъ просить васъ должно, когда вы намъ то позволили, не находимъ ничего могущественнѣйшаго въ вашей власти прелестей вашихъ, заразившихъ глаза и сердца наши. Между всѣми выгодами, кои можемъ мы получить отъ васъ, щастiе вамъ нравиться показалось намъ драгоцѣннѣйшимъ. удостой, великомочная волшебница, въ исполненiе твоего обѣщанiя; почти одного изъ насъ твоимъ выборомъ.

Я неожидала таковаго безкорыстiя, отвѣчала *Зоримана*; вы требуете отъ меня самаго лѣгчайшаго подарка; между тѣмъ родъ прозьбы вашей приводитъ меня въ несостоянiе исполнить мою клятву: я не могу сдѣлать выбора между особами равномѣрно совершенными; но я дамъ вамъ больше, нежели вы отъ меня требуете. Вотъ талисманы, имѣющiе силу удерживать нѣжность; чрезъ ихъ помощь воспрепятствуете вы красавицамъ, вами обожаемымъ, учиниться вамъ невѣрными; но для совершенiя сего дѣйствiя надлежитъ вамъ присоединять ласковыя услуги и ту нѣжную осторожность, которая составляетъ всю прелесть истиной любви. Тогда раздала она помущинамъ сiи драгоцѣнные талисманы.

Духъ

Духъ по примѣру ея пригласилъ нѣжный полъ просить у него даровъ, и обѣщалъ желанія ихъ исполнить. Однѣ изъ онаго просили у него таинства, чтобъ остаться вѣчно прекрасными; другія, чтобъ любовныя ихъ похожденія безъизвѣстны оставались ихъ супругамъ и былибъ безпрепятственны; иныя требовали, чтобъ онъ соединилъ славу женщины добродѣтельной съ поведеніемъ самымъ щеголеватымъ; нѣкоторыя просили молодости; прочія здоровья. Очень мало нашлось желающихъ разума, и ни одна не просила о здравомъ разсудкѣ.

Старая волшебница также подозвала мущинъ, и предлагала къ услугамъ ихъ свое искусство. Они подходили къ ней порознь докладывать о своихъ желаніяхъ, но во всемъ томъ не нашла она ничего, чтобъ польстило собственной ея особѣ: всякъ говорилъ только объ самомъ себѣ; что вложило въ нее жестокую ревность къ волшебницѣ *Зориманѣ*; ибо она, хотя была уже въ глубокихъ лѣтахъ и непріятна видомъ, но считала себя прекраснѣе самой Лады.

Пожилой духъ пораженъ былъ таковымъ сумасбродствомъ; онъ весьма оскорбился тѣмъ, что ни одна женщина не потребовала его сердца: онъ роптамъ и бормоталъ также, какъ и старая волшебница.

Обя

Оба они приняли на себя пасмурный видъ, и Король замѣтилъ уныніе, являющее ихъ досаду. Хотя онъ ни мало не участвовалъ въ приключившемъ имъ обиду, но вѣдая опасное свойство ихъ нрава, трепеталъ, чтобъ слѣдствіе сего не было бѣдственно его дочери. Онъ усугубилъ къ нимъ знаки почтенія, что ихъ поразвеселило, и думали, что они успокоены.

Шествовали по томъ въ чертоги Королевины, гдѣ въ колыбели находилась новорожденная *Милослава*. Волшебницы и духъ окружили оную, и послѣдній взглянувъ на Королевну, сказалъ: „Я присвояю ей всѣ „прелести красоты, но она никогда не „выдетъ за мужъ, естьли не окажетъ суп„ругу своему тысячи одной благосклонно„сти прежде совершенія брака; или впро„чемъ день свадьбы будетъ послѣдній ея „жизни. „ — Сказавъ сіе, превратился онъ въ комету и изчезъ.

Старая волшебница изрекла послѣ него слѣдующее: „Я даю *Милославѣ* всѣ совер„шенства разума; но всѣ желанія ея, кои „окажетъ она до совершенія шеснатцати лѣтъ, будутъ ей бѣдственны на всю жизнь. „ — При концѣ словъ сихъ появилось чудовище съ страшными когтями; волшебница вскочила на оное, и ускакала вонъ изъ Дворца.

Ко-

Король и Королева остались въ глубокомъ унынiи. Предсказанiе духово ихъ поразило: условiе, присоединенное къ браку ихъ дочери, было непреоборимымъ препятствiемъ, и престолу по смерти ихъ надлежало перейти въ чужiя руки. Слова старой волшебницы не меньше того смущали ихъ: всѣ желанiя дочери ихъ долженствовали быть ей бѣдственны; извѣстное дѣло, что никто не имѣетъ столь изобильныхъ желанiй, какъ младая дѣвица: какое же поле нещастiй то представляло!

Волшебница *Зоримана* въ утѣшенiе ихъ обѣщалась не оставить дочь ихъ защитою. дѣйствiе сихъ предсказанiй, говорила она, не можетъ быть уничтожено силою моего искусства, я могу только облегчить оное. Тогда взяла она младенца на руки, и изрекла: я даю тебѣ нравъ кроткой и постоянной. Послѣ сего сдѣлала она родителямъ ея наставленiе, какимъ образомъ поступать при ея воспитанiи. Прiучите ее заблаговременно, говорила она, не желать и самыхъ бездѣлицъ, и чтобъ всѣ дѣйствiя ея жизни, сколько можно, были невольныя. Сказавъ это, обняла она ихъ, и безъ всякаго шуму удалилась въ одни изъ палатъ своихъ.

Когда *Милослава* стала смыслить, избрали меня къ ней въ мамы; волшебница почасту приходила наставлять меня, какъ

мнѣ съ нею поступать должно. Наконецъ когда она достигла возрасту, въ коемъ оказывается разсудокъ, Король, родитель ея, открылъ ей предсказанную судьбу ея, а *Зоримана* обѣщала облегчить средства, по коимъ бы она лучше могла слѣдовать внушеннымъ ей правиламъ до шеснатцатилѣтняго возрасту. Но чтобъ легче пріобучить ее къ противностямъ, подарила она ей перстень съ руки своей. Удивительная сила онаго содержала слѣдующее: когда *Милослава* гуляла въ придворныхъ садахъ и что нибудь начинало ей нравиться, въ то мгновеніе ока садъ превращался въ ужасную пустыню. Естьли который нибудь лѣтній вечеръ нравился ей прохладностію и тишиною: вдругъ небо тогда померкало, луна съ звѣздами изчезала въ мрачности облаковъ и подымались вихри. Словомъ сказать, то же происходило со всѣми вещами, привлекающими ея вниманіе: даже когда она хотѣла посмотрѣться въ зеркало, черты лица ея представлялись безпорядочными и столь нелѣпыми, что и самолюбіе не находило въ нихъ удовольствія; а сіе дѣйствіе въ судьбѣ ея было изъ тѣхъ, къ коему она меньше всего могла привыкнуть. Между тѣмъ не было ничего ее прекраснѣе: живость очей ея поражала, цвѣтъ кожи затмѣвалъ снѣгъ, а румяность устъ и щекъ розы; она имѣла

ростъ

ростъ довольной, складъ прелестной, и выступку непринужденную и красивую. Но вы ее видѣли (продолжала боярыня) и согласитесь, что я сдѣлала объ ней только самое слабое начертаніе. Наконецъ за нѣсколько дней предъ симъ волшебница *Зоримана* прибыла пріуготовить Короля и Королеву къ нынѣшней съ дочерью ихъ разлукѣ. Она обѣщала имъ щастливыя изъ того послѣдствія; они рѣшились тогда на это съ радостію, но нынѣ не могутъ удержать стремленія слезъ своихъ. —— ——

Мама Королевнина окончала тѣмъ свою повѣсть; *Раймiръ* поблагодарилъ ее съ вѣжливостію, и удалился изъ Дворца. Первая дорога, которую онъ избралъ, привела его на пространную долину. Онъ углубленъ былъ въ великое размышленіе; онъ созывалъ въ воображеніи своемъ всѣ видѣнныя имъ предметы, и все, объ чемъ слышалъ; при чемъ воспоминаніе объ *Милославѣ* не остановляло его ни на минуту. О! сколько красавица проливающая слезы являетъ въ себѣ прелестей! Знаки печали на прелестномъ лицѣ почасту бываютъ для любви сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ, нежели резвящаяся усмѣшка; сердце не можетъ тогда не почувствовать жалости, удобно превращающейся въ нѣжность. — *Раймiръ* ощущалъ тогда смущеніе, которое представля-

лялось ему пріятнымъ; нещастія Королевны припоминали ему о всѣхъ прелестяхъ, коими была она украшена; сіи прелести становились для него разительнѣе, и учиняли его отчасу чувствительнѣйшимъ къ ея злочастію.

Занимающія его размышленія были прерваны предметомъ, представшимъ его взорамъ: было то великолѣпное, хотя нѣсколько безпорядочное, зданіе. Пятнатцать теремовъ, различныхъ между собою, построены стояли полукругомъ, окружены глубокимъ рвомъ, а на верьху воротъ находилась слѣдующая надпись: *бѣги сюда резвящееся юношество; здѣсь жилище блаженства.*

Раймиръ прошелъ обширнымъ дворомъ, и вступилъ въ сѣни, имѣющія круглой сводъ, вводящія въ первой изъ пятнатцати теремовъ: нашелъ онъ сей обитаемый множествомъ женщинъ совершенно прекрасныхъ, кои приняли его самымъ лестнымъ для мущины образомъ. Нѣжные взгляды, пріятныя нечаянности были расточаемы для учиненія его чувствительнымъ; предложили ему тысячу различныхъ забавъ. Въ какой покой ни входилъ онъ, находилъ готовой столъ съ отмѣнными ѣствами, которыми его потчивали съ искусною и прельщающею вѣжливостію. Однѣ наливали вкусныя

ныя вины, а прочія соединяли изъ голосовъ своихъ обворожающее пѣніе, и чрезъ пляску и игры старались внушить въ него страсти, кои собою представляли; но дѣйствія оныхъ не проницали въ его сердце: воспоминаніе объ *Милославѣ* было для него въ тысячу разъ драгоцѣннѣе. Онъ вырвался изъ рукъ ихъ, и вступилъ въ смежной къ тому теремъ.

Тутъ нашелъ онъ другихъ женщинъ съ отличною красотою и одѣяніемъ отъ тѣхъ, которыхъ онъ оставилъ. Сіи также старались привлечь его разными ласками, но онъ умѣлъ противиться; и хотя во всякомъ проходимомъ теремѣ окружали его новыя красавицы отчасу прелестнѣйшія, заманивающія его искуснѣйшимъ образомъ: сердце его удержало свою нечувствительность и онъ достигъ четвертаго-надесять терема, сохранивъ свое постоянство.

Въ ономъ обитала дѣвица, которой видъ поразилъ было его сначала; оный сходствовалъ нѣсколько къ любезной его *Милославѣ*, такъ что онъ не могъ лишить себя удовольствія остаться съ нею. Дѣвица замѣтила то изъ его радости и смущенія; она съ своей стороны оказала ему разположенія самыя благосклонныя. Онъ предался обману, и не испытывая, была ли то самая *Милослава*, уступилъ безъ изъятія той склон-

склонности, которую она къ нему оказывала. Однако въ самое время обязательствъ, въ которыя онъ впадалъ, опасался онъ, чтобъ не составили оныя невѣрности къ его дражайшей Королевнѣ; но заблужденіе его казалось ему прелестнымъ, и не прежде постарался онъ объяснить свое сомнѣніе, когда соотвѣтствовалъ движеніямъ нѣжности, кои оказала ему сія дѣвица.

Когда узналъ онъ, что она не была *Милослава*, вдругъ печаль объяла его сердце и оказалась на лицѣ его; крайняя холодность заступила мѣсто прежнихъ чувствованій. Дѣвица то замѣтила, и ему упрекнула. Ахъ, сударыня! отвѣчалъ онъ, надлежитъ открыться предъ вами чистосердечно: естьлибъ любовь была движеніе вольное, вы составлялибъ для меня особу пріятнѣйшую, и къ которой бы я привязанъ былъ надолго; но я не властитель надъ моимъ сердцемъ; дочь Королевская, весьма любви достойная, которую видѣлъ я только на нѣсколько минутъ, и кою можетъ быть не увижу вѣчно, овладѣла онымъ. Я почувствовалъ къ вамъ склонность только по сходству лица вашего съ нею. Я зрю, что мнѣ предопредѣлено любить ее вѣчно; потому что вы не могли учинить меня ей невѣрнымъ.

Участь ваша для меня жалостна, отвѣтствовала дѣвица, вы не увидите больше терема, изъ коего выходите; ибо не сыщете уже въ оный входу. Нещастіе самое плачевное предстоитъ вамъ, когда войдете вы въ послѣдній; законы духа, владычествующаго надъ сердцами, суть таковы: смертный вступившій въ сіе зданіе, и не могшій занять сердца своего въ которомъ нибудь теремѣ, опредѣляется къ жестокому мученію. —— Предостереженіе таковое не сдѣлало въ немъ впечатлѣнія; онъ вошелъ въ послѣдній теремъ. Едва установилъ онъ тутъ ногу свою, все изчезло; онъ очутился при вратахъ города, стоящаго на долинѣ, которой взоры не находили предѣла. Опомнившись наконецъ отъ быстроты стремленія, кое сюда его примчало, хотѣлъ онъ вступить въ городъ; но въ то мгновеніе, какъ наклонилъ онъ голову въ дверцы, невидимая рука оплелась около головы его, лишила зрѣнія, и въ тожь время страшной голосъ произнесъ явственно слѣдующія слова:

Вольность, щедрой даръ природы,
Хоть не льзя счесть за порокъ;
Смертной щастливъ отъ свободы,
Сколько путь къ ней ни жестокъ:
Но любовь безъ отомщенья

Не оставитъ оныхъ часть,
Кто вкушаетъ услажденья,
Не признавъ ея всю власть.

Раймиръ столько пораженъ былъ мрачностію, лишившею его зрѣнія, что не слыхалъ изреченія сего; онъ напрягалъ всю силу свою для сорванія съ головы своей оной бѣдственной повязки; но испытавъ безъ полезность своего старанія, пошелъ ощупью въ городъ. Едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, услышалъ близь себя нѣкоего разговаривающщаго, къ которому оборотясь, употребилъ прозьбу въ таковыхъ словахъ: вразуми меня, ежели можно, какимъ образомъ лишился я здѣсь моего зрѣнія? Что это за неизвѣстной мнѣ городъ, и кто въ немъ обитаетъ? — Развѣ ты не слыхалъ словъ (отвѣчалъ ему голосъ), кои произнесъ Оракулъ при вступленіи твоемъ въ сей городъ? Здѣсь Богъ любви наказываетъ смертныхъ, вкушающихъ его утѣхи, не носивъ его оковъ. — Какъ! не носивъ его оковъ? подхватилъ *Раймиръ*; по чемужь заслуживаю я наказаніе, когда я люблю прекрасную Королевну, не имѣя и той надежды, чтобъ ее когда нибудь увидѣть? — Вы любите ее? сказалъ голосъ; о! ваша нѣжность къ ней довольно доказана въ теремахъ, изъ коихъ вы вышли; мнѣ извѣстно, какъ вы тамъ вели себя,

по-

потому что я самъ чрезъ оные попалъ въ сей нещастной городъ, и всѣ находящіяся здѣсь люди испытали то же. Когда сонъ, или другая какая нибудь жизненная нужда вамъ приключится, нѣтъ вамъ нужды ходить здѣсь долго ощупью: весь городъ составленъ изъ длинныхъ комнатъ, въ коихъ находится всякое изобиліе къ продолженію таковой жалости достойной жизни, какова наша. Между тѣмъ есть одинъ лучь льстящей намъ надежды: въ нѣкоторомъ мѣстѣ сего города находится висящая на воздухѣ стрѣла, которой можно коснуться лбомъ. Тѣ щастливые изъ нашей братьи, которые наткнутся на оную, въ тотъ же часъ освобождаются отъ повязки на глазахъ, и бываютъ перенесены въ другое жилище.

Раймíръ поблагодарилъ слѣпаго гражданина, подавшаго ему сіе наставленіе; онъ заключилъ искать оную стрѣлу до тѣхъ поръ, какъ оная ему попадется, или чрезъ смерть избавиться отъ своего мученія. Онъ пошелъ широкими шагами, не вѣдая самъ, куда идетъ; но по безплодныхъ исканіяхъ нашелъ себя столько утомленна, что принужденъ былъ искать отдохновенія; онъ ощупалъ входъ въ комнату, и пошелъ пробираться около стѣны.

ВЕЧЕРЪ XLII.

Прошедъ нѣсколько, услышалъ онъ шумъ многихъ разговаривающихъ голосовъ, и ощупавъ порожнюю постель, легъ на оную; вскорѣ почувствовалъ, что еще нѣкто пришелъ, и ложась къ нему, сказалъ: пора уже спать. Сколько вы щастливы, сказалъ онъ сему, что можете помышлять обо снѣ! Что лежитъ до меня, ужасная повязка, лишающая меня зрѣнія, не даетъ мнѣ ни на минуту покоя: о естьли бы вздумалось лютому духу, чтобъ то мгновеніе ока, въ кое лишилъ меня глазъ, было послѣднее моей жизни! — Не трудно узнать, что вы новопришелецъ въ семъ городѣ, отвѣчалъ ему лежащій съ нимъ на постелѣ; вы подвержены еще первымъ горестямъ, но дайте времени подѣйствовать надъ умягченіемъ вашей печали. — Вы обѣщаете мнѣ способъ самой легкой, сказалъ *Раймиръ*. — Конечно оный есть, подхватилъ старожилецъ того города; по срединѣ города находится столбъ, имѣющій таковую удивительную силу, что естьли вы чрезъ нѣсколько минутъ потрете объ него лобъ свой, ощутите такую перемѣну, что воспоминаніе прошедшаго совсѣмъ загладится въ вашей па-

памяти, и даже помышленіе о предбудущемъ изчезнетъ. —— Нѣтъ! отвѣчалъ *Раймиръ*, я не хочу возпользоваться тѣмъ, хотя воспоминаніе о прошедшемъ и составляетъ весь ужасъ состоянія, въ которомъ я нахожусь; но я не могу рѣшиться оное утратить. Какъ! чтобы мнѣ забыть прекрасную Королевну, которую видѣлъ я похищенную изъ объятій родителя ея, и которой слезы были столько нѣжны и поразительны? Я и самую роковую стрѣлу не для чего инаго найти желаю, чтобъ вырваться изъ сего бѣдственнаго жилища, и искать по всему свѣту мою возлюбленную *Милославу*. Но я не увижу сего драгоцѣннаго предмета! Немилосердая повязка, покрывающая глаза мои, лишаетъ меня навѣки благоденствія увидѣть ее. —— Не предавайтесь съ такимъ отчаяніемъ вашимъ обстоятельствамъ, сказалъ старожилецъ; ибо отчаяніе ваше будетъ безполезно, старайтесь сохранить ваши силы и разумъ для ежедневнаго исканія той освободительной стрѣлы; оная можетъ быть сыскана. Въ каждое мгновеніе ока можно ожидать, что она подастъ намъ помощь; но какъ очень часто бываютъ сюда новопришельцы, то городъ весьма наполненъ народомъ, и это дѣлаетъ затрудненіе.

Разговоръ старожильца подалъ *Раймiру* лучь надежды, уменьшившiй грусть его. Какая несправедливость, сказалъ онъ, во образѣ, коимъ наказываетъ насъ здѣсь духъ, владычествующiй надъ сердцами! Онъ поставляетъ за преступленiе, что мы вкусили его утѣхи, не носивъ его оковъ; ибо такъ произносилъ Оракулъ при вступленiи нашемъ въ сiе бѣдственное жилище. Обвиненiе это не основательно; надобно любить, чтобъ познать утѣхи, приносимыя намъ любовiю: но красота, къ которой мы равнодушны, не имѣетъ въ себѣ ничего могущаго произвесть утѣхи сiи. — Вы заблуждаете, отвѣчалъ старожилецъ: ни любящая насъ особа, ни та, къ коей мы равнодушны, приноситъ намъ истинныя утѣхи; потому что въ семъ случаѣ оныя не возмущаются ни ревностiю, ни страхомъ объ отсутствiи, ни самою разлукою, и ни множествомъ отвращенiя, происходящаго во взаимной любви. — Ахъ! сказалъ *Раймiръ*, сiи отвращенiя, кои считаете вы противными утѣхамъ, учиняютъ ихъ только живѣйшими: правда то, что разлука стоитъ жестокаго мученiя; въ отсутствiи отъ любезнаго предмета проводимъ мы мучительные часы: но съ другой стороны какая же бываетъ и радость, какiе сладостные слѣдуютъ восторги послѣ сихъ горестныхъ часовъ,

ко-

когда свидишься съ возлюбленною! Кого мучитъ ревность, подверженъ тотъ безъ сомнѣнія великому страданію; онъ не вѣдаетъ покоя, теряетъ вкусъ ко всякимъ забавамъ, ненавидитъ даже самаго себя. Но какую утѣху чувствуетъ онъ, когда найдетъ терзавшія его подозрѣнія неосновательными, и что возлюбленная была къ нему всегда вѣрна! Естьли кто въ жизни своей провелъ нѣсколько дней въ плачевномъ принужденіи представлять себя холоднымъ предъ возлюбленною для обману глазъ ревниваго супруга, или хлопотливой матери: какихъ не чувстуетъ тотъ услажденій, достигнувъ времени, въ которое предается полной нѣжности любви? Тогда сіи чувствованія, удерживаемыя на нѣсколько, учиняются живѣйшими и пламеннѣйшими. По сему можно заключить, что разлука сберегаетъ только утѣхи къ свиданію; что ревность даетъ намъ лишь лучше познавать щастіе быть любимымъ; и что препятствія учиняютъ насъ лишь влюбленнѣе и нетерпѣливѣе. Прощайте, примолвилъ онъ, я не ощущаю усталости, я иду искать драгоцѣннаго залогу нашей свободы. — Тогда вышелъ онъ вонъ, и ходилъ безъ остановки по городу почти цѣлыя сутки. Все, къ чему онъ прикасался, казалось ему желаемою стрѣлою; но все по испытаніи не было оная.

Другая ночь настала уже за нѣсколько часовъ, какъ почувствовавъ себя отягощаема сномъ; вошелъ онъ въ первое жилье, которое ощупалъ; онъ нашелъ двухъ товарищей своего злочастія, началъ говорить съ однимъ изъ нихъ, которой ежеминутно испускалъ тяжкіе вздохи; онъ просилъ его разсказать ему свои приключенія. Третій товарищъ присоединилъ къ тому свои прозьбы: *Моалибъ*! сказалъ онъ ему, удовольствуй наше любопытство; на что онъ согласился, и повѣствовалъ нижеписанное:

—— —— Я сынъ обитателя Херсонеса-Таврическаго; отецъ мой въ молодости моей отправилъ меня въ путешествія, и мнѣ не было еще двагцати лѣтъ, какъ прибылъ я на полуостровъ Кимврскій (*). Обитатели онаго, не взирая на суровый климатъ, лежащій въ самомъ Сѣверѣ, весьма ласковы и обходительны. Къ просвѣщенію своему присоединяютъ они ту пріятную вольность въ обхожденіи, которая составляетъ вкусъ къ обществу. Женщины тамошнія очень склонны къ забавамъ: любовь есть самое первое слово, которое выучиваютъ онѣ говорить во младенчествѣ своемъ; а когда достигаютъ возраста, въ коемъ начинаютъ раж-

(*) Полуостровъ Кимврской составляетъ Норвегію, Дацію и Швецію. Кимвры, придавшіе оному названіе, обитали въ Даціи.

раждаться страсти, любить, составляетъ первое движенiе, ощущаемое ихъ сердцами. Онѣ не всѣ вообще прекрасны, но почти всѣ имѣютъ прiятность обворожающую, толико дѣйствующую на мущинъ, и безъ которой самая красота почти безсильна. Къ совершенству ихъ недостаетъ одного только постоянства; ибо сердца ихъ, удобно возпламеняющiяся, чувствуютъ то не надолго къ одному предмету; непостоянство сiе составляетъ часть ихъ нравовъ, кои внушаютъ при воспитанiи младымъ дѣвицамъ. Вы можете увѣриться въ томъ изъ слѣдствiя похожденiй, кои имѣлъ я тамъ.

Едва прибылъ я на оной полуостровъ, какъ употребилъ мое старанiе къ познанiю свойства и вкуса обитателей онаго. Я замѣтилъ, что сей вкусъ, столько наблюдаемый во всѣхъ вещахъ, и столько перемѣнчивый, простирался до самыхъ лицъ: иногда большiе глаза на выкатѣ считались прекрасными; но вскорѣ вкусъ перемѣнялся: уступали они маленькимъ, и принуждены были считаться не надлежащими ко вкусу. Мущины подражали сей странности какъ въ лицахъ, такъ и въ одѣянiи. Украшенiе разума, здравой разсудокъ, добрый нравъ, не были вещи, чрезъ кои можно было понравиться нѣжному полу. Они превратили дарованiя и добродѣтели общественныя въ дру-

другіе предметы. На примѣрѣ: чтобъ быть пріятнымъ человѣкомъ, надлежало знать особливое нарѣчіе, которое ввели въ обычай; почасту не наблюдать вѣжливости къ женщинамъ, вѣдать о маленькихъ происшествіяхъ любовныхъ, мѣшаться въ игры и забавы, коими онѣ занимались, и особливо держать расходъ не по приходу, было дѣло совершеннѣйшаго щеголя.

Сіи женщины, каждая въ своемъ обществѣ, собирались почти всякой вечеръ для жертвованія духу, владычествующему надъ празднествами. Надлежало, чтобъ мущины, желающіе быть причтенными въ таковое общество, имѣли нравъ чрезмѣрно веселой, чтобъ они попѣвали пѣсенки въ честь онаго духа и бога любви. Женщины, чтобъ разсказывали щеголеватыя похожденія своихъ подругъ: но онымъ не составляло сіе затрудненія; потому что подъ имянемъ другихъ слѣдовало разсказывать только о самихъ себѣ, чтобъ представить точный подлинникъ.

Въ нѣкоторый день присутствуя въ таковомъ собраніи, случилось мнѣ сидѣть близъ молодой особы, называемой *Лимонія*. Она имѣла всѣ прелести молодости, хотя черты ея лица не слишкомъ были правильны. Родительница ея находясь ею беременна, видѣла во снѣ Позвиста, бога вѣтровъ,

отъ

отъ чего получила такое впечатлѣніе, что новорожденная дочь ея весьма походила на одушливое изображеніе сего Царя воздушнаго. Она была очень разумна, имѣла воображеніе живое и пріятное; она могла придавать и самымъ безделицамъ, о которыхъ говорила, нѣкоторую прелесть. По прозьбѣ ея принужденъ былъ я голосомъ моимъ принесть жертву въ честь духа. Я воспѣлъ радость и утѣхи, царствовавшія въ томъ собраніи, и красоту госпожъ присутствовавшихъ. Не забылъ я также выхвалить и *Лимонію*, въ разсужденіи разума ея и молодости; она показалась ко мнѣ чувствительною, и приглашала всякой вечеръ являться въ сіе собраніе, въ которомъ находилась она обыкновенно; она оказала ко мнѣ знаки склонности, кои всѣ замѣтили. Я не щадилъ пѣсенъ въ честь обожаемаго ими духа, примѣшивая повсегда въ оный нѣчто лестное на ея счетъ, и по симъ-то пѣснямъ она подумавъ, что я люблю ее, призналась, что чувствуетъ ко мнѣ склонность довольно нѣжную.

По ея сказкамъ, сердце ея было чрезмѣрно чувствительно, всегда занято однимъ любезнымъ предметомъ; таковой родъ нѣжности былъ рѣдкая тамъ вещь: я захотѣлъ испытать *Лимонію*, и примѣчалъ всѣ ея поступки.

Чрезъ нѣсколько дней узналъ я, что въ одномъ собраніи, въ которомъ меня не случилось, она блистала по своему обыкновенію, и что многократно бросала взоры страстные на молодаго Кимвра, пригожаго собою; и что она сама ему упрекала за невниманіе, къ ней оказываемое. Мнѣ показалось, что таковое поведеніе много отличествуетъ отъ присвояемаго ею себѣ; и какъ важнѣйшее, что меня къ ней прилѣпляло, было то лестное описаніе свойствъ ея сердца, умѣющаго любить совершенно, не казалась уже она мнѣ отличною отъ своихъ единостранокъ. Непостоянство за непостоянство: мнѣ выгоднѣе показалось пріобрѣсть сердце женщины прекрасной. Я постарался не видать нѣсколько дней *Лимонію*; она сдѣлала мнѣ выговоръ очень нѣжной, и клялась мнѣ, въ поправленіе причинъ, на которыя я жаловался, вести себя впредь постояннѣе и столь чистосердечно, что я найду въ ней все могущее льстить любовнику самому прихотливому.

Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько времени казалась она занимающеюся только однимъ мною; она писала ко мнѣ всякой день письма очень страстныя; она рачительно искала случаевъ со мною видѣться, и я могъ бы думать, что любитъ она меня чистосердечно, безъ одного произшествія, доказавшаго мнѣ, что можно ей нравиться, не бывъ любиму ею.

Слу-

Случается тамъ въ нѣкоторое время года, что нѣкоторый духъ входитъ въ обитателей сего полуострова. Они тогда бываютъ въ нѣкоемъ родѣ шумства, учиняющаго ихъ непохожихъ на самихъ себя; они бѣгаютъ по звуку музыкальныхъ орудій; часто видятся, другъ друга не узнавая, а узнаютъ не видя. Я увидѣлъ *Лимонію*, кою не уповалъ найти тамъ; она говорила съ таинственнымъ видомъ къ молодому съ ней стоявшему мущинѣ. Я подшелъ такъ, чтобъ она меня не примѣтила, подслушалъ, что сей разговаривалъ съ нею очень нѣжно и цаловалъ ея руку, которую сжималъ своею: разставаясь обѣщались они свидѣться наутрѣе.

Я показался *Лимоніи*. Не смущайтесь, сказалъ я ей, мнѣ очень лестно, что учинился вашимъ повѣреннымъ я слышалъ вашъ разговоръ, и не намѣренъ упрекать вамъ. Я не имѣю требованій на ваше сердце; ибо оное не способно къ чувствованію сему, о которомъ столь много сказано въ вашихъ разговорахъ и письмахъ. — Какъ вы несправедливы! отвѣчала она, вы обвиняете меня непостоянствомъ въ ту минуту, когда я больше всего занята вами: молодой человѣкъ, коего видѣли вы со мною, есть *Арэанъ*; мнѣ извѣстно, что онъ вамъ пріятель: и для того не надѣясь васъ здѣсь видѣть, я обрадовалась нашедъ того, съ кѣмъ могла пого-

ворить объ васѣ. Разговорѣ нѣжной, которой вы слышали ко мнѣ отъ *Арзана*, составлялѣ чувствованія, кои вы ко мнѣ имѣете; ибо ему извѣстны наши обязательства: вамѣ бы не было причины на меня жаловаться, естьлибѣ не любила я васѣ съ такою нѣжностію, и разговоры *Арзановы*, не привлекая столько моего вниманія, не тронулибѣ вашу щекотливость. Проси у меня прощенія въ своей несправедливости.

Вы пристыдили меня, сказалѣ я, что такѣ не основательно могѣ я подозрѣвать васѣ; по крайней мѣрѣ будетѣ то въ послѣдній разѣ въ моей жизни; ибо познаю теперь, сколько права имѣю на ваше сердце. —— Мы разстались послѣ того, и я съ оной минуты замѣтивѣ, сколько *Лимонія* умѣетѣ притворяться, не помышлялѣ больше объ ея сердцѣ, и прилѣпился кѣ другой. Я видалѣ ее между тѣмѣ нѣсколько разѣ, и нашелѣ, что разумѣ ея очень разнствуетѣ съ сердцемѣ. Наконецѣ чрезѣ нѣсколько времени мы разстались съ нею добровольно: я отослалѣ кѣ ней ея письма, давѣ чувствовать ей, что сердце мое за нихѣ не вступается; а она призналась съ своей стороны, что чувствуетѣ почти то же; и такѣ безѣ упрековѣ и досады мы прервали обхожденіе.

Но *Лимонія* была очень хитра, чтобѣ пропустила не извлечь выгодѣ изѣ нашего

то разрыву; чтобъ родительница ея не свѣдала о причинѣ онаго, и не пресѣкла ей впредь способности видѣть въ домѣ своемъ ея любовниковъ, сказала она ей: вы можетъ быть удивляетесь, матушка, не видѣвъ у насъ больше *Моалиба*? Обхожденіе его очень пріятно; должно признаться, что онъ весьма увеселялъ меня чрезъ нѣсколько времени; онъ открывался, что влюбленъ въ меня, и сказывалъ то крайне краснорѣчиво; но когда я замѣтила требованія его, чтобъ и я его любила, тогда попросила его отстать отъ сего требованія и посѣщать меня попрѣже.

Родительница *Лимоніина*, которая была очень добрая женщина, легко тому повѣрила. Таковое чистосердечное признаніе показалось ей въ дочерѣ ея прелестною строгостію добродѣтели. Когда я случался у нихъ, она встрѣчала меня съ видомъ насмѣшливымъ, что открыло мнѣ догадаться о средствѣ, коимъ дочь обманула мать свою. Естьли бы я любилъ еще *Лимонію*, можетъ бы я въ отмщеніе послалъ къ роднѣ нѣсколько ея писемъ; но мое сердце не имѣло отъ нее раны: а когда уже не любишь больше, не стоитъ труда быть благоразсуднымъ.

Послѣ сего продолжалъ я мои путешествія, и возвращаясь, попалъ въ зданіе пятнатцати теремовъ: тамъ испыталъ я при-

ключенія, приведшія меня въ сей бѣдственной городъ. Покровительствующій мнѣ духъ обнадеживаетъ меня, что я скоро изъ онаго выду; но я желаю сей минуты тѣмъ съ множайшимъ нетерпѣніемъ, чемъ оная приближается, и я противу воли моей предаюсь грусти и воздыханіямъ, когда сонъ, начиная отягощать меня, препятствуетъ искать освобождающую стрѣлу. —— ——

По семъ словѣ *Моалибъ* и *Раймиръ* заснули. *Раймиръ* проснулся очень скоро, и послышавъ шумъ, заключилъ, что всѣ въ городѣ уже встали; онъ вскочилъ, и пошелъ ходить по обыкновенію. Едва выступилъ онъ нѣсколько шаговъ, почувствовалъ сильной ударъ въ лобъ; онъ протянулъ руку испытать то, на что онъ наткнулся: по щастію была это освободительная стрѣла. Лишь только схватился онъ за нее, очутился въ великолѣпныхъ палатахъ. Повязка его спала съ глазъ. Сколь великая была его радость! Онъ избавился плачевнѣйшаго на свѣтѣ состоянія. Первое его движеніе состояло въ томъ, чтобъ вытти изъ оныхъ палатъ: онъ опасался повстрѣчаться съ новыми причинами прогнѣвать любовь; но любопытство превозмогло. Онъ вступилъ подъ переходъ, украшенный марморными столбами, достигъ въ освѣщаемый пышною рукою залъ: въ концѣ онаго увидѣлъ онъ позорище

ще, на которомъ представляли похожденія изъ Еллинской исторіи: двѣ госпожи, сидящія на софахъ, составляли всѣхъ зрителей. Въ ту минуту, какъ *Раймiръ* подступилъ къ нимъ, на театрѣ Дидона говорила къ Енею убѣжденія свои, стоявъ на колѣнахъ; окончаніемъ рѣчи ея представленіе кончилось. Одна изъ госпожь увидѣвъ *Раймiра*, сказала ему: подступите и вразумите насъ, какимъ образомъ вошли вы въ сіи палаты? Надлежитъ, отвѣчалъ онъ, повѣствовать о множествѣ странныхъ приключеній, предшествовавшихъ минутѣ, въ которую очутился я здѣсь. Вы одолжите насъ разсказаніемъ вашего похожденія, сказала госпожа. Повинуюсь вамъ, отвѣчалъ онъ; родъ позорища, которымъ вы изволили забавляться, доказываетъ, что вы имѣете вкусъ къ перемѣннымъ увеселеніямъ, и можетъ быть повѣсть моей жизни заслужитъ ваше вниманіе. —— Вкусъ къ перемѣннымъ увеселеніямъ, подхватила молодая госпожа, которая до тѣхъ поръ не вмѣшивалась въ разговоры; поищите, естьли могу васъ просить, иныхъ предметовъ для вашей повѣренности. Сіи перемѣнныя позорища, коихъ часть вы застали, совсѣмъ не по моему вкусу, и какъ думаю, то и сидящая со мною госпожа участвуетъ здѣсь только въ угодность судьбѣ, все учреждающей мнѣ напротивъ. Какъ щастливы

стливы тѣ люди (продолжала она) находящія всегда удовольствіе въ вещахъ, кои сами избирать могутъ! — Такъ, подхватила другая госпожа, а особливо когда имѣютъ вольность избирать не однократно; ибо ежели держаться всегда одной вещи, оная скоро наскучитъ, и можетъ быть учинится несносною. — Позвольте мнѣ не согласиться въ этомъ съ вами, сказалъ *Раймiръ*; мнѣ кажется, что несравненно прiятнѣе прилѣпляться къ первому выбору во всѣхъ забавахъ жизненныхъ: можно чрезъ то избавиться новыхъ отвращенiй; ибо какъ мысль всегда простирается далѣе самой вещи, и какъ мы находимъ меньше, нежели себѣ обѣщали: то родится нѣкой родъ ненависти къ желаемой вещи, отъ чего оная скоро омерзѣетъ. Но когда и за тѣмъ оною еще мы занимаемся; увеличивающая оную мысль удаляется, и смерзѣніе уступаетъ истинной привязанности; привычка занимаетъ разумъ и сердце — и удаляетъ таковымъ образомъ (примолвила госпожа) повѣсть, которую вы намъ обѣщали. При семъ словѣ принужденъ онъ былъ, оставивъ разсужденія, удовлетворить ихъ нетерпѣливость.

По-

Повѣсть Раймірова.

Я сынъ *Радислава*, Князя Руccкаго, котораго владѣніе простирается по обѣ стороны великаго озера Ирмера; а мать моя Царевна Таврическая. При рожденіи моемъ родитель мой, слѣдуя обыкновенію, призвалъ волхвовъ для предсказанія случаевъ моей жизни: найдено, что мнѣ предстояло множество нещастій во все теченіе дней моихъ, естьли первый избранный мною предметъ любви не будетъ одобренъ здравымъ разсудкомъ. Предвѣщаніе таковое приключило жестокую печаль отцу моему: здравой разсудокъ и любовь, по мнѣнію всѣхъ ученыхъ людей нашего государства, были вещи весьма между собою несогласныя; они извѣстны другъ другу только по имени, и никогда не обитаютъ вмѣстѣ. Единственное средство, которое считали удобнымъ къ воспріятію, состояло въ томъ, чтобъ воспрепятствовать мнѣ влюбляться, пока я не получу основательнаго смысла. Родитель мой требовалъ на то совѣта у людей самыхъ искусныхъ при Дворѣ своемъ; одна волшебница предлагала ему, чтобъ для удаленія отъ меня склонности къ женщинамъ воспитать меня посреди оныхъ въ незнаніи до осьмнатцатилѣтняго возрасту объ моемъ полѣ, и что въ ожиданіи сего

 сроку

сроку она употребитЪ знаніе свое на помощь предопредѣляемой мнѣ участи. ОтецЪ мой счелЪ, что не льзя противиться совѣтамЪ волшебницы, столь могущественной; и хотя не проникЪ во всѣ оныхЪ пользы, рѣшился однако онымЪ послѣдовать. Близь столичнаго нашего города Русы находился старинной городокЪ ЧудскихЪ народовЪ, коего одна отдѣленная слобода обитаема была только престарѣлыми женщинами, или таковаго лица, кое не могло причинить предопредѣленнаго мнѣ нещастія. Пожилыя красавицы, тѣ, коихЪ разгнѣванная Природа осудила кЪ вѣчному терпѣнію, и ненавидящія нашЪ полЪ, собирались вЪ сіе убѣжище, гдѣ бѣдныхЪ мущинЪ цѣнили безЪ пощады. Заведеніе это было у насЪ старинное, и не худо бы для спокойства вЪ обществѣ имѣть вЪ каждомЪ городѣ по таковой колоніи. ВЪ это мѣсто препроводили меня вЪ то время, какЪ началЪ появляться во мнѣ смыслЪ; старались тамЪ рачительно скрыть отЪ меня обЪ моемЪ полѣ. Одна изЪ нихЪ ежедневно преподавала мнѣ уроки нравоучительные, и ничего не пропускала могущаго мнѣ внушить владычество надЪ самимЪ собою, помогающее покорять страсти. Старались также наставить меня и вЪ другихЪ наукахЪ, приличныхЪ моей природѣ, чрезЪ учителей, одѣ-

тыхЪ

тыхъ въ женское платье; какъ свѣдалъ я послѣ.

ВЕЧЕРЪ XLIII.

Я препроводилъ до шестнатцати лѣтъ сей родъ жизни. Въ нѣкоторый день, когда я еще спалъ, одна изъ женщинъ, помоложе другихъ изъ имѣвшихъ за мною присмотръ, вошла въ мою спальню; она сѣла ко мнѣ на постель, и обнимая не однократно, разбудила меня. Чего ты отъ меня хочешь? сказалъ я: за чемъ ты нарушаешь сонъ мой? Не досадуйте, отвѣчала она, вы сами давно лишаете меня онаго: въ отмщеніе за все претерпѣнное мною хочу я вывести васъ изъ невѣденія, въ коемъ находитесь вы объ самомъ себѣ, и преподать вамъ уроки, за которые вы будете обязаны мнѣ во всю жизнь. Послѣ сего вразумила она меня во всемъ томъ, что отъ меня скрывали; дала мнѣ знать объ моей природѣ, и сказывала мнѣ, что родитель мой тайнымъ образомъ приходитъ почасту навѣщать меня въ семъ жилищѣ; проводитъ цѣлые дни, смотря и слушая разговоры

воры мои съ ними. Побужденіе сіе, примолвила она, называется любовь, которая принудила меня открыть вамъ это таинство, кое осталось бы для васъ не извѣстно; одно ваше сердце можетъ мнѣ воздать пріятнѣйшую за это благодарность.

Я обѣщалъ ей все, чего она хотѣла; но то, чему она меня научить хотѣла, учинило жилище мое тамъ столь несноснымъ, что я не замедлилъ оттуда удалиться.

Я пришелъ ко Двору родителя моего, не сомнѣваясь, что безъ труда меня при ономъ узнаютъ; ибо волшебница сказывала мнѣ объ этомъ, приходя невидимою навѣщать меня. Одѣяніе на мнѣ было еще тогожъ покрою, которое носили женщины, отъ коихъ я бѣжалъ; и какъ оное совсѣмъ отмѣнно было отъ носимаго въ городѣ прочими госпожами, привлекалъ я на себя взоры всѣхъ, мимо кого я ни шелъ. Я достигъ уже рѣки, текущей сквозь столицу моего родителя; тутъ нашелъ я его прогуливающагося съ моею матерью и всѣми своими придворными. Взглянувъ на меня, узналъ онъ покрой платья тѣхъ женщинъ, коимъ онъ меня ввѣрилъ; и мысля, что это одна изъ нихъ пришедшая съ извѣстіемъ обо мнѣ, велѣлъ мнѣ подступить; но лишь я приближился, узналъ онъ черты своего сына,

не

не могъ удержаться отъ слезъ, и чрезъ долгое время держалъ, заключивъ въ своихъ объятіяхъ. Родительница моя также свѣдала по симъ знакамъ нѣжности: она тысячекратно цаловала меня, орошая своими слезами, съ которыми и я отъ естественнаго притяженія соединялъ свои. Король привелъ меня во Дворецъ свой, спрашивалъ, какимъ образомъ могъ я притти къ нему: я разсказалъ ему, что обязанъ за это одной изъ старухъ. Можно ли мыслить, присовокупилъ я, въ разсужденіи оказываемыхъ вами мнѣ милостей, чтобъ я по вашему повелѣнію воспитывался въ таковой неизвѣстности? — Ахъ, любезной сынъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, чегожъ и стоило мнѣ разлучиться съ тобою, когда я инымъ образомъ не могъ отвратить угрожающихъ тебѣ нещастій! Ты предопредѣленъ къ жестокимъ злоключеніямъ, естьли сердце твое предастъ себя во власть любви; я счелъ, что убѣжище, куда я удалилъ тебя, возпрепятствуетъ тебѣ познать оную: я хотѣлъ, чтобъ лучше юношество твое протекло въ невѣжествѣ, нежели бы вся жизнь твоя подверглась нещастіямъ. До сихъ еще поръ, сказалъ я, можно васъ увѣрить, что сердце мое не познало того, что угрожаетъ мнѣ нещастіемъ; старуха, вразумившая меня, не оставила во мнѣ впечатлѣнія, кото-

раго

раго бы слѣдовало опасаться, и кажется, что по испытанію моему сердце мое никогда не будетъ наполнено иною нѣжностію, кромѣ ощущаемой къ вамъ.

При семъ словѣ родитель мой обнялъ меня, и приказавъ переодѣть меня въ платье, приличное моему полу и природѣ; разговаривалъ со мною ежедневно о правилахъ, по которымъ благоразсудный человѣкъ долженъ учреждать жизнь свою. Казалось, что я съ усерднымъ вниманіемъ слушалъ его наставленія; но отецъ мой, судя по свойству мущины моего возрасту, которой не могъ быть твердъ, опасался, чтобъ какая нибудь изъ придворныхъ госпожь не внушила въ меня страсти, могущей учиниться мнѣ бѣдственною. Сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ въ одинъ день, я нахожу тебя въ таковыхъ расположеніяхъ, какихъ я желаю; но надлежитъ, чтобъ зрѣлой возрастъ совершилъ это: пребываніе твое здѣсь можетъ развратить тебя; надлежитъ тебѣ меня оставить. Шествуй[a], сынъ мой, объѣзжай всѣ страны, лежащія по берегамъ морей Варяжскаго и Евксинскаго; странствуй нигдѣ не остановляясь до совершеннаго возрасту; и естьли сыщешь страну, въ которой мущины родятся съ отвращеніемъ отъ владычества, въ коемъ содержатъ насъ женщины, поживи тамъ, и воз-

возвратись воспріять мое государство съ сердцемъ непоколебаннымъ.

Онъ препроводилъ меня до судна пріуготовленнаго къ отъѣзду моему на Ирмерѣ, и ввѣривъ меня предводительству одного своего вельможи, обнялъ меня и со слезами разстался. Я объѣхалъ часть странъ, лежащихъ по берегамъ Варяжскимъ; мнѣ очень хотѣлось быть въ Херсонесѣ Таврическомъ: и для того проѣхалъ я сухимъ путемъ чрезъ Сармацію до рѣки Гераза (*), которою доплылъ въ Дунай, и наконецъ сѣвъ на корабль, отправился въ Таврикію. Первой день нашего плаванія былъ щастливъ, но на другой претерпѣли мы нападеніе отъ грабительствующихъ Бастарновъ: сраженіе было кровопролитно, и не взирая на превосходное число разбойниковъ, мы одолѣли ихъ и взяли въ плѣнъ. Побѣдѣ сей послѣдовала жестокая буря, сломившая на кораблѣ мачту, и сорвавшая снасти: носило насъ два дни по волѣ вѣтровъ, наконецъ близь неизвѣстнаго берегу ударило объ камень; корабль потонулъ, и только одинъ я спасся, можетъ быть отъ хладнокровія, съ каковымъ встрѣтилъ это нещастіе. Камень, сокрушившій наше су-

---

(*) Сармація заключала въ себѣ многія страны; но собственно значитъ Польшу. — Геразъ рѣка, нынѣ называется Прудъ.

судно, былъ не въ дальности отъ берегу; я доплылъ къ оному, и пошелъ къ представившемуся мнѣ вдали городу.

Послѣ сего повѣствовалъ *Раймiръ*, какъ онъ дошелъ къ тому мѣсту, на которомъ видѣлъ похищенiе отъ чудовищныхъ птицъ Королевны *Милославы*: онъ сдѣлалъ имъ нѣкоторое начертанiе о пятнатцати теремахъ; не забылъ также и о печальномъ жилищѣ, изъ котораго вышелъ чрезъ помощь освободительной стрѣлы, перенесшей его въ сiи палаты. —— ——

Во время повѣствованiя своего почасту взиралъ онъ на молодую изъ двухъ госпожъ, которая казалась ему быть Королевною *Милославою*, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приключенiя его касались до нее, онъ довольно открылъ все то, что могла она впечатлѣть въ его сердце во время нѣсколько минутнаго воззрѣнiя. Прекрасная госпожа сiя не могла онаго слушать безъ смященiя и удовольствiя. Когда онъ кончилъ свои похожденiя, госпожа, находящаяся съ Королевною (ибо въ самомъ дѣлѣ была то *Милослава*) поднялась, и подавъ руку *Раймiру*, вывела его вонъ.

Таковое скорое отсутствiе удивило *Милославу*, коей присутствiе прекраснаго Князя начинало становиться не равнодушно; она созывала въ мысли свои съ удовольствiемъ

знаки

знаки нѣжнаго произведеннаго ею въ немъ впечатлѣнія при ея похищеніи; одобряла пожертвованіе, учиненное имъ для нее въ теремахъ; и сіи воображенія занимали ее, когда возвратилась къ ней *Зоримана* (ибо она была другая изъ тѣхъ госпожь). Королевна спросила у ней, за чемъ она увела такъ скоро Князя, повѣствовавшаго имъ свои приключенія. Ваше удовольствіе, кое оказали вы его слушать, отвѣчала волшебница, принудило меня къ тому. Вы находитесь въ таковомъ времени, въ которое всего больше надлежитъ вамъ опасаться нещастій, присоединенныхъ къ вашимъ пожеланіямъ. Какое бѣдствіе! сказала Королевна; есть ли что несноснѣе, какъ не дѣлать никогда того, чего хочешь! При томъ же, по какой причинѣ можетъ онъ участвовать въ строгомъ моемъ предопредѣленіи? — Вы его изгнали отсюда, сказала волшебница; я имѣла причину приревновать: вы здѣсь составляете единственный предметъ моего вниманія и утѣшенія; но при Князѣ произошло бы совсемъ иное. — Ахъ! нѣтъ, моя любезная волшебница! отвѣчала *Милослава* обнявъ ее; мое сердце ничемъ не можетъ быть занято, кромѣ помышленія о томъ, чемъ должна я вашей дружбѣ. — Надлежитъ мнѣ оставить васъ на нѣсколько времени, сказала волшебница; со времени вашего похи-

похищенія, какъ я перенесла васъ въ сіи палаты, Король родитель вашъ не вѣдаетъ, что приключилось съ вами: пора уже его увѣдомить. Я постаралась привезти въ сіе жилище мамку, воспитывавшую васъ, чтобъ оная дѣлала вамъ товарищество во время моей отлучки. Прощайте, не забывайте о томъ ни на часъ, что благополучіе предъидущихъ дней вашихъ зависитъ отъ равнодушнаго состоянія, въ которомъ должно содержать вамъ свое сердце; противтесь вашей склонности даже и въ малѣйшихъ вещахъ; а всего больше не помышляйте о Князѣ *Раймірѣ*. Вы взирали на онаго съ нѣкоимъ родомъ удовольствія, кое будетъ для васъ пагубно, естьли произойдутъ изъ того слѣдствія. Старайтесь забыть того, коего вы почти не имѣли времени разсмотрѣть, и убѣгайте его безъ остановки, естьли иногда онъ съ вами повстрѣчается. Къ чему можетъ вамъ служить склонность къ такому человѣку, которой не можетъ быть вашимъ супругомъ? ибо вамъ извѣстны условія, включенныя духомъ въ предсказаніе, касающееся до вашего брака.

Тогда вошла къ нимъ мамка *Милославина*; а волшебница обнявъ Королевну, отъѣхала.

Милослава, оставшись на свободѣ, предалась въ глубокія размышленія; возпоминаніе объ Русскомъ Князѣ не оставляло ее

ни

ни на минуту; она старалась тому противиться, чтобъ последовать советамъ волшебницы, но сердце ея не соглашалось. Иногда даже желала она, чтобъ *Раймиръ* былъ въ ея палатахъ и могъ съ нею повстречаться. Наконецъ сражаясь со страхомъ и своею склонностію, становилась она отчасу унывнее и безпокойнее.

Мамка ея то приметивъ, старалась проникнуть въ причину сего. Отъездъ волшебницы весьма переменилъ нравъ вашъ, сказала она ей; вы стали печальнее и задумчивее со дня разлуки съ нею. Отсутствіе таковаго друга, какъ она, безъ сомненія должно быть чувствительно, но не производитъ таковой глубокой печали, и столь безпрерывной, каковая васъ мучитъ. —— О! сколь была бы я щастлива, отвечала Королевна, естьли бы уныніе мое произходило только отъ удаленія благодетельной волшебницы, которой должна я всемъ на свете! я сражалась бы съ огорченіемъ долга своего, но иное занимаетъ меня противу моей воли, и возрастаетъ по мере желанія моего тому сопротивляться. Волшебница предписала мне убегать Князя *Раймира* и забыть объ немъ; но советъ ея произвелъ противное действіе въ моемъ сердце. Въ тотъ день, какъ онъ разсказывалъ намъ свои похожденія, заметила я въ его особе и разговорахъ прелести, о коихъ изъяснить не

могу, и кои безпрестанно представляютъ его въ моей памяти. Я убѣгаю сего воображенія, и встрѣчаю оное, когда считаю себя удаленною отъ него. — Какъ! сказала мамка, страхъ отъ нещастій, представленныхъ вамъ волшебницею въ таковомъ случаѣ, естьли сердце ваше займется Княземъ *Раймiромъ*, не могъ учинить васъ равнодушною? Вамъ давно уже свѣдомо, что всѣ желанія ваши должны быть вамъ бѣдственны; и не пріобучены ли вы къ совершенному неуваженію всѣхъ вещей въ жизни? — Увы! отвѣчала *Милослава*, развѣ разсудокъ можетъ учреждать нашимъ сердцемъ? Онъ можетъ только узнавать склонность, которой оное слѣдуетъ; но не можетъ ему противиться. Сверьхъ того моя ли это собственная склонность, коя должна быть для меня бѣдственна? Для чего судьба поставляетъ мнѣ въ порокъ мою нѣжность? Любовь есть чувствованіе невольное; это страсть, влекущая насъ противу воли. Участь моя принуждаетъ меня любить, и справедливо ли судьбѣ наказать меня за мученіе, тѣмъ мнѣ приключаемое? И когда разсудокъ принуждаетъ бороться противу сей власти, опредѣляющей произшествія въ нашей жизни, отъ него ли зависитъ то исполнить? Не подавай мнѣ совѣтовъ, которымъ не властна я послѣдовать. Вы не отнимете

те

те ни малой части моего разположенія, и лишь умножите мое смущеніе. — Я не противорѣчу вамъ, сказала мамка, но напротивъ еще хочу стараться уменьшить ваше безпокойство.

Тогда оставила она Королевну, и судя по словамъ волшебницынымъ, повелѣвающимъ бѣгать Князя, естьли съ нимъ повстрѣчается, заключила, что должно ему находиться еще тутъ. Она пошла искать его по всѣмъ частямъ дворца волшебницына, и нашедши, переговорила съ нимъ, и получила отъ него слѣдующее письмо къ *Милославѣ*:

„Волшебница, позволивъ мнѣ остаться „въ сихъ палатахъ, запретила видѣть васъ, „хотябъ то было на мгновеніе ока; она „предписала мнѣ этотъ священной законъ, „вразумивъ меня о бѣдствіяхъ, предстоящихъ вамъ отъ того, когда я предъ васъ „предстану. Сколь ни прелестно воображеніе о щастіи находиться съ вами, „но должно лишиться онаго, чтобъ не приключить вамъ нещастія: одно это препятствіе оставляетъ меня, и не остается „другаго присоединить къ сему плачевному „сопротивленію, кромѣ познанія о томъ, „могу ли я вамъ нравиться.„

Королевна читая письмо, почувствовала смущеніе, котораго скрыть не могла. И такъ *Раймиръ* здѣсь? сказала она своей

мамкѣ. Такъ, сударыня, отвѣчала сія, я нашла его въ покояхъ волшебницыныхъ; онъ подбѣжалъ ко мнѣ, лишь меня увидѣлъ, и подалъ это письмецо трепещущею рукою: удостойте, сказалъ онъ, вручить его Королевнѣ, и увѣдомить меня немедленно, какъ предопредѣлитъ она судьбу мою. Я тотчасъ удалилась отъ него, не открывъ ему о впечатлѣніяхъ, надъ вами имъ произведенныхъ. —— Вы не говорили съ нимъ обо мнѣ? сказала *Милослава*; изрядно! онъ никогда не узнаетъ объ моихъ чувствованіяхъ. Отнеси къ нему письмо его, и скажи, что я онаго не читала. Тогда хотѣла она письмо возвратить мамкѣ, но склонность, сильнѣйшая самыхъ ея желаній, остановила руку ея. По нѣкоторомъ сраженіи съ собою, написала она отвѣтъ, и вручила оной мамкѣ для отнесенія къ Князю. Содержаніе онаго было слѣдующее:

„Волшебница приказала мнѣ забыть „объ васъ, и чтобъ больше къ тому убѣ„дить, предвозвѣстила мнѣ безчисленныя „бѣдствія, естьли я хотя на минуту зай„мусь вами. Я все употребила для пови„новенія ей; подумайте, какой проступокъ учиню я, когда сердце мое успѣетъ въ томъ!

Мамка пошла къ *Раймiру*; а *Милослава*, оставшись одна, предалась всей радости, узнавши о томъ, что она любима. Она

Она прочитывала нѣсколько разъ строки, подающія ей въ томъ новые знаки. Между тѣмъ она не однократно упрекала себя, что открыла ему чувствуемую къ нему склонность; а въ другую очерядь казалось ей, что письмецо, къ нему посланное, не ясно объ оной выражаетъ. Она опасалась, чтобъ онъ не проникъ въ успѣхи, произведенные имъ надъ ея сердцемъ, и не постарался бы истребить чувствуемую къ ней нѣжность.

Къ сему безпокойству присоединилась нетерпѣливость ожиданія посланной; ей хотѣлось знать, какъ приметъ *Раймiръ* письмо ея. Какое смятеніе показалось тогда на лицѣ ея! Все то, что думала она читавъ письмо, присоединилось къ тому. Она заблаговременно составляла начертаніе разговора, коего всѣ обстоятельства были ей драгоцѣнны; и безпокойство ея достигло крайности, когда прошелъ почти весь день, а посланная не возвращалась съ отвѣтомъ. Она сѣтовала на ея пренебрежительность; многокротно обвиняла *Раймiра*, и столькожь разъ саму себя за то, что обвиняетъ его такъ легкомысленно. Наконецъ мамка возвратилась: гдѣ ты столько замѣшкалась? сказала она ей, надлежало бы тебѣ вспомнить объ моей нетерпѣливости. Я отдала ваше письмо, отвѣчала она; Князь

удалился читать оное, я ждала его нѣсколько времени, и не дождавшись сошла въ садъ, гдѣ и прогуливалась до сей поры.

Сначала *Милослава* осердилась было, что *Раймiръ* не отвѣчалъ на письмо ея, но въ тужъ минуту нашла въ своемъ сердцѣ тысячу причинъ къ оправданiю его, и на другой день поутру послала къ нему мамку свою, увѣряясь, что онъ ожидаетъ сего самъ съ великою нетерпѣливостiю. Но когда оная возвратилась, *Милослава* къ крайней досадѣ узнала, что она не нашла его, хотя обыскала весь дворецъ. Не знала она, какъ посудить объ его отсутствiи, и безпокойство ея становилось живѣе, когда прошло нѣсколько дней безъ малѣйшаго объ немъ извѣстiя. Она предалась крайней печали.

Сколько трогаетъ меня ваше состоянiе! сказала ей нѣкогда мамка; вы предались грусти, которой, какъ мнѣ кажется, *Раймiръ* недостоинъ; естьли бы онъ истинно любилъ васъ, не удалился бы онъ изъ палатъ сихъ. Я не хотѣла было вамъ сказать, что я вручая ему ваше письмо, замѣтила въ немъ недостатокъ того чувствованiя, каковое надлежало бы имѣть любовнику, получающему благосклонность отъ любовницы. Слова сiи совершили досаду Королевнину; она ушла въ свою спальню,

гдѣ

гдѣ размысливъ обо всемъ, за что могла она негодовать на своего Князя, рѣшилась итти искать его во всем дворцѣ. Досада не позволяла ей вспомнить о запрещенiи волшебницыномъ; она обѣгала всѣ мѣста, и нашла наконецъ *Раймiра*.

Для чего я оставлена въ безъизвѣстности объ васъ? сказала она ему; подумайте о той обидѣ, которую оказали вы мнѣ, пренебрегши чувствованiя, кои вы во мнѣ къ себѣ открыли? Князь отвѣчалъ ей только смущенными взглядами; онъ ужасался сего свиданiя съ нею.

Ахъ! что мнѣ заключить изъ таковой холодности? продолжала *Милослава*; въ тотъ день, какъ вы разсказывали о своихъ и моихъ приключенiяхъ, я довольно замѣтила, что вы очень познали во мнѣ ту нещастную дѣвицу, похищенную изъ объятiй родительскихъ; казалось мнѣ, что раздѣляли вы печальную судьбу мою съ движенiемъ живѣйшаго сострадания; послѣ того подтвердили въ письмѣ, ко мнѣ писанномъ, о чувствуемой ко мнѣ склонности: но увы! я обманулась! съ того времяни, какъ открыла я вамъ мѣсто въ моемъ сердцѣ, получаю отъ васъ только знаки забвенiя и равнодушiя. Вамъ извѣстно, каковымъ бѣдствiямъ предоставлю я себя, естьли удовлетворю хотя одному моему желанiю: до сего часа

могла я себѣ прошивиться, но вы привели мнѣ въ забвеніе ужасъ отъ угрожающихъ мнѣ бѣдствій! И хотя и теперь не окажетесь вы чувствительны къ мученіямъ, которымъ меня предоставляете, отрицаясь отъ склонности, влекущей меня къ вамъ: можетъ быть сердце мое проститъ вамъ и это.

Ахъ, жестокая *Милослава*! вскричалъ *Раймірь*; для чего принуждаешь меня нарушить молчаніе? Я не могу противиться вашимъ укореніямъ! Мнѣ бы надлежало на васъ жаловаться. Послѣ онаго столько мнѣ милаго письма, въ коемъ открылись вы, что страсть моя къ вамъ для васъ не равнодушна, я не получилъ ни малѣйшаго знака вашего обо мнѣ возпоминанія. Мамка ваша, приходившая ко мнѣ ежедневно, стократно сказывала, что напослѣдокъ совѣты волшебницыны превозмогли надъ вашимъ сердцемъ; что вы меня совсѣмъ забыли и успокоились. —— Ахъ, вѣроломная! она насъ обманываетъ, сказала Королевна; но сколько щастлива я, что обманута въ томъ, будто бы вы меня не любите! —— Естьли бы вы знали, говорилъ *Раймірь*, что я претерпѣлъ услышавъ о томъ, что вы истребили меня изъ своего сердца, сколько бы достойнымъ меня сочли вашей нѣжности! Но получая въ томъ увѣреніе, щастіе

стіе мое меня ужасаетЪ; вы не знаете, какая участь намЪ предназначена. ВЪ тотЪ день, какЪ я разсказывалЪ вамЪ повѣсть моей жизни, и когда волшебница увела меня отЪ васЪ вЪ сіи покои, сказала она мнѣ: я замѣтила, что Королевна взирала на васЪ сЪ удовольствіемЪ; ей уже не много дней осталось жить вЪ сопротивляющемся желаніямЪ ея состояніи. И такЪ берегитесь видѣться и говорить сЪ нею, хотя бы она и вЪ сіи покои кЪ вамЪ пришла; ибо равнодушіе, каковое чрезЪ то вы ей покажете, отвратитЪ бѣдствія, которымЪ она повергаетЪ себя предаваясь склонности, кою, какЪ мнѣ извѣстно, кЪ вамЪ имѣетЪ. БезЪ сего поведенія можетЪ быть учинится то, что вы ее не увидите вѣчно. АхЪ, моя дражайшая *Милослава*! продолжалЪ онЪ; сколько буду я достоинЪ сожалѣнія, естьли подвергнусь я сему злочастію! и сколько буду упрекать себя вЪ томЪ, что писалЪ кЪ вамЪ и принялЪ отвѣтЪ вашЪ, когда произойдутЪ столь пагубныя слѣдствія!

Волшебница, вошедшая кЪ нимЪ тогда, прервала разговорЪ ихЪ. Сколько вредите вы сами себѣ! сказала она *Милославѣ*; я нахожу васЪ сЪ *РайміромЪ*, предувѣдомивЪ васЪ обо всемЪ, чему надлежитЪ удалять васЪ отЪ него. Завтрашній день исполнится вамЪ шестнатцать лѣтЪ: завтра

могли

могли бы вы увидѣться съ нимъ безбѣдственно: сколько достойны вы сожалѣнія! надлежитъ, чтобъ вы мученіемъ загладили утѣху сего удовлетворенія вашей склонности: прощайте, удалитесь изъ моихъ палатъ; нещастія ваши кончились, но вы не дождались того. Убѣгайте, сколько можно, что будетъ привлекать васъ, и предавайтесь лишь тому, что покажется вамъ отвратительно. Ступай, моя любезная *Милослава*! не медли ни минуты; всякая изъ оныхъ, утраченная изъ вашего времени, прибавитъ величайшее бѣдствіе къ вашей участи.

ВЕЧЕРЪ XLIV.

Увы! что предвозвѣщаете вы мнѣ? сказала *Милослава*; за чемъ мнѣ оставить васъ? Для чего удалиться мнѣ отъ Князя? ибо не скрываю отъ васъ, что онъ мнѣ чрезмѣрно милъ. Какихъ величайшихъ нещастій предъ испытанными мною надлежитъ еще мнѣ опасаться? Есть ли что ужаснѣе, какъ разлучиться съ тѣмъ, что любезно?

Сама ты себя, Королевна, учиняешь нещастнѣе, отвѣчала волшебница; за чемъ столь

столь страшнымъ воображать себѣ малое время, въ которое должно тебѣ быть въ разлукѣ съ любовникомъ твоимъ? Для предупрежденія разлуки вѣчной совѣтуютъ вамъ разстаться на нѣсколько. Подумай, не великое ли то благополучіе, чтобъ чрезъ малую разлуку избавиться лишенія навсегда предмета, тебѣ драгоцѣннаго? — Ахъ, благодѣтельная волшебница! вскричала Королевна, я не могу познавать теперь сего различія: я чувствую лишь разлученіе съ любезнымъ!

Раймiръ повергся къ ногамъ волшебницы, обнималъ оныя стократно: одни слезы вмѣсто его говорили; ибо горесть лишила его словъ. Сѣтованіе ваше, сказала волшебница, не можетъ премѣнить судьбу *Милославину*: нѣтъ! жертвованія смертныхъ другъ за друга не удовлетворяютъ опредѣленіямъ судьбы.

Тогда обняла она Королевну, заливающуюся слезами, и которая пошла въ ту самую минуту, едва осмѣлившись взглянуть на дражайшаго своего и въ несноснѣйшемъ отчаяніи находящагося *Раймiра*.

Рыдающая *Милослава* не чувствительно удалялась изъ дворца волшебницына; она шла, куда глаза ея не глядѣли и не замѣчая пути своего. Уже лучезарный Свѣтовидъ готовился погрузиться въ море, когда

да предстало ей позорище, приведшее ее въ трепетъ. Былъ то духъ величины преужасной, нападающій на молодаго человѣка, въ коемъ узнала она своего любовника; рука того духа, вооруженная страшнымъ мечемъ, готовилась лишить онаго жизни. *Милослава*, презирая ужасъ, безъ всякихъ размышленій бросилась остановить духа; но лишь приближилась къ оному, оба сіи предмета превратились въ легкіе пары, разсыпавшіеся по воздуху, и она услышала голосъ волшебницы *Зориманы*, произнесшій таковыя слова:

Сражайся съ лютою судьбою,
Желанья всѣ ты истребляй;
Но коль польстишь ты имъ собою,
Къ бѣдамъ себя приготовляй.

Благодѣтельная волшебница! вскричала *Милослава*, могу ли слѣдовать я твоимъ совѣтамъ въ теперешнемъ моемъ состояніи? Можно ли видѣть любезнаго въ смертельной опасности, не стараясь оному помочь? Хотя видѣнное мною лишь пустая тѣнь милаго моего *Райміра*, но довольно и оной къ смущенію моему. -- Послѣ сего пролила она потоки слезъ, удобные смягчить сердце самое нечувствительное.

Уже

Уже смерклось, какъ увидѣла она предъ собою двѣ башни: одна изъ оныхъ была освѣщена, и казалась быть созданною руками самыхъ прелестей; а другая имѣла видъ печальной, и едва меркалъ въ ней слабой лучь лампады. Она не могла взирать на оную безъ ужасу; рѣшилась однакожь въ ней ночевать, и вошедши нашла оную не столько печальну, каковою казалась съ виду. Она легла тамъ, и предалась сну. Не долго наслаждалась она тѣмъ: глаза ея растворились еще до зари; и лишь оная занялась, пошла она далѣе.

Шедши нѣсколько, усмотрѣла она въ концѣ долины зданіе, коего прозрачные стѣны не препятствовали видѣть происходящее внутри оныхъ. Представился ей жертвенникъ, великолѣпно украшенный, на коемъ сидѣлъ духъ, владычествующій надъ сердцами. Казалось ей, что сей великомочный духъ давалъ знаками разумѣть, чтобъ она приближилась, показывая ей одною рукою Короля ея родителя и Князя ея любовника, а другою корону. *Милослава* могла легко привлечена быть тѣмъ, чего желала съ нетерпѣливостію, и думая притомъ, что духъ возвѣщаетъ ей окончаніе ея нещастій, побѣжала прямо къ жертвеннику. Но лишь только коснулась онаго, въ то мгновеніе родитель ея съ любовникомъ и всемъ зданіе-

нiемъ изчезли, а она очутилась въ пространной пустынѣ. Тогда самый тотъ же голосъ, который слышала она прежде, произнесъ вновь тѣ же слова: сражайся съ лютою судьбою, желанья всѣ ты истребляй, и прочая.

Милослава, познавши свою ошибку, исправляла оную только новымъ пролитiемъ слезъ; она сѣла подъ тѣнiю древесною, и заснула. Пробудившись, увидѣла она по сторонамъ у себя сидящихъ двухъ духовъ: одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ прелести молодости, а другой былъ старъ, сгорбившiйся, и нѣчто отвратительное имѣлъ во всемъ своемъ видѣ. Молодой духъ тотчасъ сказалъ ей: дѣвка! мы съ братомъ вознамѣрились оказать тебѣ честь нашею любовью, и въ самую ту минуту, какъ ты проснулась, спорили, кому ты изъ насъ должна достаться. Мы согласились представить это на твой собственной выборъ. Вѣдай, что тебѣ не льзя убѣжать отъ насъ, и не осталось въ твоей волѣ, кромѣ сего выбору. Приведенная таковыми словами въ ужасъ *Милослава*, пребывала опустивъ глаза въ землю въ продолжительномъ молчанiи. Рѣшись скорѣе! сказалъ старой духъ, избирай одного изъ насъ, или впрочемъ достанешься намъ обоимъ; взгляни на того изъ насъ, объятiямъ коего желаешь достаться. Королевна хотѣла вставъ бѣжать, но духи

ее

ее удержали; она видѣвъ необходимость, чаяла, что меньше можетъ претерпѣть, предавая себя старику, и устремила взоры свои на онаго. Тогда молодой духъ исчезъ; а она осталась съ дряхлымъ. И такъ меня ты предпочтила, прекрасная дѣвица, сказалъ онъ; съ сей минуты прiобрѣтаешь ты мое почтенiе. Надлежитъ мнѣ возпользоваться склонностiю, кою нахожу къ себѣ съ твоей стороны; тогда обнялъ онъ ее рукою, и схватилъ по томъ въ оную обѣ руки ея. *Милослава* закричала изъ всѣхъ силъ, и хотѣла обороняться. Оставимъ крикъ, сказалъ духъ; съ того времени, какъ я достигъ третьяго ста лѣтъ моей жизни (*),

 еже-

(*) Мнѣнiя о свойствѣ духовъ, почерпнутыя изъ книгъ Зороастровыхъ, разпространились между всѣхъ народовъ, и претерпѣли странныя преображенiя. Толкъ о двухъ началахъ, благомъ и зломъ, хотя родилъ благихъ и злыхъ духовъ, но заблужденiе Зороастрово учинилось еще нелѣпѣе въ народахъ, мало просвѣщенныхъ. Постановляя духовъ существомъ простымъ, приписали онымъ страсти тѣлесныя, и предѣлъ бытiя. Древнiе язычники мнили, что духи родятся, умираютъ и сообщаются съ человѣками. Летающiе по ночамъ къ женщинамъ огненные змiи поднесь еще остались въ воображенiи простаго нашего народа, и доказываютъ вкусъ Славянской нашей языческой богословiи.

ежедневно имѣлъ я щастливыя похожденія; ты умножишь счетъ побѣдъ моихъ: приготовься выслушать повѣсть моей жизни, которую я хочу разсказать тебѣ. Вотъ и все, чего я требую отъ любовницъ моихъ; я не желаю отъ нихъ, кромѣ одного вниманія. Тогда оставилъ онъ *Милославу* на свободѣ, и она отдѣлавшись отъ него за столь легкую цѣну, обѣщалась слушать его со всевозможнымъ прилѣжаніемъ. Лице стараго духа учинилось тогда не столько отвратительно, разліялся по оному видъ чистосердечія, затмившій всѣ черты изможденой дряхлости. Голосъ его, учинившійся уже не столько суровымъ и ужаснымъ, произнесъ слѣдующую

Повѣсть Стараго Духа.

Я духъ Азіятской, довольно извѣстной по всегдашней склонности моей помогать смертнымъ. Хотя свойство мое, возвышающее меня надъ многими другими земными духами, по видимому могло бы доставлять мнѣ столькожь владычества надъ самимъ собою, сколько имѣлъ я надъ оными; между тѣмъ во всю жизнь мою сердце во мнѣ было нѣжнѣйшее и подверженное впечатлѣніямъ, кои можетъ производить во ономъ женщина, любви достойная. Нещастная

стная тонкость вкуса прилѣпляла чрезъ долгое время мою къ смертнымъ чувствительности: мнѣ не довольно казалось того, чтобъ понравиться полюбившейся мнѣ красавицѣ: я желалъ, чтобъ оная никогда не имѣла со мною притворства, ни самаго легкаго принужденія. Въ томъ состояла вся требуемая мною добродѣтель; чтобъ могъ я простить послѣ того невѣрность, должно было лишь признаться. Юношество мое занято было ученіемъ обыкновеннымъ для молодыхъ духовъ: то есть иногда наполнять воздухъ вихрями, громомъ и свистомъ, затмѣвать луну и звѣзды, выдирать горы изъ нѣдръ земныхъ, принуждать рѣки течь къ ихъ источникамъ, составлять талисманы для любовныхъ приворотовъ и прочихъ таинствъ, для развращенія союзовъ, учинять молодыми стариковъ, согнувшихся подъ бременемъ старости; созидать вмигъ дворцы и цѣлые города, равномѣрно и разрушать въ минуту. Таковаго роду были упражненія первыхъ дней моей жизни. Когдажъ достигъ я возрасту, въ коемъ страсти начинаютъ колебать сердце, я старался только, чтобъ сыскать себѣ достойную любовницу; но я желалъ, какъ упомянулъ уже, чтобъ она при прочихъ достоинствахъ была чистосердечна.

Для избранія таковой вознамѣрился я пробѣжать всѣ части свѣта, замѣчать во всякой странѣ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, и переносивъ оныхъ въ мой Азіятской дворецъ, сдѣлать изъ малаго сего числа рѣшительной выборъ по моему вкусу.

Съ помощію знанія моего, въ короткое время совершилъ я путь около земли: я жилъ по нѣскольку въ разныхъ земляхъ, какъ требовало того развѣдываніе о славящихся красотою дѣвицахъ. Я началъ путешествіе мое съ острововъ Греческихъ; въ одномъ изъ оныхъ, Хіо называемомъ, была дѣвица пятнатцати лѣтъ, прекраснѣе самой Лады; я похитилъ оную. Вторую унесъ я съ береговъ Тибра; оттуда пролетѣлъ я страну Алемановъ, и близь Дуная избралъ третью. Посѣтивъ Славянскія области, близь Москвы рѣки выбралъ еще одну. Взялъ я также по одной изъ Галловъ, съ береговъ Темзы; а послѣднюю унесъ изъ четвертой части свѣта, не извѣстной еще никому, опричь духовъ. Всѣ оныя были совершенныя красавицы.

Я помѣстилъ всѣхъ ихъ въ особливыя палаты, которыя построилъ близь моего дворца: въ оныхъ находилось все могущее льстить вкусу и тщеславію. Я раздѣлялъ время мое поравну для каждой, и какъ въ бытность мою въ ихъ отечествахъ могъ я

при-

примѣниться ко нравамъ каждыя страны то появлялся я всегда ко всякой изъ нихъ въ таковомъ видѣ, которой лучше могъ нравиться.

Я замѣтилъ, что господствующая страсть прекрасной Алеманки составляла гордость и желаніе прельщать; оная въ палатахъ своихъ нашла множество услужницъ совершенно пригожихъ, кои сказывали ей, что она находится въ сералѣ Царя Вавилонскаго; что сей Монархъ собою очень любви достоинъ, поступки его щеголеваты и просвѣщенны, сердце его постоянно; и что когда уже онъ въ нее влюбился, можетъ она льстить себѣ навсегда остаться предметомъ его страсти, естьли только обращеніе ея съ нимъ будетъ чистосердечно, даже до самыхъ маловажныхъ вещей. Царь, продолжали они, и насъ содержитъ здѣсь по собственной нашей волѣ; а тѣ изъ насъ, коихъ желаніе ему понравиться недостаточно будетъ удержать ихъ здѣсь, отправляются въ ту минуту, куда имъ угодно. Скоро настанетъ часъ, въ которой Царь нашъ придетъ сюда по обыкновенію; а въ ожиданіи его, не угодно ли вамъ осмотрѣть сіи обширныя и великолѣпныя палаты? Вы увидите, что кромѣ богатаго ихъ строенія находится въ нихъ все могущее увеселять;

и чего бы вы ни пожелали, готово будетъ въ мгновеніе ока.

Алеманка послѣдовала предводительству своихъ услужницъ, и пошла прямо въ тотъ залъ, гдѣ сказали ей, что немедленно увидитъ она Царя Вавилонскаго. Тамъ предсталъ я ей въ видѣ молодаго прекраснаго мущины; убранъ былъ я въ великолѣпное платье, и шествовалъ въ послѣдованіи пышнаго множества придворныхъ. Надѣюсь, сказалъ я ей, васъ предувѣдомили уже сударыня, что здѣсь жилище вольности; вы останетесь въ немъ не долѣе того, пока вамъ будетъ угодно: но я желаю, чтобъ мои исканія и чувства принудили васъ здѣсь быть вѣчно. Алеманка отвѣчала мнѣ на это съ великимъ остроуміемъ и цѣломудріемъ; и съ того дни старалась она всячески мнѣ понравиться. Но сколько былъ я безразсуденъ! Мнѣ не довольно казалось лестныхъ ея наружностей; я хотѣлъ узнать, нѣтъ ли для нее предмета, который можетъ она предпочесть мнѣ, и не способно ли сердце ея къ притворству. Я имѣлъ надежное средство въ томъ удостовѣриться.

Въ одинъ день находясь съ нею, сказалъ я ей: есть одно мѣсто въ вашихъ палатахъ, коего цѣны вы еще не знаете, и которое достойно вашего любопытства. На краю переходовъ подъ круглымъ сводомъ находит-

ся покой, называемый жилище Желаній: вы можете ходить въ оный, когда вамъ угодно, и пожелать, чего захочется; вы тотчасъ увидите предметы, кои удостовѣрятъ васъ о слѣдствіяхъ желаемой вещи. Вся тайна состоитъ лишь въ томъ, чтобъ приближиться къ сосуду, стоящему на столбѣ, приставить губы ваши къ устью сосуда, и сказать тихимъ голосомъ о желаніи, какое вы имѣете.

Едва только я оставилъ ее, побѣжала она быстро въ показанное мѣсто; приближилась къ сосуду, и наклонясь произнесла слѣдующія слова: „*Я желаю, чтобъ время, истребляющее красоту прочихъ женщинъ, придавало моей повсегда новое блистаніе.*„ По изреченіи сего представилась ей госпожа, точно ей подобная, и по мѣрѣ того, какъ прилѣжнѣе она сію разсматривала, появлялись въ лицѣ ея новыя прелести, умножающія красоту ея. Наконецъ все изчезло, и она возвратилась въ свои покои очень довольна тѣмъ, что ей видѣлось.

Я пришелъ къ ней, минуту послѣ того спустя; чрезмѣрная радость сіяла въ глазахъ ея. Осмѣливаюсь спросить, сказалъ я, довольны ли вы жилищемъ Желаній? откройте мнѣ, что васъ туда привлекало? — От всего сердца, отвѣчала она; желаніе мое слишкомъ для меня драгоцѣнно, чтобъ можно было скрыть оное отъ васъ: я жела-

нала сохранить навсегда одна преимущество предЪ всѣми госпожами, составляющими сераль вашЪ: то есть любить васЪ нѣжнѣе, нежели могутЪ онѣ всѣ любить васЪ. АхЪ, сударыня! подхватилЪ я, могу я чувствовать всю цѣну сей нѣжной вашей ко мнѣ благосклонности. Вы вскорѣ узнаете, какого роду будетЪ признаніе мое за оную.

Я оставилЪ ее, и пошелЪ кЪ молодой Гречанкѣ. ВЪ бытность мою вЪ ея отечествѣ узналЪ я, что хотя она была любима всѣми молодыми людьми, но она ни кЪ одному изЪ нихЪ не чувствовала склонности. Я предсталЪ кЪ ней вЪ образѣ молодаго Грека, влюбленнаго вЪ нее до безумія. ЧтобЪ избавить васЪ, сказалЪ я, отЪ докучливости множества вЪ тягость вамЪ окружающихЪ васЪ любовниковЪ, перенесЪ я васЪ вЪ сіи палаты чрезЪ помощь покровительствующаго меня духа. Здѣсь найдете вы все, что только можетЪ польстить вамЪ, и мы безЪ возмущенія, безЪ препятствія можемЪ здѣсь видѣться и любить другЪ друга, естьли сердце ваше удостоитЪ на оное согласиться.

Казалось мнѣ, что она начала становиться чувствительнѣе, и что замѣченная мною холодность ея начала уступать мѣсто истинной нѣжности. НапослѣдокЪ показалЪ я ей жилище Желаній (ибо вЪ каждыхЪ

дыхъ палатахъ, построенныхъ мною для похищенныхъ дѣвицъ, сдѣлано было по оному). Сдѣлавъ наставленіе, какъ возпользоваться онымъ, удалился я отъ нее; тогда подошла она къ сосуду, и сказала: „Я же„лаю учиниться столькожь чувствитель„ною къ страсти какого нибудь любовни„ка, сколь мало ощущала того до нынѣ.„ Вдругъ предсталъ ей молодой мущина, какъ бы единственно за тѣмъ созданной, чтобъ нравиться; она смотрѣла на него съ родомъ неизвѣстнаго ей до толь удоволь твія до тѣхъ поръ, какъ оный изчезъ. Я пришелъ къ ней послѣ того. Ну! сударыня, сказалъ я, какъ понравился вамъ сосудъ? Откройте, какого роду было ваше желаніе? Я пожелала, отвѣчала она, остаться въ такомъ расположеніи, чтобъ никого не любить, опричь васъ. Ахъ! сколько вы прелестны! отвѣчалъ я; сколь сладостно находить мнѣ васъ къ себѣ столько нѣжною и вѣрною! Это справедливость, которую отдаетъ вамъ мое сердце, сказала она; вамъ извѣстно, съ каковымъ равнодушіемъ взирала я на всѣхъ любовниковъ въ моемъ отечествѣ, довольствуясь только одною къ вамъ склонностію. —— Я пошелъ отъ ней къ прекрасной Розалинѣ, похищенной мною съ береговъ Тибра.

Она воспитана была въ крайней строгости; родители ея едва позволяли смотрѣть ей на свѣтъ дневной. Я уповалъ, что введши ее въ палаты, гдѣ владычествовали утѣхи и пріятности, и представъ къ ней въ видѣ привлекательномъ, учинюсь вскорѣ неограниченнымъ властителемъ ея сердца. Я соединялъ по всякой день къ забавамъ, какія только можно вообразить въ угодность ея, попеченія и разговоры, могущія явить истинную мою любовь къ ней. Напослѣдокъ открылъ я ей объ томъ сосудѣ, исполняющемъ желанія; она не замедлила приложить къ оному губы, и сказать: „*Я желаю познать всѣ степени утѣхъ, царствующихъ въ свѣтѣ, и имѣть возможность избирать оныя по моей волѣ.*„ Тогда услышала она голосъ, отвѣчавшій ей: „желанія твои исполнятся: всякая минута жизни твоей будетъ доставлять тебѣ новыя утѣхи.„ Она возвратилась ко мнѣ очень довольною таковымъ предсказаніемъ. Я спросилъ у ней, къ чему употребляла она сосудъ? Я пожелала, отвѣчала она мнѣ, не имѣть другихъ утѣхъ, кромѣ владѣнія вашимъ сердцемъ и любить васъ во всю жизнь мою. Сколько я щастливъ, сказалъ я ей, что желанія ваши такъ совершенно моимъ соотвѣтствуютъ! половина оныхъ достаточна къ моему блаженству.

На-

Нашедъ причину удалиться отъ ней, слѣдовалъ я въ палаты молодой красавицы, похищенной при берегахъ Темзы. Оная имѣла ростъ выгодной, черты правильныя, и цвѣтъ лица прелестнѣйшій на свѣтѣ; выступка ея была легка и величественна: я замѣтилъ въ ней великую склонность къ забавамъ, и не пропустилъ ничего, чтобъ показаться ей любви достойнымъ; ибо вѣдалъ, что для того, чтобъ нравиться, должно всегда утѣшать, кого любишь. Я занималъ каждую минуту ея времени какимъ нибудь предметомъ, могущимъ ей нравиться. Поведеніе сего рода было для меня удачно, и казалось, что я составлялъ драгоцѣннѣйшую для нее вещь на свѣтѣ. Наконецъ указалъ я ей жилище Желаній, и сдѣлавъ ей наставленіе, какъ онымъ возпользоваться, оставилъ ее. Она тотчасъ нагнувшись, сказала въ сосудъ: „Я *желаю,* „*чтобъ мое сердце могло дѣлиться на* „*столько частей, сколько есть моихъ хо*„*тѣній.*„ Тогда усмотрѣла она духа владычествующаго надъ сердцами, подающаго ей всѣ свои стрѣлы. Я увидѣлся съ нею послѣ того, и вопросивъ, какого роду было ея желаніе, получилъ въ отвѣтъ: я пожелала, чтобъ ваше сердце было ко мнѣ всегда столько вѣрно, сколько мнѣ оное дорого. Я поблагодарилъ ее за таковую нѣжность,

и

и пошелъ къ прекрасной Мексиканкѣ, похищенной изъ части свѣта неизвѣстной еще.

Обитатели ея отечества не знаютъ иныхъ законовъ, кромѣ естественныхъ, и живутъ почти какъ первыя люди на свѣтѣ. Удивленіе ея было безконечно, когда очутилась она вмѣсто пустыни въ преогромномъ зданіи, и всѣ вещи въ новомъ видѣ. Я принялъ видъ ея одноземца: утѣшался нѣсколько времени ея смятеніемъ, и испыталъ, что по мѣрѣ, какъ привыкала она къ видимымъ предметамъ, мысли ея сражались, и что имѣла она столькожъ здравой разумъ, какъ и въ извѣстныхъ земляхъ нѣкоторыя люди. Я уповалъ, что ее ничто не можетъ занять, кромѣ любви ко мнѣ; потому что не предоставлена она была тѣмъ различнымъ движеніямъ, кои раждаются отъ притворства и опытовъ въ женщинахъ Европейскихъ и Азіатскихъ. Я употребилъ все для внушенія въ нее любви, и казалось, что имѣлъ успѣхъ. Я подумалъ по сему, что страсть ея будетъ естественное движеніе сердца, коему нѣтъ нужды въ помощи вображенія. Наконецъ познавъ въ ней всѣ чувствованія, сходныя съ женщинами прочихъ странъ, научилъ я ее употребленію таинственнаго сосуда; она тотчасъ пошла въ жилище Желаній, и сказала: „*Я хочу*, „*чтобъ минута моей жизни, которая бу*-

„*детъ*

„*дет мнѣ пріятнѣе, продолжалась, сколь-* „*ко я желаю.*„ Тогда представились ей утѣхи въ образѣ крылатыхъ младенцовъ; всякой вертѣлся около ее: оныя столько были внимательны къ ея взорамъ, что она могла ими дѣйствовать, какъ хотѣла. Когда спросилъ я у ней объ родѣ ея желанія, получилъ въ отвѣтъ: что она, не зная щастливѣйшаго состоянія предъ тѣмъ, въ коемъ находится, пожелала остаться въономъ на всю жизнь. Судьба ваша, сказалъ я ей, зависитъ отъ васъ самихъ, въ чемъ вы скоро удостовѣритесь.

Обратился я по томъ къ веселой *Клярисѣ*, похищенной съ береговъ Сены. Я представлялъ у ней молодаго вертопраха; она шесть часовъ была въ меня смертельно влюблена, по томъ стала холодѣть. Я безпрестанно съ нею танцовалъ, рѣзвился и пѣлъ новыя пѣсенки; она съ утра до вечера перемѣнила на себѣ шеснатцать разныхъ покроевъ платья. Узнавъ о таинственномъ сосудѣ, сказала она въ оный: „*Я хочу,* „*чтобъ жизнь моя наполнена была весе-* „*ліемъ, и чтобъ сердце мое подвластно* „*было одной мнѣ.*„ Тогда предсталъ къ ней духъ, владычествующій надъ сердцами, съ множествомъ крылатыхъ мальчиковъ; онъ вдунулъ въ ея сердце порошку, составлен-

леннаго изъ толченаго аміанту (*), а мальчики прыгали около ее, пока ей захотѣлось спать. На вопросъ мой объ ея желаніи, сказала она мнѣ, что оное составляло лишь то, чтобъ сердце ея было всегда подвластно одному мнѣ, и чтобъ я всегда находилъ въ ней таковоежь веселіе, каковое обрѣтаетъ она во мнѣ. Я вмѣсто отвѣту пропѣлъ ей новую пѣсенку, пропрыгалъ съ нею побратски, и пожелавъ ей добраго вечера, ушелъ къ прелестной Славянкѣ.

ВЕЧЕРЪ XLV.

Прекрасная Славянка посѣщала не однократно жилище Желаній, и въ первый разъ сказала: „ *Я хочу узнать особу,* „ *которая мнѣ понравится послѣ того,* „ *какъ нынѣшній любовникъ мнѣ наскучитъ.* „ Тогда появился предъ нею любви до-

---

(*) Аміантъ есть родъ камня, раздѣляющагося на нити, которыя прядутъ по подобію льна, ткутъ полотно, которое въ огнѣ не сгораетъ. Дѣлаютъ также изъ онаго и бумагу, равномѣрно неподверженную дѣйствію огня.

достойной мущина, которой бросившись на колѣни, благодарилъ ее за ускоренiе тою минутою, въ которую прiобрѣтаетъ онъ ея сердце. Она столько занялась новымъ этимъ любовникомъ, что ежедневно, когда я отъ нее удалялся, бѣгала въ жилище Желанiй, гдѣ препровождала все время, которое могла украсть отъ меня; она не пропустила сходить туда и въ тотъ часъ, когда я убѣждалъ ее открыть о свойствѣ ея желанiя.

Должно быть противу васъ чистосердечною, сказала она мнѣ; вопервыхъ по тому, что сердце Славянки не можетъ страшиться того, что дѣлаетъ, а равномѣрно и обхожденiе ваше со мною столь обязательно, что не справедливо бы было заплатить за оное лицемѣрствомъ. Въ тотъ день, какъ вы открыли мнѣ о таинственномъ сосудѣ, пошла я къ оному изъ единаго любопытства, и разсудивъ, что не можно вѣчно любить одинъ предметъ, пожелала я узнать человѣка, которой по васъ заступитъ мѣсто въ моемъ сердцѣ. Сей появился, и признаюсь въ моей слабости: онъ показался мнѣ столько любви достоинъ, что я предалась совсѣмъ вдохнутой имъ въ меня къ нему склонности. Я не заслуживаю больше вашихъ стараній: и такъ удалите меня отъ себя въ мое отечество; но въ послѣднiй

опытъ

опытЪ вашей любви ко мнѣ, присоедините ко мнѣ моего новаго любовника, и отпустите меня сЪ нимЪ.

Признаніе сего рода, долженствовавшее побудить меня кЪ досадѣ, произвело противное дѣйствіе вЪ моемЪ сердцѣ: оно восхитилось, нашедЪ чистосердечіе, котораго искалЪ я сЪ такимЪ желаніемЪ вЪ нѣжномЪ полѣ. НѣтЪ, *Селимира*! (такЪ называлась она) ты останешься со мною, сказалЪ я ей; хотя склонность твоя ко мнѣ угасла, но со всемЪ тѣмЪ ты мила для меня. Чистосердечіе твое замѣняетЪ вЪ сердцѣ моемЪ все мѣсто нѣжности, которой ты меня лишила. НѣтЪ! не могу я рѣшиться на то, чтобЪ сЪ тобою разстаться: я люблю тебя столько, что старанія мои превозмогутЪ надЪ сею новою похищающею тебя у меня любовію. ПритомЪ же, естьли вы согласитесь, я могу чрезЪ помощь моего искусства сыскать средства, кои вселятЪ вЪ васЪ отвращеніе кЪ новому столько милому вамЪ предмету. . . . Но нѣтЪ! я не хочу владѣть вашимЪ сердцемЪ чрезЪ иное средство, кромѣ любви. Поѣзжайте, а я умру! —— Состояніе мое вЪ самомЪ дѣлѣ было тогда жалостно; великодушіе ея преодолѣло. Она согласилась остаться со мною на нѣсколько времени. Старался я дать ей познать всѣ красоты обитаемаго ею жилища, вЪ коемЪ пред-

предупреждало ее все, что составляетъ удовольствіе въ жизни. Я пренебрегъ тогда прочихъ похищенныхъ мною красавицъ, и занимался только ею; но увы! всѣ заботы мои имѣли печальную участь. Сіе чистосердечіе, коимъ прельстила меня *Селимира*, дало мнѣ чувствовать жесточайшее мученіе. Она ежедневно признавалась мнѣ, что сердце ея неспособно имѣть ко мнѣ возобновленіе страсти, и что новой любовникъ будетъ навсегда онаго властителемъ. Признаніе ея подвергло меня крайнему отчаянію: увы! говорилъ я ей не однократно, отвергните сію ужасную для меня искренность! Обманывайте меня, чтобъ я увѣрился о любви вашей! Сноснѣе быть обольщену тѣмъ, чего желаешь страстно. Ахъ! оказывайте мнѣ хотя слабый видъ нѣжности вашей ко мнѣ; не ужь ли великаго принужденія стоитъ для женщины притвориться? —— Нѣтъ! отвѣчала она, не отъ меня зависитъ: мое сердце очень занято любезнымъ моимъ, чтобъ могло казаться страстнымъ къ другому; я принуждена являть себя таковою, какова я въ самомъ дѣлѣ. Не льзя и вамъ вмѣнить мнѣ въ преступленіе ту добродѣтель, которой сами во мнѣ желали.

Наконецъ видѣвъ, что я не могу ничего пріобрѣсть надъ нею, рѣшился удалить ее отъ себя: я привелъ ее въ чертоги двор-

да моего, гдѣ находились уже и прочія похищенныя мною дѣвицы. Я ничего не желалъ отъ васъ, сказалъ я имъ тогда, опричь чистосердечія, и безъ притворства даже и въ малѣйшихъ вещахъ; но одна только изъ васъ открыла мнѣ истинну, въ разсужденіи тайнаго своего вопроса; а прочія всѣ старались меня обмануть. Вы познаете, чего стоитъ противиться великомочному духу, имѣющему сердце подобное моему. — Вы, госпожа, похищенная при Дунаѣ, желали, чтобъ время, лишающее красоты прочихъ женщинъ, придавало вашей ежедневно новое сіяніе: примите сей сосудъ воды столько прославленной стихотворцами, которая исполнитъ желаніе ваше остаться навсегда прекрасною.

Что надлежитъ до васъ, сказалъ я прекрасной Гречанкѣ: вы пожелали учиниться столькожъ чувствительною къ страсти какого нибудь любовника, сколько мало ощущали того до нынѣ: вотъ талисманъ, имѣющій доставить сердцу вашему желаемую чувствительность; красота ваша довершитъ прочее, и послужитъ вмѣсто приворота.

Ваше желаніе, сказалъ я по томъ *Розалинѣ*, относилось къ тому, чтобъ познать всѣ степени утѣхъ, царствующихъ въ свѣтѣ, и имѣть власть избирать оныя по вашей волѣ: возвратитесь къ брегамъ Тибра; тамъ, вмѣсто сей принужденной жизни, будете

деше вы находиться въ полной свободѣ, и всѣ утѣхи отверзутся для васъ по вашему желанію.

Въ разсужденіи васъ, продолжалъ я къ младой обитательницѣ Темзы; вамъ хотѣлось, чтобъ сердце ваше могло дѣлиться на столько частей, сколько есть вашихъ хотѣній: для раздробленія таковымъ образомъ сердца, мнѣ кажется, что надлежитъ вамъ лишь послѣдовать вашей склонности. Между тѣмъ примите сей алмазной перстень съ таинственными характерами, которой поможетъ вашему сердцу принимать впечатлѣнія, какія вамъ угодно.

Обратился я потомъ къ пригожей Мексиканкѣ. Воспитаніе ваше, сказалъ я ей, дѣлаетъ мнѣ довольно чести: вы вдругъ вышли изъ слѣпоты, и научились притворяться искуснѣйшимъ образомъ; хотя, сказать правду, за таковой успѣхъ должны вы больше разположенію вашей природы, чемъ моимъ наставленіямъ. Вамъ хотѣлось, чтобъ пріятнѣйшая минута жизни вашей продолжалась, сколько вамъ будетъ угодно: примите это рѣдкое кольцо, могущее произвесть сіе дѣйствіе, когда вы надѣнете оное на вашъ палецъ. Но чтобъ лучшее употребленіе учинить этому моему подарку: забудьте дикое ваше отечество, и переселитесь обитать въ стѣны города, орошаемаго рѣкою Сеною.

въ разсужденіи васъ, прекрасная *Клариса*; чтобъ, по вашему желанію, жизнь ваша наполнена была веселіемъ, и чтобъ сердце ваше подвластно было только вамъ самимъ: возвратитесь домой, старайтесь отгонять отъ себя разсужденіе, и пользуйтесь симъ неизчерпаемымъ кошелькомъ, которой я дарю вамъ; желанія ваши совершатся.

По окончаніи сего обратилъ я взоры на *Селимиру*; я не могъ взирать на нее безъ крайняго смятенія. Ступай, сказалъ я ей, жестокая моя мучительница! угодно тебѣ было узнать особу, которую будешь любить тогда, какъ я тебѣ наскучу: вы видѣли сего любовника, похитившаго у меня ваше сердце. . . . Но чемъ льститься мнѣ и въ семъ, будто бы онъ учинилъ васъ ко мнѣ невѣрною? вы меня не любили, или по крайней мѣрѣ нѣжность ваша ко мнѣ была такъ кратковременна, что не когда было и познать мнѣ оную. Однако желаніе ваше исполнилось: вы владѣете тѣмъ, что вамъ любезно: возвратитесь въ ваше отечество. Я могъ бы учинить любовника вашего столькожъ непостояннымъ, каковы были вы въ разсужденіи меня; но ваши горести не исцѣлятъ меня отъ моихъ; увы! напротивъ печаль ваша умножила бы мои мученія. . . . Не все еще въ томъ, государыни мои, что могъ я для васъ сдѣлать: я даю вамъ по колесницѣ,

кои

кои перенесутъ васъ, куда будетъ вамъ угодно; и наконецъ прошу васъ взять съ собою всѣ дорогіе камни и украшенія, находящіяся въ вашихъ палатахъ. Вотъ послѣдніе знаки моего вамъ мщенія! Мнѣ не на кого жаловаться, кромѣ на самаго себя. Вы научили меня, что должно разумѣть объ женщинахъ по виду, подъ коимъ онѣ кажутся. — О естьлибъ слѣдовалъ я сему правилу, сколь былъ бы я благополученъ! Наружность ваша была для меня прелестнѣйшая на свѣтѣ. *Седимира*, приключившая мнѣ столько огорченія, имѣла все, что могло льстить меня до минуты, въ которую пожелалъ я испытать глубины ея сердца; мнѣ надлежало бы пользоваться ея чувствованіями, не стараясь познавать сердце столько искреннее и непостоянное. — Прощайте, милостивыя государыни, сохраните меня въ памяти вашей; ибо надѣюсь, что я заслужилъ это. Тогда онѣ разъѣхались, а я удалился въ уединеннѣйшую часть моего дворца, гдѣ испытавъ чрезъ нѣсколько времени все отчаяніе, кое чувствуютъ при утратѣ любезнѣйшаго на свѣтѣ, рѣшился исцѣлить себя таинственнымъ лѣкарствомъ, которое съ помощію времени возстановило спокойство страдающаго сердца.

По мѣрѣ, какъ сіе спокойство раждалось во мнѣ, мученія любовныя истреблялись

лись ежедневно, и я равнодушно началъ возпоминать только о тѣхъ минутахъ, кои приносили мнѣ утѣхи. Для совершеннаго возстановленія тишины въ душѣ моей, вознамѣрился я объѣхать всѣ острова и мѣста, не извѣстныя еще мнѣ въ Азіи. Сѣлъ я на корабль при берегахъ Короманидельскихъ; товарищи сего путешествія показались мнѣ людьми пріятными въ обхожденіи. Я поплылъ съ ними, надѣясь въ ихъ обществѣ и отъ перемѣны мѣста разогнать остатки моей скуки. Мы объѣхали берега Африканскіе, моря Средиземнаго, и чрезъ Пропонтъ вошли въ Евксинское море. Тутъ кормчій нашъ усмотрѣлъ гонящіеся за нами корабли, и хотѣлъ удалиться, но старанія его были безполезны; ихъ судна, легчайшія нашего на ходу, скоро къ намъ приближились: по знакамъ примѣтили, что были то морскіе разбойники, вышедшіе отъ устья рѣки Фермодона. Кормчій нашъ сказывалъ, что на берегахъ сказанной рѣки находится Королевство, населяемое и управляемое однѣми воинственными женщинами, Амазонки (*) называемыми; и какъ оныя раж-

(*) Амазонки, сіи славныя въ древности воинственныя женщины, обитали въ малой Азіи по берегу рѣки Фермодона, находящейся нынѣ въ Каппадокіи Понтійской. Древніе Писатели многое объ нихъ упоминаютъ.

раждаемыхъ отъ себя мущинъ истребляютъ, то безпрестанно вооружаютъ корабли для разъѣздовъ, берутъ мущинъ въ плѣнъ, и содержатъ оныхъ въ неволѣ, иногда на всю жизнь.

Всѣ сопутники мои поблѣднѣли отъ сего извѣстія, и условились защищать свою вольность до послѣдней капли крови; одинъ только я противился сему намѣренію: я совѣтовалъ имъ отдаться въ плѣнъ безъ обороны, обѣщая извлечь ихъ изъ рабства, котораго они опасаются, и увѣряя, что тогда выведу всѣхъ ихъ изъ сего мѣста, когда пребываніе въ оном имъ наскучитъ, обремененныхъ притомъ всѣми богатствами сего государства. Но увидѣвъ, что обѣщанія мои мало въ нихъ дѣйствуютъ, захотѣлъ я принудить ихъ чрезъ силу искусства моего какимъ нибудь необыкновеннымъ приключеніемъ: я коснулся до корабля нашего моею волшебною палочкою, швы онаго тотчасъ расконопатились, вода полилась въ него ручьями, и они сочли уже за щастіе спасти жизнь свою на корабляхъ Амазонокъ.

Сіи женщины, обрадовавшись полученной добычѣ, вскорѣ доплыли въ пристань свою, и привели насъ въ столичной свой городъ, гдѣ пустили насъ ходить на свободѣ, не подвергнувъ никакому закону. Мы провели нѣсколько дней въ семъ состояніи, и

безъ сомнѣнія весело, въ таковомъ мѣстѣ, гдѣ мущины были дороже золота. Товарищи, взятые въ плѣнъ со мною, не отлучались отъ меня: я постарался доставлять имъ избыточество во всемъ нужномъ для жизни, и они начали имѣть великую надежду въ исполненіи моего обѣщанія. Въ одинъ день, когда собрались мы на большой городской площади, окружили насъ вдругъ множество женщинъ, приказавшихъ намъ за собою слѣдовать; я не хотѣлъ, чтобъ имъ оказано было сопротивленіе, и первой протянулъ руку къ наложенію оковъ, коими насъ обременили. Привели насъ въ обширныя палаты, гдѣ нашли мы собраніе женщинъ, сидящихъ рядами на нѣкоемъ родѣ амфитеатра, и показывающихъ на лицахъ важной видъ; онѣ всѣ были совершенно прекрасны. Одна изъ иихъ начала говорить ко мнѣ, какъ къ начальствующему между плѣнниковъ: здѣсь Сенатъ, сказала она, гдѣ судятъ преступниковъ; приготовьтесь къ заслуженному наказанію.

А какое наше преступленіе? сказалъ я; мы не признаемъ себя винными: и естьли учинились оными въ невѣденіи, это услаждаетъ узы, наложенныя вами на насъ, когда изрекли нашъ приговоръ уста прекраснѣйшія на свѣтѣ. —— Такимъ-то образомъ приносите вы оправданіе! продолжала она; это нѣ-

нѣкоимъ образомъ уменьшаетъ обиду, намъ приключенную, но не совсѣмъ: вамъ бы надлежало знать, что всѣ мущины здѣсь невольники; и когда находятся они недѣлю въ нашемъ царствѣ, слѣдуетъ имъ добровольно избрать иго, коему подвергнуться. Съ того времени, какъ вы здѣсь, надлежало бы вамъ развѣдать о семъ главномъ законѣ; но теперь подвергли вы себя виною узамъ, кои бы впрочемъ наложили по вашему выбору.

Тогда начали онѣ совѣтовать между собою, и назначили намъ разныхъ особъ, кому кого изъ насъ отдать въ рабство. Я, благодаря щастливой моей наружности, меня украшавшей тогда, достался на часть Царицы. Я просилъ у ней единой милости, прежде нежели развели насъ по мѣстамъ, назначеннымъ для невольниковъ, чтобъ переговорить наединѣ съ моими товарищами. Мнѣ позволено. Я обнималъ оныхъ всѣхъ и сказалъ, что никогда не оставлю ихъ безъ помощи; что буду я почасту съ ними видѣться, и что они всего могутъ надѣяться отъ моей силы. Слова мои убѣдили ихъ взирать безъ ужасу на рабство, въ которое они впали, и по оказаніи мнѣ благодарности, мы разстались, чтобъ предаться нашей участи.

Меня отвели въ палаты, гдѣ заперты были узники Царицыны; я умиралъ съ нетерпѣнія увидѣть сію Государыню. У ней столько было невольниковъ, сколько часовъ въ году: они одѣты были щеголевато, и наставляли ихъ въ играхъ и пляскахъ для ея забавы. Не проходило дня, въ которой бы не приходила она ихъ навѣщать; для всякаго изъ нихъ былъ особливой покой, снабженный всѣми надобностями; а когда Царица приходила ихъ смотрѣть, разстановляли оныхъ въ большихъ переходахъ, гдѣ всякой старался другъ предъ другомъ ей понравиться.

Одни, когда она проходила, цаловали свои оковы, другіе обвертывали оныя около головы на подобіе вѣнца; нѣкоторые въ пѣсняхъ, подражая Грекамъ, возвышали свое рабство надъ скипетрами всѣхъ Царей земныхъ. Иные, одѣтые образомъ духа владычествующаго надъ сердцами, у ногъ ея полагали стрѣлы и пламенники, производящіе любовь. Въ одной сторонѣ толпа сихъ плѣнниковъ чрезъ пѣніе и тѣлодвиженія изображали печаль, приключаемую имъ ея отсутствіемъ. Въ другой сторонѣ иные такимъ же образомъ изъявляли блаженство тѣхъ, кои учиняются предметомъ ея милостей; ибо она ежедневно приходя забавляться ихъ играми, повсегда новоизобрѣтенными, все-

гда полагала выборъ на котораго нибудь изъ невольниковъ; она протягивала къ тому поцаловать руку. Тогда освобождали сего изъ оковъ, украшали цѣпями изъ цвѣтовъ, налагали на него миртовой вѣнокъ, и онъ подавъ руку Царицѣ, провождалъ ее въ храмъ, посвященный Богинѣ увеселеній. Такъ Амазонки называли *Венеру*, *или по Славянски Ладу*, извѣстную въ прочемъ свѣтѣ подъ именемъ Волшебницы утѣхъ. По совершеніи жертвы предпочтенный невольникъ возвращался въ свои оковы, и не получалъ отличія предъ прочими.

Едва только одѣли меня въ одежды невольника, отведенъ былъ я въ переходы, куда ожидали Царицу. Я примѣтилъ движеніе во всѣхъ моихъ товарищахъ въ сысканіи средства понравиться сей Государынѣ. Мнѣ показалось, что къ достиженію сего должно взять совсѣмъ противныя мѣры, и что общія со всѣми ухватки меньше отличатъ меня отъ нихъ, нежели досада, оказываемая къ ношенію оковъ. Я постарался на сей конецъ занять у трехъ сильныхъ волшебницъ, называемыхъ Граціями, все, что онѣ имѣютъ живѣйшаго и прелестнѣйшаго для Лады.

Когда появилась *Фелестра* (такъ называлась сія Царица), увидѣлъ я усугубленіе заботъ и тщанія во всѣхъ невольникахъ.

Сколько

Сколь достойна была она сего! Никогда природа не производила ничего ее прекраснѣе: въ чертахъ и поступкахъ ея господствовало нѣчто влекущее къ ней души. Одинъ я только посреди внимательной толпы предсталъ ея взорамъ съ видомъ равнодушія; я казалъ себя стыдящимся моихъ оковъ, и являлъ печаль, царствующую на лицѣ моемъ. Царица изумлена была поступкомъ новаго своего невольника, котораго тогда ей представили; она похвалила пріятность моей особы, и жаловалась на печаль, въ коей казался я погруженнымъ.

Къ чему сіи знаки унынія, сказала она; участь, коей предопредѣленъ ты со множествомъ другихъ, восхищенныхъ своимъ рабствомъ, можетъ ли оскорблять тебя? — Монархиня! сказалъ я, естьли бы рабство было щастіе, лишь бы при васъ имѣло оно пріятности; оно показалось бы мнѣ таковымъ, когда бы я самъ избиралъ оковы, наложенныя на меня по неволѣ: я не вѣдалъ, что по законамъ вашего царства, пробывъ здѣсь нѣсколько дней, надлежало предупредить свою неволю, чтобъ не попасть въ оную. И такъ, свѣтлѣйшая Царица! не сердце мое, но незнаніе виною, что я попалъ въ ваши узы. Повели возвратить мнѣ свободу, и я тотчасъ учиню добродѣтельное пожертвованіе той красавицѣ въ ва-

вашемъ царствѣ, къ которой больше привлечетъ моя склонность. — Сія склонность, сказала *Фалестра*, можетъ ли доставить лучшее достояніе предъ тѣмъ въ каковомъ ты находишься? Можно ли быть щастливѣе, какъ надлежать той, которая владычествуетъ въ этомъ царствѣ? Но ты,, примолвила она, довольно для меня не важенъ, и по тому соглашаюсь я оказать требуемую тобою милость. Выговоривъ сіе, она удалилась, и не хотѣла въ сей день смотрѣть игры и забавъ, отправляемыхъ въ палатахъ невольниковъ. Она не выбрала никого изъ узниковъ, и возвратилась въ свой дворецъ.

Меня порадовало скорое ея удаленіе, и то, что она не выбрала ни одного изъ невольниковъ. Послѣднее совершило бы для меня ударъ жестокой; ибо я почувствовалъ къ ней нѣжнѣйшую страсть. Я льстилъ себѣ, что выраженіе, съ каковымъ произнесла она слова, *ты довольно для меня не важенъ*, доказывало совсѣмъ о противномъ, и безъ сомнѣнія досада, оказанная мною къ ношенію ея оковъ, произвела въ ней выгодныя для меня разположенія; понеже не рѣдко случается, что оскорбляя тщеславіе женщины, пріобрѣтаютъ любовь ея.

Я съ нетерпѣливостію ожидалъ дня, въ который *Фалестра* придетъ возвратить

мнѣ

мнѣ свободу, а я опять пожертвую ей оною. Она прислала за мною на другой день; и сама присутствовала въ Сенатѣ. Увидѣлъ я ее сидящую на великолѣпномъ престолѣ, и украшенную всемъ, что могло возвысить ея прелести. Чиновныя ея госпожи сидѣли на своихъ мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ.

Царица дала знакъ къ сложенію съ меня оковъ: ты свободенъ, сказала она мнѣ; разсмотри прелести всѣхъ особъ, составляющихъ Дворъ нашъ: возьми оковы, лежащія на подножіи престола моего, и отнеси къ стопамъ той, которую изберетъ твое сердце. — Я повиновался, и притворясь на нѣсколько занятымъ размышленіемъ, поднялъ опредѣленныя мнѣ оковы, и пошелъ къ наперсницѣ царицыной; *Фалестра* заключивъ, что я оной предаюсь въ невольничество, оказала въ себѣ великое смущеніе. Я приближился къ той госпожѣ, и сказалъ: милостивая государыня! вы та особа, коей свѣтлѣйшая Царица никогда ни въ чемъ не отказываетъ; удостойте присоединить ваше предстательство къ усерднѣйшимъ моимъ прозьбамъ, чтобъ я удостоенъ былъ опять войти въ тѣ же ея оковы, кои она повелѣла сложить съ меня. Я никогда не желалъ вольности, кромѣ того, чтобъ добровольно оною ей пожертвовать. Убѣдите прекраснѣйшую Монархиню принять новый

вый опытъ жертвы, приносимой ей отъ моего сердца.

Наперсница встала, и препроводя меня къ подножію престола, повелѣла повергнуться предъ онымъ. *Фалестра*, не могшая до того времени скрыть своего безпокойства, оказала на лицѣ своемъ движенія радости; она сама наложила на меня подносимыя мною оковы; я осмѣлился стократно лобзать прелестную руку, учиняющую меня невольникомъ, и замѣчалъ въ очахъ ея смятеніе, одобряющее восторгъ мой. Царица дала знакъ къ отведенію меня въ палаты невольниковъ; я побѣжалъ въ оныя, льстя себѣ приближеніемъ минуты, въ которую учинюсь я рабомъ предпочтеннымъ ею.

Она пришла почти въ слѣдъ за мною. Лишь появилась она на переходахъ, оказалъ я нѣжное смущеніе, производимое присутствіемъ возлюбленнаго предмета, и между тѣмъ, какъ прочіе невольники занимались обыкновенными своими играми, взоры мои устремлены были только на нее. По приближеніи къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, дала она знакъ одному изъ невольниковъ приближиться къ себѣ; она протянула къ нему руку: я сочтя, что выборъ ея палъ на онаго, пораженъ былъ живѣйшею горестію, и произнесъ громкій вопль. *Фалестра* притворилась не замѣтившею сего; она подала при-

приближившемуся невольнику свой скипетрЪ: отнеси сей, сказала она, кЪ новому моему пленнику, и чтобЪ онЪ самЪ возвратилЪ мнѣ оной. Я принялЪ скипетрЪ трепещущею рукою, бѣжалЪ простреться кЪ ногамЪ ея, и держалЪ оныя долго вЪ моихЪ объятіяхЪ. Она подала мнѣ руку свою; я цаловалЪ оную сЪ восторгомЪ человѣка совершенно влюбленнаго. Надлежало меня оттащить для украшенія убранствомЪ, вЪ которомЪ слѣдовало мнѣ вести Царицу вЪ храмЪ Богини увеселеній. *Фалестра* сама опутала меня цѣпями изЪ цвѣтовЪ, и возложила на меня вѣнокЪ миртовой; я подалЪ ей руку, и мы пошли кЪ храму.

ВЕЧЕРЪ XLVI.

Готовы уже мы были вступить во врата, какЪ затворы оныхЪ сомкнулись сЪ усиліемЪ, и грозный голосЪ произнесЪ слѣдующія слова:

Здѣсь прелестей огня сердцамЪ извѣстна страстнымЪ,
Ни чья еще отнюдь не чувствовала кровь:
Накажется отнынь всякЪ бѣдствіемЪ ужаснымЪ,
Котораго сюда приводитЪ *не любовь.*

КакЪ!

Какъ! сказала *Фалестра*; любовь, сей опасной богъ, хочетъ подавать законы въ моемъ царствѣ? Говорятъ, что народы всего свѣта ему подвластны, но мы здѣсь взираемъ на его права и утѣхи не инако, какъ на увеселенія: такъ назвали мы и храмъ, въ который приходимъ воздавать жертву его матери, жертву, въ которой сердца наши не участвуютъ; мы пріобыкли сохранять оныя въ ненарушимой независимости. Но скажи мнѣ, продолжала она, какія то движенія, коихъ требуетъ отъ насъ любовь? —— Ахъ! сколь много дали вы мнѣ познать оныя! отвѣчалъ я; и сколь достоинъ я сожалѣнія, естьли оныя вамъ неизвѣстны! Сей ужасъ, почувствованный мною, когда, показалось мнѣ, что вы избираете не меня, а другаго невольника: радость, послѣдовавшая оному, когда рука ваша простерлась къ устамъ моимъ. . . . Какъ! сказала *Фалестра* прервавъ слова мои, сіи-то знаки власти, кои имѣетъ любовь надъ нами? увы! нѣтъ причины обвинять мое сердце. Безпокойство и радость, изображенныя мнѣ тобою, и коихъ я еще не вѣдала, жестоко занимали сердце мое съ самой той минуты, какъ я тебя увидѣла; я желала быть и въ тебѣ симъ движеніямъ, объявшимъ меня противу моей воли, и почувствовала несказанное удовольствіе, познавъ, что и ты со мною это раз-

раздѣляешь. Пойдемъ; входъ во храмъ намъ позволенъ, и сей духъ, толико проникшій въ мое сердце, по видимому требовалъ лишь изустнаго моего признанія, Тогда двери храма разверзлись; мы вошли, поверглись къ подножію жертвенника, и стократно благодарили духа, коего владычество надъ собою почувствовали. Царица повелѣла всѣмъ придворнымъ госпожамъ своимъ собраться въ храмъ для отреченія отъ оной независимости сердца, коя чрезъ столь долгое время была имъ драгоцѣнна. Оныя сбѣжались очень скоро, и каждая изъ нихъ съ своей стороны сказывала ревность и усердные обѣты для пріобрѣтенія благосклонности бога любви. Тогда троекратно возпѣли въ честь любви гимнъ, мною сочиненный, въ которомъ постарался я помѣстить всѣ побѣды бога сердецъ, и все, что искусство стихотворческое имѣетъ въ себѣ привлекательнаго.

По совершеніи онаго обряда вышли мы изъ храма въ торжествѣ. Я велъ Царицу въ палаты невольниковъ. Едва вступили мы въ оныя, женщина, показывающая начальника стражи, хотѣла возложить на меня оковы. Нѣтъ! сказала Царица, сіи знаки поноснаго рабства не для того смертнаго, котораго я люблю; я однимъ сердцемъ моимъ хочу удержать его въ неволѣ. Она тотчасъ позволила своимъ госпожамъ

изби-

избирать изъ ея невольниковъ тѣхъ, кои понравятся ихъ сердцу, и снять съ оныхъ оковы. По учиненіи сего разбора повелѣла она, чтобъ сіи невольники не обитали уже больше въ ея палатахъ, и чтобъ не отлучались отъ своихъ госпожь до тѣхъ поръ, какъ духъ, владычествующій надъ сердцами, позволитъ удалиться отъ особы, любезной каждому.

Какая скорая перемѣна во всемъ царствѣ! Красавицы, обходившіяся всегда презрительно съ своими невольниками, повели каждая своего торжественно; и чтобъ подражать поступку своей Государыни, появились на лицахъ у всѣхъ чувствованія нѣжности. Начались всюду игры, щеголеватыя пирушки; всякая старалась въ свою очередь пріобрѣсть славу въ томъ, чтобъ учинить любовника своего совершенно щастливымъ. Царица назначила для себя два дни въ недѣлю, въ которые лишь начинало смеркаться, госпожи съ любовниками своими собирались для празднества въ увеселительной домъ, освѣщенный различными огнями. Зданіе сіе вмѣщало въ себѣ все то, что нѣдра земныя и искусство ни имѣютъ драгоцѣннаго и блистательнѣйшаго. На театрѣ, въ части онаго находящемся, представляли свиданія любовниковъ и нетерпѣливость ихъ ожиданія. Изъ театра переходили пировать въ огромной

 залъ,

валъ, гдѣ наслаждались вкуснѣйшими ѣствами, и гдѣ отборнѣйшія Греческія вины были расточаемы. Радость, сіяющая на лицахъ и въ сердцахъ всего собранія, совершила великолѣпіе празднества.

Духъ нѣжности, предсѣдательствующій тутъ, повсегда давалъ чувствовать свое присутствіе. Царица, для отвращенія принужденія, изгнала изъ сихъ собраній преимущество и различіе чиновъ; она не хотѣла предъ подданными своими имѣть инаго предпочтенія, кромѣ того, чтобъ страстнѣе любить своего невольника

При окончаніи пиршества я взялъ лиру, и при звукѣ струнъ возпѣлъ любовь Псиши и Купидона. Я изобразилъ бѣдственное любопытство сей любовницы, навлекшее ей столько нещастій. Я не забылъ путешествія оныя во адъ. Я изобразилъ благоденствіе ея, когда она по укрощеніи ревности Венериной учинилась супругою возлюбленнаго своего бога, и какъ Юпитеръ учинилъ ее безсмертною. Напослѣдокъ всякая чета удалялась на покой, и остатокъ ночи посвящался торжествамъ всемочной Лады.

Сколь завидна была тогда моя участь! Я безпрестанно былъ съ драгоцѣннѣйшею моею Царицею, и которая съ своей стороны оказывалась забывающею для меня все

на

на свѣтѣ. Я занимался только ею, пренебрегалъ всѣ таинства моего искусства: не было для меня ничего сладостнѣйшаго, какъ нравиться моей возлюбленной. Но щастіе таковое было не долговременно. Съ движеніями любви произходитъ то же, что случается и съ прочими вещами въ жизни, кои всегда близки къ концу, достигая совершенства. Излишнія заботы мои къ удержанію сердца *Фалестрина* лишили меня онаго; опричь ее не имѣлъ я иныхъ предметовъ; и хотя услуживали мнѣ только женщины, одна другой прекраснѣйшія, ниже одна изъ нихъ не вдохнула въ меня ни малѣйшей склонности къ измѣнѣ. *Фалестра*, какъ узналъ я то чрезъ вѣрныхъ особъ, не имѣла ни одной минуты чрезъ все оное время, въ которое могла бы быть недовольна мною: но увы! удостовѣреніе для женщины, что ее совершенно любятъ, не есть вещь, могущая учинить ее вѣрною! Царица сія испытавъ, что ничто не можетъ у ней похитить моего сердца, начала меньше уважать онымъ; она до тѣхъ поръ забывала обо всемъ могущемъ ее отлучать отъ меня. Взаимное наше присутствіе служило намъ вмѣсто всѣхъ утѣхъ на свѣтѣ: но я началъ замѣчать ежедневно, что она теряла то живое стремленіе, кое вдыхаетъ страстная любовь; она начала искать пред-

логовъ, для коихъ бы можно ей было отъ меня удалиться. Силою моего знанія могъ бы я свѣдать о томъ, что ее отъ меня отвлекаетъ; но я опасался проникнуть въ истинны бѣдственныя любви моей, и лучше хотѣлъ оставить въ неизвѣстности.

Въ нѣкоторый день бывъ оставленъ ею, пошелъ я жаловаться духу, владычествующему надъ сердцами, на перемѣну, находимую мною въ *Фалестрѣ*. О! сколько ты жестокъ! сказалъ я ему; для чего учинилъ ты невѣрною ко мнѣ мою любовницу, и тогда, какъ я повсечасно мнилъ достигать времени быть истинно любиму? Мое сердце, мои заботы и мои старанія пропустилиль хотя что нибудь къ тому нужное? —— Они-то и лишаютъ тебя егô, отвѣчалъ духъ. Излишняя вѣрность въ любовникѣ влагаетъ въ сердце женщины нѣкоторую скуку, которая скоро приводитъ ее въ равнодушіе; измѣна лучше ихъ привязываетъ. Въ женщинѣ самолюбіе почасту бываетъ сильнѣе той страсти, кою я внушаю; и когда самое это самолюбіе не имѣетъ уже больше чего желать въ одномъ предметѣ, ищетъ оно другаго, могущаго доставить ему каковое нибудь желаніе. Но познай все твое нещастіе (продолжалъ онъ): Царица твоя совсѣмъ тебѣ невѣрна; она теперь находится въ палатахъ не-

воль-

вольниковъ, гдѣ жертвуетъ тобою одному плѣннику своему. — Ахъ! какимъ ударомъ ты меня поражаешь! вскричалъ я. Для чего не оставилъ ты меня въ невѣденiи о семъ нещастiи? Не знать совершенно, еще сомнѣваться, составляетъ только часть таковаго бѣдствiя! — Не жалуйся такъ много, отвѣчалъ мнѣ духъ сей; тѣ, коимъ открываю я объ истинномъ ихъ состоянiи, не весьма достойны жалости: однако я оправдаюсь предъ тобою въ перемѣнѣ къ тебѣ *Фалестриной*. Не справедливо обвинять любовь за невѣрности, господствующiя въ свѣтѣ; я не виновенъ въ нихъ. Стрѣлы, которыми поражаю я сердца, производятъ въ оныхъ склонность, называемую любовiю; но страсть сiя не остановляется твердо на одномъ предметѣ: прочiя имѣютъ право оную къ себѣ привлекать, что зависитъ отъ случаевъ и часто отъ своенравiя женщинъ. — Но, могущественный духъ! сказалъ я, не можете ли вы по крайней мѣрѣ отвратить невѣрность, когда *Фалестра* вздумаетъ предпочесть мнѣ другаго невольника? Сдѣлайте, чтобъ оной показался безобразенъ и отвратителенъ въ глазахъ ея. — Естьли мнѣ обезобразить, отвѣчалъ онъ, всѣхъ особъ, производящихъ невѣрность, или оной подвергающихся, во всей вселенной будутъ только одни чудовища. Положись

жись на меня, не ищи ничего, кромѣ чтобъ позабыть свою измѣнницу; достовѣрное мщеніе состоитъ въ послѣдованіи ея примѣру.

Я поблагодарилъ духа за поданные мнѣ совѣты; но не могъ принудить себя послѣдовать онымъ. Я спѣшилъ возвратиться къ сей невѣрной любовницѣ. Она встрѣтилась мнѣ возвращающаяся изъ палатъ невольниковъ: я учинилъ ей выговоръ самой нѣжной; отвѣтствовано мнѣ съ холодностію, и сказано мнѣ только, что подозрѣніе мое не основательно, и что не чемъ мнѣ упрекать ее. Родъ сего оправданія повергъ меня въ отчаяніе и подтвердилъ извѣстіе, сказанное мнѣ отъ духа властителя сердецъ. Въ самомъ дѣлѣ *Фалестра* и на другой день удалилась въ палаты невольниковъ. Наглость таковая меня разсердила; я побѣжалъ за нею, и предускоривъ ее, написалъ талисманъ на дверяхъ палатъ, и силою онаго всѣ невольники изчезли. *Фалестра* весьма изумилась, нашедъ пустымъ звѣринецъ свой; и ужасъ ея умножился, когда донесли ей, что и всѣ прочіе невольники во всемъ царствѣ также пропали безъизвѣстно. Вѣдомость сія привела ее въ крайнее бѣшенство; я имѣлъ удовольствіе утѣшаться ея отчаяніемъ; ибо я не отлучался отъ нее, а только учинился невидимымъ. Однако пронзило меня до внутренности души то, что изъ

всѣхъ

всѣхъ ея движеній позналь я, сколь малую часть имѣль я въ сожалѣніи ея объ утратѣ невольниковъ. Это принудило меня продолжить еще больше смущеніе, мнсю ей приключенное.

Тогда отдала она повелѣніе вооружить всѣ корабли, находящіеся въ ея пристаняхъ, и послать для наловленія по берегамъ Азіи потребнаго числа невольниковъ къ наполненію палатъ своихъ. Немедленно женщины, опредѣленныя къ войнѣ, вступили на корабли и отплыли въ море; онѣ всѣ оживляемы были крайнею отважностію; имъ надлежало мстить за вещь общую, и никогда не слѣдовали онѣ сему съ таковымъ жаромъ. Между тѣмъ Царица съ крайнею нетерпѣливостію ожидала кораблей своихъ, обремененныхъ тысячею разныхъ невольниковъ для замѣны тѣхъ, которыхъ утратила. Я послѣдовалъ за нею всюду, не бывъ ею видимъ. Сколько разъ готовъ былъ я повергнуться къ ногамъ ея и возвратить ей всѣхъ плѣнниковъ; но возпоминаніе объ невѣрности ея меня удерживало; и безъ сомнѣнія, что со временемъ увидѣлъ бы я въ каждомъ изъ оныхъ предпочтеннаго совмѣстника.

Въ нѣкоторой день услышали на пристанѣ морской радостныя восклицанія; причиною оныхъ было возвращеніе корабля.

Фалестра побѣжала сама туда. Побѣда! побѣда! кричала госпожа начальствовавшая надъ кораблемъ, увидѣвъ свою Царицу; я привожу къ Вашему Величеству прекраснѣйшихъ невольниковъ изъ всей Азіи. Начали оныхъ сводить съ корабля; но вмѣсто ожидаемыхъ красавцевъ она увидѣла только недоростковъ, или мирмидоновъ, родящихся подъ Сѣвернымъ полюсомъ. Оныя были такъ слабы и тощи, что едва могли передвигать ноги, и имѣли видъ гадкой и отвратительной. Царица прогнѣвалась на женщинъ, начальствовавшихъ надъ кораблемъ, кои сами изумились, взглянувъ на плѣнниковъ своихъ, и клялись, что были то прелестнѣйшіе изъ мущинъ, когда они попались въ ихъ руки. *Фалестра* принуждена была имъ вѣрить и утѣшаться ожиданіемъ прочихъ кораблей, посланныхъ въ разъѣзды. Между тѣмъ приказала она сихъ скверненькихъ плѣнниковъ отвести въ пустыя свои палаты: но досада ея достигла крайности, кагда она чрезмѣрно долго безуспѣшно ждала возвращенія другихъ кораблей съ добычею. Надобно было Нимѣть терпѣніе. Она ходила иногда увеселяться въ палаты къ вялымъ своимъ невольникамъ, и чрезъ наряды старалась закрывать естественныя ихъ несовершенства. Поступокъ таковой понудилъ меня разстаться съ нею; я разсудивъ заключилъ, чтобъ стараясь поза-

забыть ее, не оказать ей ни малѣйшаго знака досады. Это было лучшее мщеніе.

Въ одинъ день, когда была она въ палатахъ невольниковъ, подала поцаловать руку своему нѣкоторому изъ вышеупомянутыхъ мирмидоновъ, коего она удостоила избранія: вдругъ увидѣла она его превратившагося въ иную особу, и былъ это я, показавшійся глазамъ ея. Не безпокойтесь, сказалъ я ей, сего открытія; ибо не намѣренъ я мстить за мученія, приключенныя мнѣ вашею невѣрностію; я овладѣлъ столько моимъ сердцемъ, что совершенно вамъ оную прощаю. Я пришелъ лишь испросить у васъ прощенія во множествѣ претерпѣнныхъ вами безпокойствъ, коихъ я былъ причиною. Признаюсь въ винѣ моей: не надлежитъ вмѣнять въ преступленіе любовницѣ того, что она уже насъ не любитъ. Поистиннѣ ей только возможно упрекать насъ, когда перестанемъ мы быть ей нравны; она можетъ у насъ спрашивать о причинѣ пропажи того въ любовникѣ, что ей льстило и чего она болѣе уже не находитъ. Но вы, сударыня, довольно дали мнѣ почувствовать, что я пересталъ вамъ быть угоденъ: и для того не виня васъ ни въ чемъ, возвращаю вамъ всѣхъ вашихъ невольниковъ, коихъ учинилъ я невидимыми. Я стеръ тогда талисманъ, написанный на дверяхъ,

и невидимцы появились. Я испросилЪ только у Царицы изключенія взятымЪ вЪ плѣнЪ со мною, чтобЪ онымЪ возвращена была ихЪ вольность. Она позволила на это, и давЪ имЪ корабль для отвезенія ихЪ, куда угодно, наградила каждаго изЪ нихЪ безчисленными сокровищами. Она старалась только меня удержать при себѣ: нѣтЪ, отвѣчалЪ я на то, должно мнѣ васЪ оставить, и единственно для того, чтобЪ нѣжная страсть наша опять не возобновилась: это не будетЪ уже столько для меня лестно, какЪ возпоминовеніе о прошедшемЪ моемЪ щастіи.

Фалестра, видѣвЪ твердое намѣреніе мое кЪ отЪѣзду, подарила мнѣ свой собственной корабль; я принялЪ оный, и просилЪ ее проводить меня до пристани. Прощаясь сЪ нею, сказалЪ ей я: должно показать вамЪ, сударыня, каковЪ былЪ любовникЪ, котораго вы лишаетесь. Тогда вступивЪ на корабль, превратилЪ я оный вЪ крылатаго слона, которой сЪ быстростію поднявшись на воздухЪ, вскорѣ сокрылЪ меня изЪ глазЪ ея.

Я возвратился во дворецЪ мой вторично искать убѣжища отЪ любви. ТамЪ ежедневно старался я удалять отЪ себя желанія, могущія опять меня подвергнуть своенравіямЪ любовницы. Я вступилЪ вЪ знакомство сЪ прочими духами моей сабратіи, чтобЪ удалиться отЪ участія сЪ тѣмЪ, ко-

торой владычествуетъ надъ сердцами. Я участвовалъ вообще съ ними въ важныхъ произшествіяхъ на свѣтѣ; но всегда вмѣшивался только въ полезныя смертнымъ.

Въ это время подалъ я помощь Азіятскому Государю, испытавшему жесточайшія нещастія; и вотъ по какому случаю принялъ я участіе въ судьбѣ его. Пошелъ я въ нѣкоторой день прогуляться на маленькой островъ, близь береговъ Малабарскихъ находящійся; пріятности и чистой воздухъ тамошній увеселяли меня. Находится на ономъ долина ровная, усаженная отъ природы въ разныхъ мѣстахъ древесами, при корени коихъ протекали источники, пропадающіе иногда и опять съ журчаніемъ появляющіеся. На концѣ долины сей видимо было море, иногда мирное, но временемъ грозящее сему острову ужаснымъ шумомъ и воздымающимися волнами, какъ бы поглотить его грозящими. На сей долинѣ увидѣлъ я человѣка, находящагося въ глубокихъ размышленіяхъ; во всей его особѣ оказывалось нѣчто величественное, хотя крайняя печаль изображалась на лицѣ его и во всѣхъ движеніяхъ. Онъ почти ежеминутно испускалъ тяжкіе вздохи. Я подшелъ къ нему и сказалъ: возможно ли, чтобъ столь пріятное мѣсто обитаемо было таковымъ, коему прелести онаго нечувствительны? Надлежитъ причи-

нѣ

нѣ горести вашей быть весьма великой, когда и самая красота природы не можетъ оную разсѣять. — Я нещастнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, отвѣчалъ онъ; обстоятельства, приведшія меня на сей островъ, служатъ лишь учинить мнѣ красоту онаго несноснѣйшею. Страшная пустыня, гдѣ бы не видалъ я, кромѣ дикихъ горъ и безплодныхъ песковъ, приличнѣе была бы для моего состоянія. — Удостойте открыть мнѣ о вашихъ нещастіяхъ, сказалъ я; какою бы силою оныя ни были приключены, могу я прекратить ихъ. — Увы! говорилъ онъ, естьли по числу множества злоключеній можно бы достигать конца оныхъ, я могъ бы полагать себя у предѣла моего бѣдствія. Я разскажу вамъ повѣсть моей жизни, и хотя тѣмъ возобновлю мое отчаяніе, привлеку на память страшныя изображенія; но весьма щастливъ буду, естьли сострадание ваше доставитъ мнѣ обѣщаемую вами помощь. Тогда повѣствовалъ онъ слѣдующее:

— Я не сомнѣваюсь, что довольно наслышались вы о смерти великаго Могола, произведшей возмущеніе во всемъ пространствѣ его Имперіи и движеніе во всей Азіи. Я старшій изъ трехъ оставшихся сыновъ его, и называюсь *Амаданъ*.

Корона по уставамъ Государственнымъ слѣдовала мнѣ; второй мой братъ, съ коимъ

имъ повсегда соединенъ былъ я нѣжнымъ дружествомъ, не противился моему праву; но меньшой, позавидовавъ моему щастію, вознамѣрился пріобрѣсть то силою, чего не надлежало ему по законамъ. Онъ собралъ страшное войско въ краткомъ времени; и какъ умѣлъ онъ скрыть намѣренія свои, осадилъ онъ меня въ столицѣ моей тогда, какъ я не успѣлъ собрать довольнаго числа войскъ къ моей оборонѣ. Онъ, не взирая на храброй отпоръ, овладѣлъ городомъ и учинилъ меня своимъ плѣнникомъ.

Не одно только властолюбіе учинило брата моего ко мнѣ жестокимъ; съ самаго дѣтства питалъ онъ крайнюю ко мнѣ ненависть, хотя я ни чемъ не заслуживалъ оныя. Учинившись же властелиномъ судьбы моей, открылъ онъ злобу свою ужаснѣйшею лютостію.

При жизни еще родителя моего влюбился я смертельно въ молодую Дагестанку (*), называемую *Каризимою*, и хотя оная имѣ-

(*) Дагестанцы суть праотцы нынѣшнихъ Лесгинцовъ, горныхъ Черкесовъ и прочихъ занимающихъ пространство между Азовскаго и Каспійскаго моря жителей. Въ послѣдствѣ временъ присоединившіеся къ нимъ остатки Печенеговъ, Обровъ, Половцевъ и Козаровъ, составляютъ въ щастливомъ нашемъ вѣкѣ подданныхъ Россійскаго престола.

имѣла всѣ прелести, учиняющія женщину любви достойною; дарованія души ея, добрый нравъ и нѣжность ко мнѣ почувствованная, привязали меня къ ней еще болѣе. Когда увидѣлъ я ее впервые, плѣнившись красотою ея, хотѣлъ я познать ея сердце; и чтобъ успѣть въ томъ и не быть ни чему обязаннымъ въ той склонности, которую хотѣлъ произвесть въ ней, утаилъ я отъ нее мой чинъ; вмѣсто сына Моголова сочла она меня простымъ гражданиномъ, влюбившимся въ нее страстно. Выдумка моя соотвѣтствовала моему желанію. Я произвелъ въ ней столькожь нѣжную любовь ко мнѣ, каковую и она внушила въ мое сердце. Для испытанія постоянства ея, предлагалъ я ей не однократно честь помѣщенія въ сераль Моголова сына, и изображалъ ей лучшими красками щастіе, каковаго можетъ уповать она безъ сомнѣнія, учинившись его любовницею. Однако сердце ея возпротивилось надеждамъ, кои могли бы обольстить прочихъ женщинъ Азіятскихъ; она учинила мнѣ пожертвованіе тѣмъ драгоцѣннѣйшее, что не оказала ни малѣйшаго къ тому желанія, и сохранила ко мнѣ любовь, каковою только можетъ быть доволенъ человѣкъ, самый, прихотливѣйшій изъ страстныхъ.

Я препровождалъ съ нею все время, которое только могъ удѣлить отъ моей дол-

жно

жности. Тогда освободившись отъ блистанія моего чину и суетнаго величества, познавалъ я, что нѣтъ на свѣтѣ сладчайшей власти, какъ царствовать надъ сердцемъ той, которую любишь.

Моголъ родитель мой скончался тогда; а я, увидѣвъ себя владѣтелемъ его государства и собственной моей воли, старался наградить вѣрность дражайшей моей *Каризимы*. Открывъ ей, кто таковъ былъ ея любовникъ, возвелъ я ее съ собою на престолъ. Тогда-то наслаждался я удовольствіемъ, которое можно имѣть, учинивъ любезную свою щастливою; и тогда то мой немилосердый братъ пришелъ осадить меня въ столичномъ городѣ. Плѣнивъ меня, произвелъ онъ ударъ, ужаснѣйшій, нежели бы отнять самую жизнь мою. Онъ, обременивъ оковами мою супругу и меня, повелѣлъ отвести насъ въ городскую темницу: тогда приказалъ онъ нѣкоторому изъ невольниковъ своихъ принести къ себѣ голову *Каризимину*. Представьте себѣ ужасъ тогдашняго моего состоянія! я испросилъ позволеніе у моихъ приставовъ повергнуться къ ногамъ его; я предлагалъ ему собственную жизнь мою въ замѣну дражайшей моей супруги, которая сама съ своей стороны предлагала свою голову, прося мнѣ пощады: но сей неумолимый мучитель глухъ былъ къ прозьбамъ, нечув-

ствителенъ къ слезамъ и красотѣ; оныя лишь умножили его безчеловѣчіе. Онъ подтвердилъ данное повелѣніе; меня поразило это столько, что я упалъ безъ чувствъ. Я опомнился изъ обморока за тѣмъ только, чтобъ умирать безпрестанно, узнавъ о смерти *Каризиминой*, и меня сослали въ сей пустой островъ, на которомъ вы нашли меня. —

Окончавъ сіе, нещастный Монархъ пролилъ потоки слезъ съ таковымъ болѣзненнымъ рыданіемъ, что нещастіе его тронуло меня чрезмѣрно. Я взялъ намѣреніе наказать его безчеловѣчнаго брата. Ступай! сказалъ я *Амадану*; участь твоя меня тронула, и ты будешь немедленно отмщенъ. Тогда подхвативъ его, прилетѣлъ я ко Двору лютаго хищника престола Могольскаго, и покрывъ *Амадана* облакомъ, учинившимъ его невидимымъ.

ВЕЧЕРЪ XLVII.

Мы нашли сего лютаго брата окруженнаго всѣми его придворными: я поразилъ его смертельнымъ ударомъ, отъ коего онъ лишился жизни предъ ихъ глазами. По томъ

по

показалъ я имъ *Амадана*. Вотъ *Моголъ* вашъ! сказалъ имъ я; чрезъ мою помощь возходитъ онъ вновь на престолъ родителя своего. Не оставляйте ничего въ памяти вашей къ наказанному хищнику, опричь проклятія, и повинуйтесь законному вашему Государю; любите его, или впрочемъ трепещите власти таковаго покровительствующаго его духа, каковъ я!

Услышавъ слова мои, всѣ поверглись къ ногамъ *Амадановымъ*: одни произносили радостныя восклицанія и лобзали стопы его, а другіе благодарили меня за наказаніе ихъ мучителя. Монархъ сей возшелъ на престолъ своихъ предковъ. Между тѣмъ смертная горесть изображалась на лицѣ его. Отъ чего произходитъ печаль таковая, сказалъ я ему, когда уже лютость вашего брата омыта пролiянною его предъ вами кровiю? —— Увы, великомочный духъ! отвѣчалъ онъ мнѣ; я чувствую все то, чемъ я долженъ вамъ, знаю цѣну возвращенной мнѣ вами короны; но всего того мало къ возвращенiю моего спокойства. Сей престолъ припоминаетъ мнѣ объ особѣ, которая со мною оный раздѣляла; онъ припоминаетъ мнѣ смерть ея, и сей горестной уронъ пребудетъ мнѣ всегда чувствительнѣе всѣхъ радостей, могущихъ случиться со мною въ остатокъ дней моихъ. . . . . Но, боги! что

вижу я! вскричалЪ онЪ, взглянувЪ на одну женщину приближающуюся кЪ престолу, при помощи поддерживающихЪ ее служителей. Возможноль! это ты, моя вселюбезнѣйшая *Каризима*? — Говоря сіе, бѣжалЪ онЪ кЪ ней, и вЪ нѣжнѣйшихЪ объятіяхЪ оказали они всѣ чувствованія, свойственныя тѣмЪ любовникамЪ, кои чаявЪ себя навѣкЪ разлученными, нечаянно зрятЪ себя опять вмѣстѣ. Нѣкоторый изЪ провожавшихЪ *Каризиму* чиновниковЪ разсказалЪ мнѣ, какимЪ образомЪ наказанной мучитель удовольствовался, приключивЪ горесть своему брату мнимою смертію его супруги, заточивЪ оную вЪ удаленнѣйшее мѣсто своего сераля, и какимЪ образомЪ, опасаясь бунта отЪ другаго брата своего, лишилЪ онаго безЪ милосердія жизни.

АмаданЪ и *Каризима*, опомнившись отЪ восторгу своего, хотѣли повергнуться кЪ ногамЪ моимЪ для возблагодаренія за щастіе, кое доставилЪ я имЪ; но не допустивЪ ихЪ кЪ тому, сказалЪ я имЪ: удовольствіе, чувствуемое мною отЪ того, что я учинилЪ васЪ благополучными, составляетЪ для меня неоцѣненную награду. Я обѣщалЪ имЪ навѣщать ихЪ часто, покровительствовать всегда, и возвратился потомЪ во дворецЪ мой.

Напослѣдокъ опять испыталъ я власть любви, не взирая на вознамѣреніе мое, чтобъ впредь никогда не познавать онаго. Духъ, владычествующій надъ сердцами, посѣтилъ меня во дворцѣ моемъ. Я обремененъ попеченіями, сказалъ онъ мнѣ; городъ, орошаемый рѣкою Тибромъ, занимаетъ меня столько, что я долженъ почасту пренебрегать прочія части свѣта: подай мнѣ помощь въ обстоятельствѣ для меня важномъ. Ступай на край Средиземнаго моря, гдѣ оное имѣетъ великой заливъ; тамъ найдешь ты городъ, великолѣпно на водѣ стоящій. На краю сего города увидишь ты огромныя палаты, гдѣ присутствуетъ волшебница тамошняго народа, Мудрость называемая; тамъ увидишь ты молодую совершенную красавицу, по имени *Зелоиду*. Оная едва достигнувъ пятнатцатилѣтняго возрасту, старается подвергнуть всѣ сердца законамъ той волшебницы; но я хочу, чтобъ сама она покорилась моимъ. Ступай! тебѣ я поручаю дать ей познать власть мою; тысяча особъ просили у меня усердно сего исполненія. Не опасайся огорчительныхъ послѣдствій; я ручаюсь за успѣхъ.

Не осмѣлился я противиться сему столько могущему духу, хотя помнилъ крайности, которымъ онъ меня подвергалъ. Я перешелъ въ назначенное мѣсто, и тотчасъ

узналъ красавицу, кою надлежало мнѣ покорить. Нашелъ я средство проникнуть въ ея спальню, и внушить ей отвращенiе къ жилищу, въ коемъ слѣдовало проводить ей дни свои.

Сначала мнилъ я, что привелъ ее къ чувствованiю нѣжной страсти безъ всякаго участвованiя въ томъ моего сердца; но вскорѣ позналъ, что былъ я ближе косной нежели сама она, или по крайней мѣрѣ почувствовалъ равномѣрную той любовь, каковую произвелъ въ ней. Уже приближался день тотъ, въ которой *Зелоидѣ* слѣдовало предъ престоломъ волшебницы принести клятву въ ненарушимой вѣрности; но я все то упредилъ похищенiемъ ея и перенесенiемъ во дворецъ мой. Тутъ вкусила она совершенную радость и свободу совсѣмъ отличную, каковой не вѣдала она въ прежнемъ своемъ жилищѣ. Мы предались взаимной любви, и никогда два соединенныхъ сердца не занимались съ таковою прiятностiю другъ другомъ.

Какое постоянство во нравѣ, какое прилѣпленiе нашелъ я въ семъ новомъ моемъ завоеванiи! Ничто не могло отвратить мысли ея ни на минуту отъ меня; безпрестанно оказывала она заботы, увѣряющiя меня навсегда въ ея сердцѣ. Поведенiе таковое мнѣ льстило, и я соотвѣтствовалъ оно-

оному съ моей стороны. Но удовольствіе мое не могло быть навсегда таково совершенно; чрезъ нѣсколько времени примѣтилъ я въ себѣ, что безпрестанная привязанность ко мнѣ сей красавицы начала скучать мнѣ. Я укорялъ себя въ равнодушіи, находимомъ въ моемъ сердцѣ; я припоминалъ себѣ о мученіяхъ, приключенныхъ мнѣ нѣкогда подобнымъ поступкомъ Царицы Амазонской. Я старался принуждать себя, чтобъ *Зелонда* не примѣтила сей перемѣны, но сердце не надолго можетъ скрывать свои чувствованія; и притомъ она любила меня такъ много, что не могла примѣтить того, что любятъ ее меньше. Она упрекала меня, и укоренія ея были справедливы; но между тѣмъ самые сіи упреки и мои раскаянія лишь только удаляли меня отъ нее. Я искалъ случая, чтобъ разстаться съ нею. Напослѣдокъ не могши далѣе себя принуждать, сказалъ я ей, что отъѣзжаю на нѣсколько въ ближній городъ для поданія помощи особамъ, находящимся изъ давняго времени подъ моимъ покровительствомъ, и что я скоро возвращуся.

Сколько я нещастлива! отвѣчала она мнѣ; довольно уже познала я, что сердце ваше мною утрачено: вы меня оставляете, и нѣсколько дней отсутствія лишатъ меня совсѣмъ онаго. Увы! первой предметъ,

имѣющій представиться глазамъ вашимъ, истребитъ меня изъ вашей памяти. Вы жертвуете сердцемъ самымъ нѣжнымъ и вѣрнѣйшимъ особѣ васъ недостойной, и которая столько любить васъ не можетъ. Сдѣлала ли я преступленіе въ томъ, что чрезмѣрно любила васъ, и доднесь люблю еще? Надлежало извлечь меня изъ нѣдръ моего отечества, дабы перенесть въ жилище, гдѣ вы сдѣлали меня нещастною? Но я не прошу васъ о возвращеніи къ моимъ родственникамъ, хотя невѣрность ваша и повергаетъ меня въ жесточайшее отчаяніе: увы! не видать васъ, мнѣ кажется еще величайшимъ того злочастіемъ! Обитайте по крайней мѣрѣ со мною въ одномъ мѣстѣ: сожалѣніе отнюдь не мѣшаетъ недостаткамъ нѣжности. Тогда пролила она потоки слезъ, удобныя всякаго умягчить, кромѣ любовника невѣрнаго.

Я чувствовалъ сострданіе, но оное не столько сильно было, чтобъ удержать меня. Я отъѣхалъ, обѣщавъ скоро къ ней возвратиться. Едва прибылъ я въ означенный городъ, какъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ исполненіе ея предчувствованія: я влюбился въ одну женщину, которая весьма не стоила той, кою я оставилъ; и въ дополненіе моего мученія, никакъ не могъ я пріобрѣсть ея склонности. Я не щадилъ ничего, ни вре-

ме-

мени, ни забот, ни всего, чем можно победить сердце женщины; но не получил ничего, кромѣ того, что стал больше влюблен и меньше уважаем.

Сколько наказываюсь я за невѣрность, учиненную особѣ, любви достойнѣйшей на свѣтѣ! говорил я себѣ поминутно. Наконец испытав, что не могу получить никакого успѣха над сердцем новой моей любовницы, рѣшился я возвратиться к оставленной во дворцѣ моем. Претерпѣнныя мною мученія учинили меня чувствительнѣе к той, которой я приключил оныя; я спѣшил и нашел ее почти умирающую. Красота лица ея и радость тотчас заняли мѣсто блѣдности и мрачной печали. Я пронзен был состояніем, в которое привел ее; но чувствуя, что сердце мое не может больше заниматься ею, не хотѣл я ее обманывать. Я сам признался ей в склонности, полученной мною к городской госпожѣ, и как был за то наказан; я стократно обнимал ея колѣни, прося прощенія в моей невѣрности. Вы будете свидѣтельницею (говорил я) моего чистосердечнаго раскаянія; я хочу привести себя в несостояніе быть невѣрным. Тогда принял я тайной состав столь сильных средств, что произвел во всей моей особѣ жестокую перемѣну: лице мое

состарѣлось и сморщилось, какъ бы въ самыхъ глубокихъ лѣтахъ; станъ мой сгорбился, ноги ослабли и погнулись, и вся крѣпость моя меня оставила; словомъ сказать, въ ту минуту учинился я въ цвѣтущихъ лѣтахъ дряхлымъ старикомъ.

Перемѣна сія произошла равномѣрно во внутренности, какъ и въ наружности моей: я не ощущалъ уже тѣхъ живыхъ движеній, кои производитъ пламень молодости; испытанная столько мною нѣжность представлялась воображенію моему въ таковомъ отдаленіи, что почти меня не трогало Не жалуйтесь на меня больше, сказалъ я ей голосомъ дрожащимъ и прерывающимся; вы отчасти причиною крайности, которой я подвергъ себя. Какъ страсти приключали бѣдствія въ моей жизни, намѣрился я перейти въ таковой возрастъ, въ коемъ оныя не властны уже болѣе мучить. *Зелоида* поражена была чрезъ то крайнимъ изумленіемъ. Она искала во мнѣ любовника, которой столько былъ ей дорогъ; и хотя глаза ея онаго не находили, но сердце еще ей онаго представляло.

Я предлагалъ ей безчисленное богатство, и обѣщалъ во мгновеніе ока перенести въ то мѣсто, которое изберетъ она себѣ въ жилище; она отреклась отъ того и другаго, и вмѣсто всего просила той милости, чтобъ учинить ее такою же старушкою. Я

лю-

любила васъ чрезмѣрно, говорила она, чтобъ не могла совсѣмъ безъ изъятія прилѣпиться къ судьбѣ вашей. Я согласился исполнить ея волю, и съ того времени живемъ мы вмѣстѣ, бывъ соединяемы драгоцѣннымъ дружествомъ.

Я чувствую нынѣ отвращеніе ко всему прежнему, и то унылое состояніе, кое почти всегда не разлучно съ старостію; сильнѣйшая нынѣ страсть моя состоитъ въ разсказываніи моихъ похожденій. Я препровождаю нѣкоторую часть дня въ разныхъ странахъ, гдѣ принуждаю всѣхъ женщинъ, мнѣ встрѣчающихся, слушать объ моихъ приключеніяхъ; и тѣмъ, кои внимаютъ оныя прилѣжно, прилагаю на помощь всевозможное изъ силы моего знанія. — Я доволенъ вниманіемъ и вашимъ, продолжалъ онъ къ *Милославѣ*; разскажите мнѣ свои приключенія, и вы можете ожидать всего отъ моей благодарности. — — —

Милослава, безпрестанно занимающаяся своими злоключеніями, разсказала старому духу обо всемъ приключившемся съ нею со дня ея рожденія. Духъ тронутъ былъ тѣмъ: я ни чемъ не могу служить вамъ, сказалъ онъ ей; волшебница, васъ покровительствующая, столькожь сильна, какъ и я; объ одномъ лишь могу увѣдомить васъ, что конецъ нещастій вашихъ приближается, и я пер-

первой предстану поздравить васъ тогда, какъ учинитесь вы благополучною.

Сказавъ сіе духъ исчезъ; а *Милослава* продолжала путь свой, дрожа опасностей, могущихъ съ нею приключиться. Размышленія ея были нарушены великимъ стукомъ, къ ней приближающимся. Она увидѣла колесницу, везущую въ себѣ трехъ животныхъ, ужасной наружности и страшнаго голосу, и которыя звали ее къ себѣ. Королевна хотѣла было убѣжать, но вспомнивъ, что ей надлежитъ предаваться лишь вселяющему въ нее ужасъ, пошла рѣшительно занять мѣсто между трехъ чудовищъ. Едва вступила она въ колесницу, помчалась оная съ чрезмѣрною быстротію. Она сидѣла понуривъ взоры, и нетерпѣливо ожидала окончанія своего печальнаго путешествія. Напослѣдокъ колесница остановилась, и чудовищи изъ оной вышли; одинъ изъ нихъ помогъ Королевнѣ учинить то же, принявъ ее подъ руку, и повелъ ее съ прочими къ стѣнамъ нѣкотораго великаго города. Едва только вступили они въ ворота, чудовищи исчезли, и вмѣсто оныхъ стали Король, отецъ *Милославинъ*, волшебница *Зоримана*, и Князь, любовникъ ея. *Милослава* не вѣдала, что подумать о семъ превращеніи, и опасаясь, чтобъ не было то вновь ослѣпленіе мечты, могущей учиниться

ей

ей бѣдственною, хотѣла бѣжать прочь, но волшебница ее удержала. Вотъ лѣкарство отъ вашихъ нещастій, сказала она; вы загладили порокъ недовѣрчивости къ моимъ совѣтамъ: наслаждайтесь теперь щасливою судьбою; участь ваша, учинившая бѣдственными для васъ всѣ ваши желанія, не имѣетъ уже надъ вами больше власти.

Королевна бросилась съ объятіями къ своему родителю, и по оказаніи живѣйшей радости препровождена была отъ него въ чертоги своей родительницы: тамъ возобновились нѣжныя восхищенія. Король и Королева, сказала ей волшебница, знаютъ уже о взаимныхъ чувствованіяхъ, соединяющихъ васъ съ *Раймиромъ*; они вѣдаютъ объ его природѣ и свойствахъ, дѣлающихъ его достойнымъ васъ: они согласны соединить васъ бракомъ, и учинили бы то, когдабъ суровая участь, присоединяющая къ судьбѣ вашей извѣстныя условія, не препятствовала помышлять о таковомъ щастіи.

По томъ проводили Королевну въ ея спальню для принятія успокоенія, въ которомъ имѣла она великую нужду. Послѣ сего Король, Королева, волшебница и *Раймиръ* собрались совѣтовать. Благодѣтельная *Зоримана*! сказалъ Князь Русскій, не оставляйте несовершеннымъ щастія, котораго отъ васъ ожидаю. Возторжествуйте, еже-

ги

ли можно, надъ препятствіями, лишающими меня руки *Милославиной*. Я вѣдаю, отвѣчала волшебница; духъ, владычествующій надъ сердцами, можетъ насъ наставить; пойдемъ вопросить его, можетъ быть его изреченія прекратятъ наши безпокойства.

Совѣтъ волшебницынъ былъ отъ всѣхъ принятъ и назначенъ день къ вопрошенію духа. *Милославѣ* опредѣлено въ томъ участвовать. Время къ отъѣзду настало, сѣли въ колесницу волшебницыну, и въ продолженіи пути оная разсказала *Милославѣ*, что по ея старанію собраны были Король, родитель ея и Князь Русскій, показавшіяся ей чрезъ искусство волшебства чудовищами.

Они достигли во дворецъ духа властителя сердецъ, и по дорогѣ къ оному видѣли множество людей изъ различныхъ странъ свѣта; оныхъ вела нѣкоторая волшебница, называемая Упованіе, и которая почасту вмѣсто показанія имъ пути принуждала ихъ заблуждать.

Королъ, Королева, волшебница, *Милослава* и *Раймиръ*, допущены были къ подножію престола, на которомъ сидѣлъ духъ. Престолъ сей поддерживаемъ былъ великомочною волшебницею, называемою Воображеніе; всѣ движенія души и сердца, изключая разсудокъ, окружали волшебницу сію.

Зоримана подступивъ къ духу, говорила: „О ты, коего власть простирается „надъ сердцами! вразуми насъ, великомочный духъ, какая можетъ быть истинная благосклонность, кою нѣжная любовница въ состоянiи оказать своему любовнику?„ Духъ усмѣхнулся съ прiятностiю, и взглянувъ на *Милославу* и *Раймiра*, отвѣчалъ на вопросъ волшебницынъ однимъ словомъ: *Вѣрность*. Тогда блестящее облако покрыло престолъ его, и волшебница обратясь къ Королевнѣ, говорила слѣдующее:

„Судьба ваша совсѣмъ перемѣнилась; „изреченiе духа властителя сердецъ дало „вамъ разумѣть объ истинной благосклонности, составляющей щастiе любовника, и „что благосклонность сiя состоитъ только „въ чувствованiи. Правило это не всегда „наблюдается въ свѣтѣ; но мы должны „вѣрить самому Лелю, богу любви, оное „изрекшему. Знаки вѣрности, оказанные „вами къ Князю, желаемому вами въ супруги, исполняютъ тысячу и одну благосклонность, кою должны вы оказать ему прежде вашего брака. Теперь судьба ваша „зависитъ отъ вашего сердца: его чувствованiя ускорятъ бракомъ вашимъ, или удалятъ оный навсегда. Вы начали уже „оказывать *Раймiру* тѣ благосклонности,

„къ

„къ коимъ осуждены вы вѣрностію, когда „сохранили оную, не взирая на препятствія, „вами претерпѣнныя, и кои могли бы по„будить васъ не любить его больше. Но „есть еще другой опытъ, которому серд„це ваше не было подвержено: разлука про„изведетъ оный; и такъ надлежитъ вамъ „разстаться съ *Раймиромъ* на время, кото„раго предѣлъ мнѣ неизвѣстенъ. Шест„вуйте со мною; я провожу васъ въ жи„лище, гдѣ на глаза ваши ничего не будетъ „представляться, опричь пріятнаго. Вы всту„пили въ шестнатцатой годъ вашей жизни, „вы можете составлять желанія и удовле„творять онымъ; предсказанія, которыя до „сего времени учиняли ихъ вамъ бѣдствен„ными, не имѣютъ уже надъ вами власти.„

Тогда волшебница, взявъ Королевну за руку, и послѣ того, какъ оная съ нѣжностію простилась съ своими родителями, повела ее въ свою колесницу и сѣла съ нею. *Раймиръ* бѣжалъ за нею въ слѣдъ, и бросившись предъ *Милославою* на колѣни, говорилъ: какъ! вы удаляетесь? Одному только сердцу моему позволено питать желанія? не позволяется прилагать къ тому моихъ исканій? Ваша нѣжность можетъ ли соглашаться на таковую разлуку? Оная по всегда производитъ сильныя страсти, и можетъ быть только одно сердце мое найдетъ

детъ средство къ защищенію меня отъ оныхъ. —— Въ разлукѣ буду я любить тебя еще больше; вотъ все, чего я желаю, отвѣчала *Милослава*. Не присоединяйте къ оставшимся намъ минутамъ изображенія вашихъ безпокойствъ; утѣшайте вмѣсто того меня въ моихъ и увѣряйте меня, что я всегда пребуду вамъ мила. При словѣ семъ Князь Русскій схватилъ ея руку, которую Королевна сама протянула къ нему, и цаловалъ ее стократно съ восхищеніемъ человѣка, совершенно страстнаго.

Волшебница остановила его, сказавъ ему: не мѣшкайте Князь вашимъ отъѣздомъ; вы чрезъ то отсрочиваете желаемое вами щастіе. Прощайте! надѣйтесь, что когда нибудь достигнете вы на верьхъ вашихъ желаній; попеченія мои ускорятъ часъ сей. Тогда колесница волшебницына поднявшись на воздухъ, скоро скрылась изъ виду. Пролетѣвши различныя степени воздуха, достигли они въ великой городъ. Вошли они въ огромныя палаты: казалось, что тамъ ожидали прибытія *Милославина*; ибо выбѣжало къ ней на встрѣчу множество служителей, которые проводили ее до покоевъ, для нее назначенныхъ. Вотъ мѣсто, назначенное мною для вашего пребыванія, сказала волшебница; я займу оное вмѣстѣ съ вами. Народъ здѣшней страны предпоставляетъ се-

 бѣ

сѣ законы по своей волѣ; большая часть жителей повинуется только своимъ желаніямъ. Двѣ страсти ихъ, заглушающія всѣ прочія и управляющія всемъ сердцемъ, составляютъ самолюбіе и корысть: вы тотчасъ ихъ разпознаете. Надлежитъ вамъ только познакомиться съ женщинами сего народа, и вы немедленно замѣтите, какимъ различнымъ движеніямъ можетъ подвержено быть сердце.

Едва препровели они нѣсколько дней въ семъ городѣ, какъ всѣ, сколько ни было тутъ щоголей, домашнихъ и иностранныхъ, начали къ нимъ свои пріѣзды; всѣ они ничего не щадили, чтобъ понравиться *Милославѣ*: волокитство, праздники, вечеринки и гулянья употребляемы были безпрестанно; волшебница рачительно замѣчала число господчиковъ, старавшихся другъ предъ другомъ плѣнить сердце Королевнино; она не позабыла ни одной ихъ глупости, дѣлаемой въ честь ея, и сколько *Милослава* была всегда равнодушна къ ихъ исканіямъ и любовнымъ объясненіямъ.

Въ числѣ означенныхъ обожателей находился одинъ такой, котораго волшебница сама ей представила: онъ назывался *Аристенъ*, и имѣлъ всѣ свойства, учиняющія мущину совершеннымъ; но онъ не былъ ни на волосъ щастливѣе прочихъ.

Цѣлой годъ прошелъ въ безпрестанномъ приношеніи Королевнѣ подобныхъ жертвъ, въ которыхъ сердце ея не участвовало: разлука ни мало не умалила нѣжности ея къ Князю *Раймiру*. Объ немъ только ежеминутно говорила она съ волшебницею; ей признавалась она, что находитъ особливую радость жертвовать своему любовнику всѣми ежедневно подносимыми ей сердцами. Съ самаго часа разлуки моей съ нимъ, продолжала она, ничто ни на минуту не могло поколебать права его надъ моимъ сердцемъ; и естьли бы способна была я къ иному какому чувствованію, была бы то лишь нѣкоторая жалость, въ коей не можно отказать къ участи *Аристеновой*; мнѣ кажется, что равнодушіе мое къ его исканіямъ приводитъ его въ нещастнѣйшее на свѣтѣ положеніе. Между тѣмъ сожалѣніе сіе не можетъ меня понудить къ учиненію его меньше нещастнымъ; но естьли бы способна я была къ перемѣнѣ, оная послѣдовала бы въ его пользу. — Ахъ, Королевна! сказала волшебница, сколь подозрительно мнѣ это сожалѣніе! я боюсь того, что *Раймiръ* не столь безпредѣльно владычествуетъ вашимъ сердцемъ, какъ вы сказываете! Какъ бы то ни было, я не вмѣняю вамъ сего въ преступленіе; вы нынѣ самовластны въ вашихъ желаніяхъ; и естьли сердце ваше уже не

не таково, и когда другой предметъ занимаетъ въ немъ мѣсто Князя, долженствовавшаго быть вашимъ супругомъ, я совѣтую вамъ не мучить себя принужденнымъ постоянствомъ: мы проживемъ здѣсь до тѣхъ поръ, какъ вамъ угодно; можетъ быть обстоятельства очень оправдаютъ васъ въ невѣрности. *Раймiръ* можетъ быть вамъ всегда вѣренъ, но разлука имѣетъ весьма сильную власть надъ сердцами; нѣжность можетъ ослабѣть. —— Какъ! вы хотите, чтобъ одно только чаянiе рѣшило меня къ перемѣнѣ? подхватила *Милослава*. Нѣтъ, я больше люблю *Раймiра*, чтобъ могла забыть его хотя на минуту; да и тогда, хотябъ я увѣрилась въ его непостоянствѣ, трудно принудить меня подражать ему въ томъ. Сверьхъ того хотя бы я и утратила нѣжность, прилѣпляющую меня къ нему, какъ могу забыть я объ его исканiяхъ, слезахъ и обо всѣхъ знакахъ оказанныя имъ совершенной любви ко мнѣ? Дѣвица, имѣющая благородную душу, должна владѣть собою, когда познаетъ, что страстна; снизхожденiя, оказанныя ею въ пользу любовника, извинительны: но ничто не можетъ оныхъ оправдать, какъ любовь къ нему на всю жизнь постоянная.

Вошедшiй къ нимъ *Аристенъ*, прервалъ разговоръ сей. Онъ имѣлъ видъ радости

сти и довѣренности на лицѣ своемъ. Милостивая государыня! сказалъ онъ *Милославѣ*, я пришелъ увѣдомить васъ о произшествіи, которое необходимо должно понудить васъ къ забвенію удаленнаго отъ васъ любовника. Когда узнаете вы о невѣрности, которую я разсказать хочу, вы согласитес, что духъ, владычествующій въ нынѣшнемъ году надъ отсутствующими, произвелъ обстоятельства столь нещастныя, что ни одинъ изъ любовниковъ не скажется вѣрнымъ. Королевна считала, что онъ будетъ разсказывать примѣръ таковой невѣрности, которыя воображеніе придворныхъ господчиковъ производитъ ежедневно; она рѣшилась слушать его безъ любопытства и робости, и *Аристенъ* началъ таковымъ образомъ:

За нѣсколько дней пришелъ въ пристань сего государства корабль изъ Азіи: вѣтръ оному былъ столь попутной, что онъ переплылъ въ четыре мѣсяца великое разстояніе. Родной мой братъ, которой года за четыре отправился путешествовать, прибылъ на ономъ. Онъ объѣздилъ многія государства какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, и разсказалъ мнѣ слѣдующую повѣсть.

ВЕЧЕРЪ XLVIII.

Братъ мой (продолжалъ *Аристенъ*) находясь въ Винетѣ, полюбопытствовалъ осмотрѣть государство Князя Русскаго, и Варяжскимъ заливомъ въѣхалъ въ рѣку впадающую въ Ирмеръ; а напослѣдокъ присталъ къ берегу близь столичнаго Русскаго города за восемь предъ симъ мѣсяцовъ. Когда въѣхалъ онъ въ тотъ городъ, услышалъ радостныя восклицанія народа, и увидѣлъ разныя на площадяхъ пріуготовленія къ великому празднеству. Онъ спросилъ о причинѣ онаго, и получилъ въ отвѣтъ, что нынѣ будетъ торжествованъ бракъ Князя *Раймира*, сына и единственнаго наслѣдника нашего Государя, съ дочерью Падишаха Персидскаго. — *Милослава* поблѣднѣла, услышавъ сіе; волшебница согласясь въ семъ происшествіи, скрыла однако отъ всѣхъ присутствующихъ, что сей Князь назначенъ *Милославѣ* въ супруги: вѣдали только, что она сговорена за нѣкотораго Государя, но не знали его отечества и имени, даже и о самой *Милославѣ*, кто она. Королевна взглянула на волшебницу, и чая находить на лицѣ ея знаки тогожъ смущенія, коему сама была подвержена, подверглась величайшему без-

безпокойству. Между тѣмъ не хотѣла она нарушать повѣствованія *Аристенова*, чтобъ чрезъ то скорѣе удостовѣриться о своемъ нещастіи.

Аристенъ продолжалъ. —— Братъ мой имѣя надобность въ починкѣ судна, на которомъ намѣренъ онъ былъ чрезъ Варяжское море отъѣхать въ Азію, сыскалъ Вельможу начальствующаго надъ водоплавателями. Онъ прося его о своей нуждѣ, поднесъ ему подарки, которые считалъ рѣдкими въ ихъ странѣ. Вельможа обѣщавъ ему свою помощь, и удивляясь подаркамъ его, сказалъ, что оные достойны быть поднесены самому ихъ Князю, и что при семъ случаѣ можетъ быть онъ самъ предъ онаго представленъ. Братъ мой просилъ Вельможу принять оные въ разсужденіи того, что имѣетъ онъ еще таковыежь для поднесенія его Государю. Вельможа препроводилъ его до самаго престола, на которомъ сидѣлъ Монархъ Русскій. *Раймиръ* находился тогда близь своего родителя; и какъ онъ самъ много путешествовалъ и зналъ языки почти всѣхъ народовъ въ свѣтѣ, разговаривалъ долго съ братомъ моимъ о подробностяхъ, касающихся до нашего отечества. По окончаніи выслушанія предъ родителемъ его проводилъ онъ брата моего въ придворной садъ для дальнѣйшихъ разговоровъ.

 Вамъ

Вамъ должно почти весь свѣтъ проѣхать для совершенія предпріемлемаго вами путешествія, говорилъ ему *Раймиръ*; однакожъ не упсваю, чтобъ встрѣтилось съ вами что нибудь страннѣе моихъ приключеній; находится въ оныхъ начертаніе чувствительнаго примѣра непостоянства сердца человѣческаго; и хотя я вмѣняю то себѣ въ порокъ, но не вѣдаю, какая сила принуждаетъ меня разсказывать объ ономъ особамъ незнакомымъ. Я думаю, что сіе есть дѣйствіе духа, владычествующаго надъ сердцами; онъ принудилъ меня къ ужасной невѣрности противу Королевны, достойной всесвѣтнаго обожденія. Хотя разумному человѣку надлежало бы возпротивиться въ покорности законамъ духа несправедливаго и своенравнаго: но признаюсь, что правило таковое легче предлагать другимъ, нежели самому оному слѣдовать.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о коихъ нѣтъ нужды вамъ подробно разсказывать, Князь родитель мой принужденъ былъ на нѣсколько лѣтъ удалить меня отъ себя и разстаться съ сыномъ, коего любилъ очень нѣжно. Я повинуясь судьбѣ, исторгнувшей меня изъ его объятій, долго путешествовалъ. За два года предъ симъ попалъ я на берегъ государства одного, въ которомъ всѣхъ нашелъ въ великой печали. Королевна

Мило-

Милослава, дочь ихъ Короля, похищена была тогда на воздухъ двумя чудовищными птицами, и не знали, куда сіи оную унесли. Я былъ очевидцемъ сего плачевнаго позорища; я увидѣлъ оную Королевну только на нѣсколько минутъ тогда; она имѣла всѣ прелести, удобныя произвесть впечатлѣніе въ сердцѣ; и мое то испытало. Нещастіе ея меня тронуло, и красота ея побудила меня искать ее по всему свѣту. Претерпѣвъ тысячи препятствій, нашелъ я ее наконецъ; я открылся предъ нею въ любви моей: она соотвѣтствовала моей страсти даже до того, что всѣ претерпѣнныя за это бѣдствія не могли поколебать ея постоянства, и никто бы другой не могъ въ подобномъ случаѣ удержать таковой твердости. Я самъ любилъ ее до безумія.

Мѣсяцовъ съ шесть тому назадъ, какъ принужденъ былъ я съ нею разстаться на нѣкоторое время, послѣ коего имѣли мы навѣкъ съ нею соединиться. Поклявшись взаимно быть другъ другу вѣрными, мы разъѣхались: я возвратился въ мое отечество испросить у моего родителя позволенія на бракъ мой съ нею. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней чувствовалъ я все то, что разлука съ любезною имѣетъ въ себѣ мучительнѣйшаго; но едва прибылъ я къ здѣшнему Двору, какъ отецъ мой предло-

жилъ мнѣ жениться на дочери Персидскаго Шаха. Когда я увидѣлъ сію невѣсту, произошла въ сердцѣ моемъ толь скорая перемѣна, что я тотчасъ забылъ *Милославу*; и долженъ признаться, что новая страсть моя произведена единственно личными достоинствами новой моей невѣсты. Я довольно упрекалъ себя за таковую измѣну; можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ, *Милослава* свѣдала уже объ моемъ непостоянствѣ: мнѣ извѣстно, сколько она нѣжна и вѣрна ко мнѣ; она умретъ съ отчаянія. Я и безъ того приключилъ ей множество бѣдствій. Стократно прелестные глаза ея проливали потоки слезъ, и за всю цѣну толикой нѣжности, одна минута принуждаетъ меня забыть объ ней! Но всѣ разсужденія сего рода мало меня трогали. Весьма великое различіе въ томъ, когда огорчаетъ особу любезную, или ту, которая намъ учиняется равнодушна. Когда я любилъ *Милославу*, самой слабой помыслъ объ огорченіи ея приключалъ мнѣ несноснѣйшее мученіе: а теперь раскаянія мои основываются только на одномъ воображеніи разума; и сказать правду, движенія, происходящія въ сердцѣ нашемъ отъ послѣдняго, такъ слабы, что духъ, производящій въ насъ страсти, есть особа странная. *Раймиръ* приглашалъ по томъ моего брата присутствовать при торже-

стве

ствѣ бракосочетанія его; оной принялъ милость сію съ радостію, и былъ зрителемъ, какъ оба супруга принесли предъ богами клятвы въ вѣчной вѣрности. Радость всего народа была неописанна. - - -

Остановись, жестокой *Аристенъ*! не старайся далѣе поражать меня столь страшными ударами! вскричала *Милослава*, слушавшая до сего мѣста съ жесточайшимъ принужденіемъ повѣсть его, и упала по томъ въ обморокъ.

Волшебница привела ее тотчасъ въ себя прикосновеніемъ жезла своего; но сколь велико было удивленіе ея, когда открывая глаза, увидѣла она *Аристена* мало помалу превращающагося въ Князя *Раймира*, которой повергся къ ногамъ ея, и обнималъ оныя проливая радостныя слезы! Оба они надолго пребыли въ восторгѣ сильнѣйшаго и сладостнаго безмолвія.

- Щастливые любовники! сказала волшебница, подшедъ къ нимъ: съ сего мгновенія начинается ваше благополучіе, и ничто уже онаго возмутить не можетъ. Вы, сказала она *Милославѣ*, должны простить *Раймиру* скрывающемуся чрезъ силу моей науки подъ видомъ *Аристеновымъ*, приключенныя вамъ огорченія; оныя необходимо нужны были для послѣдняго опыта вашего постоянства. Судьба ваша совершилась, и предска-

сказаніе духа исполнено: вамъ не можно было никогда сочетаться съ супругомъ, которому бы не оказали вы *тысячи одной благосклонности* прежде вашего брака по смыслу изреченія духа, владычествующаго надъ сердцами; вы слышали отъ него сами, что лучшая благосклонность къ любимой особѣ состоитъ въ опытахъ вѣрности. Вы все то исполнили. Любовникъ вашъ, скрытый подъ образомъ *Аристена*, самъ былъ очевидцемъ жертвъ, кои вы ему приносили; вы отвергли, пренебрегли для него тысячу и одно сердце, и учинили то единственно изъ вѣрности къ нему: это составило столькожь числомъ вашихъ къ нему благосклонностей. Какая любовь живѣйшая и прочнѣйшая можетъ соединять чету супруговъ, когда бы всегда полагаемы были таковыяжь условія между ими въ началѣ любви ихъ!

Что надлежитъ до васъ, сказала она обратившись къ Русскому Князю: вамъ не слѣдовало влюбляться, когда бы разсудокъ не оправдалъ вашей страсти. Чувствованія, внушенныя въ васъ *Милославою*, и поведенія ваши, исполнили силу предсказанія учиненнаго при вашемъ рожденіи. Шествуйте нѣжные любовники! полетимъ во Дворецъ Короля родителя *Милославина*, для совершенія щастливаго брака, имѣющаго навѣкъ совокупить сердца ваши.

Тогда блестящее облако окруживъ, подхватило ихъ на воздухъ, и помчавшись съ чрезмѣрною быстростію, скоро перенесло ихъ въ чертоги *Милославиныхъ* родителей. Оные обрадовавшись ея возвращенію, и не менѣе узнавъ о томъ, что нѣтъ уже никакихъ препонъ къ вступленію ей въ бракъ, отдали повелѣнія къ пріуготовленію нужнаго для торжествованія онаго въ слѣдующій день.

Прозорливая волшебница постаралась для совершенія радости пригласить родителей *Раймíровыхъ* въ столицу ихъ свата, и перенести оныхъ въ почтовой своей каретѣ. Между тѣмъ, какъ сіи гости ѣхали, готовились къ ихъ встрѣчѣ и запасали нужное къ празднествамъ; искусство *Зориманино* не пощадило ничего нужнаго къ великолѣпію, и все поспѣло въ одну ночь.

Она заботилась лишь о томъ, что почтовая карета ея замѣшкалась, и всѣ чудились тому, вѣдая, что въ волшебныхъ колесахъ оси не ломаются. Подождавши нѣсколько догадливая, *Зоримана* совѣтовала начать торжество, зная, что въ подобныхъ случаяхъ для любовниковъ минута кажется годомъ. Уже первосвященникъ во храмѣ *Дида* (*) изготовивъ верви, омоченныя въ кро-

(*) Дидъ Славянской богъ браковъ, сынъ Ладинъ, и братъ Леля, или Лелія, бога любви.

крови снѣгоподобныхъ голубей, ожидалъ пришествія брачныхъ, для связанія ихъ оными въ вѣчный узелъ супружества; уже шествіе началось при радостныхъ восклицаніяхъ народа: какъ вдругъ съ воздуха опустилась блестящая отъ самоцвѣтныхъ камней колесница, изъ коей вышли родители *Раймировы*, съ молодымъ мущиною и женщиною чрезмѣрной красоты. Послѣ радостныхъ привѣтствій между восхищенныхъ родственниковъ, Княгиня Русская представила своей невѣсткѣ привезенныхъ съ собою мущину и красавицу. Чрезъ помощь сихъ любовниковъ, сказала она, раздѣляемъ мы удовольствіе присутствовать на бракѣ вашемъ, любезныя дѣти; ибо почтовая карета благодѣтельствующей намъ *Зориманы* дорогою сломалась. — Прошу извиненія, сказалъ тогда незнакомой, подшедъ къ волшебницѣ, я подпилилъ у ней оси; мнѣ досадно было находиться въ праздности тогда, какъ вы истощили всѣ щедроты свои въ пользу прелестной *Милославы*: и для того я отнялъ у васъ по крайней мѣрѣ ту честь, чтобъ представить къ ней родителей ея любезнаго. *Зоримана* подала ему руку съ веселою усмѣшкою; а онъ обратясь къ *Милославѣ*, сказалъ: вы не узнаете меня, прекрасная Королевна? Вы видѣли меня нѣкогда совсѣмъ въ противномъ состояніи нынѣшнему моему ви-

виду. Я тотъ старой духъ, которой столько напугалъ васъ, и которой разсказывалъ вамъ похожденіе свое въ пустынѣ. Мнѣ наскучило то спокойное состояніе, которому я предосудилъ себя; я узналъ, что лучше быть подвержену страстямъ, нежели предаваться брюзгливости печальной старости. Вотъ сей молодой духъ, нападавшій со мною на васъ въ одно время, или лучше сказать, возлюбленная моя *Зелоида* (продолжалъ онъ, показывая на незнакомую красавицу), учинившаяся изъ любви ко мнѣ старушкою: мы оба чрезъ дѣйствіе таинственнаго составу возвратились въ цвѣтущую нашу молодость, и вкушаемъ по прежнему нѣжные плоды страстнаго нашего пламени. Я обѣщалъ вамъ явиться первой съ поздравленіемъ объ окончаніи вашихъ нещастій, и радуюсь, бывъ свидѣтелемъ благополучнѣйшаго часа вашей жизни. Я не предлагаю ничего изъ силы моего знанія къ укращенію сего празднества; чета столь совершенныхъ любовниковъ исполняетъ онаго блистаніе.

По окончаніи привѣтствій, новоприбывшіе Монархи вступили съ прочими въ храмъ. Бракъ совершился со всеобщимъ веселіемъ. О великолѣпіи торжества, при томъ бывшаго, чрезъ многіе вѣки съ удивленіемъ пересказывали старики своимъ внукамъ, во всемъ Сѣверѣ. *Раймиръ* и *Милослава* были при-

мѣ-

мѣромъ любви и вѣрности супружеской до конца дней своихъ. *Милослава*, по смерти родителей своихъ наслѣдовавшая ихъ царствомъ, присоединила оное къ государству Русскому, коимъ до самаго пришествія Славянъ владѣли потомки двухъ сыновъ, рожденныхъ ею отъ *Райміра*; и по сей-то причинѣ древніе Князья Славянорусскіе имѣли право на всю область, орошаемую водами Дуная, моря Евксинскаго и залива Меотискаго. — — —

Я доволенъ твоей Сказкою, сказалъ *Изборъ* разсказывавшему оную *Скалозубу*; хотя ты въ ней по своему обыкновенію и ничего не помѣстилъ смѣшнаго, однако есть въ ней много пріятнаго. *Славомірь*! какъ ты думаешь? — Мнѣ нравится въ ней, отвѣчалъ престарѣлый Вельможа, то хорошее нравоученіе, изъ котораго молодымъ людямъ можно почерпнуть полезные примѣры. — А какіе бы? подхватилъ юный Государь. — На примѣръ постоянство, которому нынѣ сердца молодыхъ людей не слѣдуютъ; здравой разсудокъ въ избраніи предмета постоянной любви своей, чрезъ пренебреженіе чего видимъ мы нынѣ столько неудачныхъ браковъ, и — постой, сказалъ *Изборъ*; довольно я разумѣю, что ты говорить хочешь. Но растолкуй мнѣ о пятнатцати теремахъ и о царствѣ слѣпыхъ,

че-

чему не слыхалъ я обьясненія въ развязкѣ Сказки сей? — Чрезъ терема оные, продолжалъ старикъ, изображены страсти, встрѣчающіяся молодымъ людямъ при вступленіи оныхъ въ большой свѣтъ. Красавицы, прельщавшія *Раймíра*, суть роскоши, отъ которыхъ произходятъ всѣ на свѣтѣ пороки. Они имѣютъ привлекательную наружность, отводятъ съ пути должности, учиняютъ добродѣтель несносною, подвергаютъ праздности, и непримѣтно превращаютъ человѣка въ недѣятельнаго тунеядца; онѣ похищаютъ наше здоровье, становятся намъ въ тягость и оставляютъ по себѣ невозвратимое уныніе на остатки нашихъ дней. Естьли бы *Раймíръ* прельстился ихъ наружностію, онъ остался бы въ теремахъ; между тѣмъ, когда отечество и родитель его ожидали пользы отъ его путешествій, и напослѣдокъ онъ возвратилъ бы подданнымъ своимъ Государя пріобыкшаго къ порокамъ; можно догадаться, что Руссы не были бы подъ владѣніемъ его щастливы. Городъ, гдѣ богъ любви наказывалъ слѣпотою, изображаетъ, что власть его простирается надъ разумомъ ослѣпленнымъ; но что благоразсудный человѣкъ и въ ослѣпленіяхъ своихъ можетъ сыскать освободительную стрѣлу, или раскаяніе, приводящее къ употребленію разума, и слѣдственно на путь щастія. — Въ

самомъ дѣлѣ, сказалъ *Изборъ*, очень полезно, слушая сказки извлекать изъ оныхъ наставленіе: надлежитъ разбирать, съ какимъ намѣреніемъ оныя сложены. Волшебные знаки, колесницы и превращенія, не всегда могутъ портить воображеніе, какъ ты сказалъ мнѣ нѣкогда, любезной мой *Славомiръ*. . . . Кого мы завтра будетъ служать? продолжалъ онъ оглядываясь на всѣхъ. — Не слушайте никого, кромѣ здраваго разума; сказалъ *Славомiръ* усмѣхнувшись. — О! ты шутишь, говорилъ *Изборъ*; я это помню, но я говорю объ сказкѣ. — Я съ позволенія Вашего Величества, сказалъ *Уклонъ*, начну завтра повѣсть о *Славорадѣ* и *Свѣтанѣ*. — О! эта сказочка хороша, примолвилъ *Скалозубъ*; но съ позволенія господина *Уклона* можно открыть за тайну, что она взята изъ Гальскихъ сочиненій, и припахиваетъ *Талемиковъ* и *Зенсрою*. — Что до того! сказалъ *Изборъ*, лишь бы оная была незнакома и хороша. Какая мнѣ нужда разбирать, Галлы ли взяли оную у насъ Древлянъ, или мы у Галловъ, Талемикъ ли превращенъ въ Славорада, или Славорадъ въ Талемика?

КОНЕЦЪ IV ЧАСТИ.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
31372-0
КП-30551